

Игумен СЕРГИЙ
(Рыбко)

СПАСИТЕЛЬНА ЛИ
ВѢРА
В ПОЖЬ?

Святоотеческое учение о послушании,
изложенное святителем Игнатием Ставропольским

Ответ русского инока на брошюру
афонского неромонаха Доримедонта
(Бухинина)

Москва

2004

Содержание

Предисловие издателей.....	3
Глава 1. Живая библиотека Отцов.....	10
Глава 2. Противоречие или единство?.....	32
Глава 3. Проходил ли путь послушания отец современного иночества?.....	66
Глава 4. Ограничивал ли святитель Игнатий послушание только внешними деланиями?.....	90
Глава 5. Кто такие духоносные старцы?.....	104
Глава 6. Имел ли право свт. Игнатий на несогласие с Оптинскими отцами?.....	131
Глава 7. Свидетельства святых и подвижников благочестия о творениях свт. Игнатия.....	155
Глава 8. Спасительна ли. вера в ложь?.....	170
Глава 9. Безупречна ли практика современного Афона?.....	205
Глава 10. Не хулите Духа Святаго.....	223
Глава 11. “Звуки святоотеческой гармонии”.....	241

Предисловие издателей

В Издательском Доме «Святая Гора» вышла брошюра афонского насельника иером. Доримедонта (Сухинина) «Учение свт. Игнатия (Брянчанинова) о послушании в свете святоотеческого предания» (М., 2002; М., 2004). Брошюра представляет собой публикацию письма — ответа на вопросы некоего юноши из России, который хотел бы встать на путь иноческой жизни. Автор письма вступает в полемику со святителем Игнатием (Брянчаниновым), еп. Кавказским, пытаясь оспорить его учение о послушании и называя ошибочным взгляд святителя на это важнейшее аскетическое делание.

Между прочим, издание снабжено следующим замечанием: «Запрещается любое воспроизведение текста, иллюстраций и элементов оформления без письменного разрешения автора»

и издательства» (С. 2). Мы никак не можем предположить, чтобы афонский инок был озабочен проблемами стяжания. С другой стороны, вряд ли кто-либо пожелает незаконным образом переиздать столь неоднозначную, можно сказать, одиозную работу. Таким образом, остается предположить, что автор просто опасается критики, могущей опровергнуть его сочинение, а значит, и сам не очень-то уверен в своей правоте. Однако недавно благополучно вышло в свет второе издание работы...

Брошюра вызвала определенный резонанс в православных кругах, особенно — в той или иной мере связанных с монашеством. Справедливости ради необходимо отметить, что и ранее учение свт. Игнатия о послушании некоторыми духовными лицами иногда подвергалось сомнению. Голоса сомневающихся смолкли после прославления святителя в лике святых. Ныне же, в связи с публикацией труда о. Доримедонта (Сухинина), они могут вновь зазвучать. Брошюра о. Доримедонта пришлась очень по вкусу в тех современных наших монастырях, где настоятели, особенно же настоятельницы, выдавая желаемое за действительное, хотели бы добиться беспрекословного послушания во всем, не только внешнем, но и внутреннем, себе, как неким духоносным руководителям, в духе древних авв. Как мы слышали, книга уже предлагается для чтения за трапезой и широко обсуждается в некоторых обителях.

Однако брошюра «О послушании...»^{*} вызывает больше недоумений и даже возмущений,

^{*} Так в дальнейшем будем для краткости называть работу иером. Доримедонта.

прежде всего, среди тех православных из монашествующих и мирян, которые особенно почитают святителя Игнатия Ставропольского и руководствуются в своей духовной жизни его богодохновенными творениями.

К нам в издательство неоднократно обращались миряне и даже иноки некоторых известных обителей с просьбами разобрать и прокомментировать брошюру о. Доримедонта «О послушании», еще раз разъяснить учение святителя Игнатия, его необходимость и значение для христиан нашего времени. Мы попросили сделать это игумена Сергия (Рыбко), настоятеля храма Святаго Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы и директора издательства Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского. И даже если не исключено судебное разбирательство, мы решаемся нарушить строгий запрет о. Доримедонта на «любое воспроизведение текста» и приводим ниже многочисленные цитаты из его книги. В нашей работе они выделены мелким шрифтом, с указанием в скобках страницы.

Приводя без контекста, а чаще пересказывая своими словами отрывки из творений святителя Игнатия, уважаемый о. Д. по каким-то причинам неточно передает их смысл. Поэтому прежде всего мы кратко приведем само учение святителя о послушании, которое афонский инок считает основой, так называемого им, «богословия непослушания». Пусть благочестивый читатель, желающий найти истину, получит возможность самостоятельно судить о предмете спора.

ВЫПИСКИ ИЗ ТВОРЕНИЙ СВТ. ИГНАТИЯ О ПОСЛУШАНИИ

«Новоначальный! Посещай часто келью твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. Блажен ты, если нашел старца сведущего, опытного и благонамеренного: удовлетворительный наставник в наши времена — величайшая редкость. Почитай святилищем ту келью, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие. Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедуйся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных Святыми Отцами о подвижничестве».*

«Послушание старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества, не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, “утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это — величайший дар и благодать Святаго Духа”. Необходимое условие такового повиновения — Духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти

* Творения свт.Игнатия, еп.Ставропольского. Т.V. М., 1998. Правила поведения для новоначальных иноков. С. 19.

...Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшей волей наставника, когда сам наставник еще поработен страстям. “Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай себя неискусному или страстному учителю, чтоб не научиться вместо евангельского жития дьявольскому житию, потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое; от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий невидящий и обещающийся наставлять других есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели по слову Господа: *Если слепой ведом слепого, то оба упадут в яму*” (Мф. 15; 14). При другом случае этот великий угодник Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: “Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но, по дарованию своему и по мере повинующегося, возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу*” (Сл. 8).

...Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным, очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы.

...Иноческое послушание в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постигание его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних Отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых,— увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы неспособны наследовать делание Отцов в полноте его и во всем обилии его.

...Духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени,.. основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями Святых Отцов при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев. В собственном смысле, это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их Духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию, ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспевание было быстрым по свойству делания, ныне оно косо опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего.

Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братьев освящено примером главы монашества, прп. Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братьев,.. всем оказывая по возможности послушание, смиряясь перед всеми и молясь Богу непрестанно. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. ...Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями, но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью».*

«Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому это послушание более знакомо. ...Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу — не достоин он быть руководителем ближнего!»**

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т.V. М., 1998. Главы: «О жительстве в послушании у старца» и «О жительстве по совету».

** Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 159. С. 303.

Глава 1

ЖИВАЯ БИБЛИОТЕКА ОТЦОВ

После прп. Нила Сорского Преосвященный Игнатий был вторым и, может быть, последним монашеским учителем и писателем, а по силе слова, по ясности изложения своего аскетического учения — первым и единственным. Никто из современников не мог равняться с ним в знании отеческих писаний. Это была живая библиотека Отцов.

Игумен Антоний Черемнецкий
(Бочков)*

— *Отец Сергей, Вы более десяти лет в монашеском постриге и священном сане и, насколько мне известно, с юности любите святителя Игнатия, знаете его творения, как и творения других Святых Отцов, на которых святитель основывает свои писания. Как Вы считаете, справедливо ли это утверждение иеромонаха Доримедонта: «Сравнивая учение святителя Игнатия о послушании с храни-*

* Отец современного иночества. М., 1996. С. 57. Письмо казначею Сергиевой пустыни иером. Нектарию.

мым на Святой Горе святоотеческим опытом послушания, необходимо признать, что мнение святителя с этим опытом расходится» (С. 4).^{*} *Возможно ли, чтобы свт. Игнатий, изучавший Святых Отцов самым тщательным образом, знакомый со многими подлинниками, ранее него даже не переведенными на русский язык, не понял святоотеческого учения о послушании?*

— Я внимательно, не один раз прочел брошюру афонского священноинока; она достаточно обширна, по-своему аргументированна, можно назвать ее некой богословской работой, но согласиться с ней, конечно, я не могу.

Прежде всего, вызывает сомнение сама идея противопоставления учения свт. Игнатия о послушании «хранимому на Святой Горе святоотеческому опыту», как выражается автор. Отец Доримедонт в данном случае берет на себя смелость выступить выразителем практики современного Афона в отношении делания послушания. Ссылка на афонскую традицию обладает большой силой, то есть за автором как бы стоит авторитет всей Святой Горы. Возникает вопрос: так ли это на самом деле? Имеет ли право о. Доримедонт говорить от лица всего афонского братства, хотя и будучи насельником Св. Горы, или это просто психологический прием, заимствованный из современных политтехнологий?

Если автор брошюры «О послушании...», будучи никем не уполномочен, присвоил себе право от

^{*} Далее цитаты из брошюры иером. Доримедонта «Учение свт. Игнатия Брянчанинова о послушании в свете святоотеческого предания» (М, 2002) мы будем приводить мелким шрифтом, указывая в скобках только номер страницы.

лица всего святогорского братства делать заявления, не соответствующие взглядам всего братства, насельники Святой Горы и ее Протат должны, на наш взгляд, обратить внимание на «богословие» иеромонаха Доримедонта и, по крайней мере, возбранить ему выдавать свои измышления за учение, якобы повсеместно принятое на Св. Горе. В этом случае дальнейший спор мы ведем лично с иером. Доримедонтом (Сухининым), а не с насельниками Афона, и просим не относить эту полемику ко всему афонскому братству, перед монашеским подвигом которого искренно преклоняемся.

Если же автор на самом деле излагает учение, принятое на всей Святой Горе, необходимо рассмотреть, действительно ли великий Отец современного русского иночества святитель Игнатий Ставропольский погрешает в своем учении о послушании, искажая учение Святых Отцов, или от святоотеческого предания отступает практика современного Афона.

Существует третье объяснение этих расхождений, наиболее, на мой взгляд, вероятное. Это недостаточное знание афонскими насельниками и вообще иноками Элладской Церкви творений святителя Игнатия Кавказского, которые, к сожалению, до сих пор не переведены и не изданы в Греции в полном объеме. Меня всегда удивляло то, что, когда афонцы начинают говорить о Святых Отцах, они почти не упоминают святителя Игнатия, который повсеместно известен в России, является одним из наиболее известных у нас святых и читаемых, как монашествующими, так и мирянами, духовных писателей. Такое впечатление, что на Афоне не знают святителя Игнатия вовсе.

В журнале «Православная беседа» № 2 за 2002 г. опубликовано интервью со старцем-подвижником, насельником Румынского скита, о. Петронием. Говоря о русских Святых Отцах, он называет прп. Сергия Радонежского (от которого, собственно, не осталось письменного наследия), прпп. Серафима Саровского и Нила Сорского. Святителей Игнатия и Феофана Затворника старец не упомянул. То ли он не знает их творений, что более вероятно, то ли не признает их авторитет. Но ведь преподобные Нил Сорский и Серафим Саровский писали в духе древних Отцов. Все поучения прп. Серафима, святого середины XVIII — начала XIX века (а это несколько иная эпоха, чем время жизни свт. Игнатия), — это, собственно, перефразированное славянское «Добротолубие», которое он любил, постоянно читал и цитировал. Преподобный Нил Сорский — духовный писатель XV века; со времени его жизни прошло уже более шестисот лет. Как будто святитель Игнатий и другие близкие нам по времени Святые Отцы не существуют или не нужны и никаких перемен в жизни не происходило!

В России же отношение к ним совсем иное. Мы даже не можем себе представить, как можно в наши дни проводить духовную жизнь, не зная аскетического учения свт. Игнатия (Брянчанинова)! Еще прп. Варсонофий, старец Оптинский, отмечая значение духовных сочинений святителя для современного иночества, сказал: «Желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не может, его сочинения дают ясное понятие об иночестве»*. Творения

* Преподобноисповедник Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. С-Пб., 1994. С. 96.

святителя для нас ничем не заменимы. Учение же о послушании с рассуждением занимает одно из самых значимых мест среди рассмотренных им аскетических вопросов.

Святитель Игнатий был великим знатоком Святых Отцов, от юности был напитан их творениями. Он как бы собрал воедино, синтезировал святоотеческое учение, изложив его на доступном для нас современном языке. Он ничего не изменил в учении Отцов, нигде им не противоречит, постоянно ссылается на них. В своей брошюре о Доримедонте пытается некоторые отеческие цитаты перевести по-другому, истолковать их по-своему, но сами слова богодохновенных подвижников избобличают его неправоту. Святитель Игнатий — продолжатель аскетического делания Святых Отцов, выразитель их учения для нашего времени.

Вопреки мнению о Доримедонте, упомянутый нами подвижник о. Петроний хотя и не называет свт. Игнатия в числе известных ему русских духовных авторов, но, подобно ему, сам свидетельствует о повсеместном духовном оскудении и необходимости руководствоваться отеческими писаниями: «Это (недостаток опытных монахов) бывает не только в России, потому что не очень-то легко найти опытного человека, который бы знал дорогу и шел правильно. И тогда люди делают так, как они думают, что будет хорошо. Нельзя допускать, чтобы они делали что хотят, нужно контролировать. И если даже во многих монастырях, которые восстанавливаются, нет духовно опытных старцев, вы и молодые монахи должны руководствоваться творениями Святых Отцов, в которых на-

писано, что нужно делать монаху»*. С этими словами афонского подвижника, который в монашеском постриге уже семьдесят лет, писания о. Д., доказывающего, что в мире якобы ничто не изменилось, полностью расходятся.

Иеромонах Д. утверждает, что все Святые Отцы, в отличие от свт. Игнатия, учили всегда и во всем беспрекословно слушаться своего духовного наставника, а святитель Игнатий якобы создает предпосылки для «доселе невиданного богословия непослушания, протестантского по своей духовной сути» (С. 6). Но что же в действительности пишет святитель Игнатий? Он говорит, что, конечно же, нужно слушаться беспрекословно, но это относится к духоносным старцам, когда авторитет наставника вне всякого сомнения.

По милости Божией, в юности мне довелось общаться с белгородским старцем архимандритом Серафимом (Тяпочкиным, †1982)**, подвизавшимся в с. Ракитное. В его словах у меня никогда не бывало никаких сомнений. Хотя иногда ошибался и он, но эти очень незначительные ошибки в нашем общении имели место всего несколько раз, и всегда в таких случаях батюшка очень переживал. Когда же духовник не духоносный, то есть душевный, типа меня, вполне естественно, что к нему нет такой веры, как к преподобному отцу. Разница очевидна: нет у него ни того

* От лица Божия куда убежим. //Православная беседа. 2002. № 2. С. 9.

**Архимандрит Серафим (Тяпочкин) — духовник Курско-Белгородской епархии, один из самых почитаемых старцев последнего времени. В Комиссии по канонизации Белгородской епархии сейчас собираются материалы для прославления его в лике святых.

опыта, ни тех духовных знаний, ни той силы благодати, которая ясно открывает волю Божию. Зачем же играть в игрушки?

Если современный духовник не понимает, что ему далеко до древних Отцов, то он, как говорит святитель Игнатий, начинает «принимать на себя роль» старца. Все его решения становятся, как у папы римского, непогрешимыми. Но со стороны хорошо видно, что это не так, и верить в его «непогрешимость» нелегко. Верит человек всегда на основании чего-то. Вера — не какая-то абстракция: она должна быть подкрепляема делами, примером добродетели, чтобы стало ясно, во что верить. Никакой слепой веры — дескать, верь, и все, — не может быть. Вера послушника зависит не только от его произволения и делания, но и, обязательно, от духовного состояния старца, от того, на какой степени духовного преуспеяния тот находится, в какой мере имеет добродетели, через которые он и познает опытно волю Божию. Истинная вера возможна только в истину, а не в ложь, почему древние Отцы и повелевают испытать старца, прежде чем довериться ему. Таким образом, старец должен вначале заслужить доверие послушника. Естественно, душевный, не духоносный наставник не может так руководить, как древние знаменосные Отцы, не имеет права покушаться на такие формы духовного руководства. Смирение его и заключается в том, чтобы, поняв свою немощь, не требовать беспрекословного послушания, как это было в древности. Подлинники наставники ныне так и поступают.

Кроме того, может случиться так, что вполне благонамеренный духовник постепенно впадет в

ложное духовное состояние, в прелесть или даже ересь. Церковная история являет такие примеры даже в отношении высокодуховных людей, имевших дар чудотворения. Что же, нужно продолжать слушаться такого наставника во всем и вместе с ним погибнуть? И такие примеры, к сожалению, есть!

Вопреки о. Доримедонту, мнение святителя Игнатия о послушании никак не единично; вполне согласно с ним говорит, в частности, свт. Феофан Затворник. Вот цитата из его письма: «Правду говорит Н., что ныне нет настоящих руководителей. Однако ж с одним Писанием и отеческими уроками оставаться не следует. Необходимо вопрошение. Паисий Нямецкий так решил: два или три единомысленных пусть составят союз и друг друга руководят или друг друга вопрошают, ведя жизнь во взаимном послушании, со страхом Божиим и молитвою, в умеренной строгости аскетической»*. То есть, если вы не нашли опытного наставника, собирайтесь вдвоем-втроем, читайте Священное Писание, святоотеческие книги и вместе разбирайте, так ли вы понимаете или нет, друг другу задавайте свои вопросы. Заметим, что святитель Феофан ссылается на другого Святого Отца — прп. Паисия Молдавского.

А русский наставник иноков более ранних веков преподобный Феодор Санаксарский (Ушаков, †1791), будучи подлинным старцем и уча своих пасомых полному послушанию, тем не менее, говорит в своем «Наставлении новонаначальному»: «Отвержися своей воли и буди послушлив игуме-

* Вып. 5. Письмо № 917. С. 208

ну и отцу наставному во всем, кроме зла»*, а в слове «О приходящих к житию монастырскому» так изъясняет обет послушания: «Послушание есть воли своей отложение и во всем законном и душе не вредном, как к настоятелю, так и ко всей братии покорение, и что от кого повелено будет, аще не душевредное, того есть исполнение».** Так прп. Феодор трижды подчеркнул: «кроме зла», «аще не душевредное»! Удивительно почти дословное совпадение с наставлениями святителя Игнатия, при том, что в XIX в. была издана лишь небольшая часть наставлений прп. Феодора (во всяком случае, свт. Игнатий не ссылается на них). Далее мы приведем немало свидетельств из книг других Святых Отцов, не только нового времени, но и древних, полностью подтверждающих верность учения о послушании свт. Игнатия.

Отвечая в своей брошюре юноше, пожелавшему вступить на путь монашеской жизни, о. Доримедонт пишет: это очень хорошее желание, но только не руководствуйся учением святителя Игнатия: когда же вступишь в монастырь, тебе дадут старца, будешь во всем его слушаться и очень быстро достигнешь неба. К слову сказать, один из ныне здравствующих, известных на Афоне старцев в беседе с настоятелем одного русского монастыря

* Преподобный Феодор Санаксарский. Наставления духовным чадам. Санаксарский монастырь, 2003. С. 59. В русском переводе: «Отвергнись своей воли и будь послушным игумену и духовному наставнику во всем, кроме зла».

** Там же. С. 52. В русском переводе: «Послушание есть отсечение своей воли и покорность во всем должном и не вредном для души как настоятелю, так и всей братии, и исполнение всего, что кто-либо повелит сделать, если это не будет душевредным».

заявил, что под его руководством послушники за три-четыре месяца достигают состояния самодвижной сердечной молитвы. Так это или нет, не знаем; однако думается, что все не так просто как в изречении: «пришел, увидел, победил». Как пишет святитель Игнатий: «Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве. Невозможно вскоре по вступлении в монастырь или по вступлении в подвиг достичь этой верховной добродетели. Нужны и время, и постепенность в подвиге, чтоб подвижник созрел для молитвы во всех отношениях».* А ведь это было написано во времена, по благочестию и церковности народа не сравнимые с нашими.

Многим, особенно новоначальным, хотелось бы, конечно, чтобы спасение совершалось легко и быстро, но, по свидетельству Священного Писания, *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7; 14). Духовная жизнь гораздо сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Человек, вступивший на путь монашеской жизни, должен рано или поздно увидеть, что времена изменились и не получится так быстро, как раньше, взлететь на небеса; гораздо больше трудов нужно приложить и гораздо больше скорбей претерпеть, чем видится вначале. Да и в прежние времена быстро на небо никто не восходил.

Рассмотрим подробно и по порядку аргументы афонского инока.

— *Опрометчиво утверждая, что мнение святителя Игнатия о послушании единично, о. Доримедонт, тем не менее, пишет, что «эта оценка не переходит на все аскетическое учение святителя и*

* Творения свт. Игнатия. Т. I. М., 1996. С. 261.

не может быть основанием для сомнений в его личной святости» (С. 4). *Как же так? «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Мф. 12; 33). Автор заявляет, что не сомневается в святости свт. Игнатия и даже в его аскетическом учении в целом, но при этом дерзает опровергать взгляды святителя на важнейший аскетический вопрос! Возможно ли достигнуть святости, тем более, в монашеском подвиге, и быть аскетическим писателем, не понимая краеугольной добродетели, каковой является послушание? Ведь послушание — основа духовной жизни.*

— Учение о послушании, вне всякого сомнения, важнейшее, потому что это учение о смирении. Если нет послушания — никогда не будет смирения. А не будет смирения — не будет ничего вообще, одна только профанация и игра. Послушание — один из трех монашеских обетов, в которых, следовательно, заключена суть монашества, как пути к духовному совершенству.

О. Доримедонт сам свидетельствует (С.12): «Святитель признает послушание основной монашеской добродетелью. Он прекрасно пишет о плодах послушания в статье “О молитве Иисусовой” (Т. I)».

Как же можно признавать послушание основной добродетелью, не зная его на деле? Очевидно, что святитель глубоко знал его, прошел этот подвиг на опыте; был настоящим, подлинным послушником. Вообще, молитва без послушания невозможна — эти дела глубоко взаимосвязаны. Кто хочет преуспеть в молитве, обязательно должен быть послушником в высшей степени,

должен в основу своего делания положить жизнь в послушании евангельским заповедям. А полноценно жить по евангельским заповедям возможно только в подвиге послушания духовному руководителю. Иначе, даже если человек пытается жить праведно, на самом деле он будет исполнять лишь свое понимание, свою «версию» Евангелия, руководствуясь своими помыслами. Жизнь в послушании, хотя и труднее, но гораздо выше, потому что в таком случае используется еще и опыт наставника. Кроме того, духовник и чадо, собравшиеся вместе ради Бога, составляют уже как бы маленькую Церковь: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18; 20). То есть, здесь начинает действовать принцип соборности.

Отец Доримедонт заявляет: «Описанный в сочинениях святителя Игнатия опыт духовной жизни без послушания старцу — это его личный духовный опыт, в православной аскетике настолько же исключительный, как, например, опыт Марии Египетской. Во всей истории нашего монашества без послушания до Бога дошли редкие единицы подвижников» (С. 5). — Никто не дошел и не может прийти! Нельзя научиться смирению, пока кто-нибудь не научит, не заставит нас отсекать свою волю и разум. Другое дело, что многие святые подвизались в послушании не духоносному старцу, имели не святых духовников, слушались их несколько по другим принципам, слушались с рассуждением — о чем и пишет святитель Игнатий — и при этом достигли святости. Подвиг прп. Марии Египетской действительно уникален. Она водилась непосредственно Промыслом и благодатию Божией. И святитель Иг-

натий никак не предлагает следовать подобным примерам вместо жительства в послушании.

Значение святого послушания святитель Игнатий нигде никоим образом не принизил. Напротив, у него часто встречаются наставления такого характера: «Путь твой — все открывать о себе старице»; «Волю свою добровольно отсекай пред старицей»; «Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждениями, хотя бы они, по-видимому, и казались добрыми и хорошими»; «Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия. Не принимай никакого вражеского осуждения, или смысления, или подозрения на твою старицу. Не ищи ее любви, но ищи своего спасения».* Святитель с большим благоговением пишет о послушании как добродетели, как делании, посвящает ему многие страницы своих книг, говоря о нем мудрые и глубокие слова, в частности в первом томе**, во втором***. Особенно в письмах, адресованных конкретным людям, святитель не устает говорить о важности, высоте, непреложной необходимости этого подвига:

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. С. 238–241. Письма №№ 140, 141, 143, 136. См. также письма №№ 115–116.

** Творения свт. Игнатия Ставропольского. Т. I. М., 1996. С. 226, 275–276.

*** Полное собрание творений свт. Игнатия Брянчанинова. Т. II. М., 2001. С. 148.

«Пишете, что по прочтении книги св. аввы Дорофея Вы увидели, сколько отклонились Вы от пути истинного. Но это бывает со всеми, кто переходит от жизни самочинной к Хриstopодражательному послушанию. Таковой, по словам св. Иоанна Лествичника: *“слеп был и прозрел”*.— Я Вас не только не отвергаю, но и призываю: *Приидите, чада, послушайте меня, страху Господню научу Вас* (Пс. 33, 12),— не потому, чтоб доволен сам я был по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от Святых Отцов, пером которых водил Дух Святой. ...Почитайте книгу св. аввы Дорофея и если произволение Ваше шествовать по стези отсечения воли не прекратится, но возгорится еще сильнее, и пламень небесных желаний обьет Вашу душу, то благоволите приехать, дабы пространнее услышать учение о пути этом, и принять некоторые правила, которые, как стены высокие и твердые, оградят душу Вашу.— Вы желаете соделаться моею дочерью? Я в восторге духа, взирая на сонм духовных чад моих, которых несмы достоин называться отцом, но рабом,— говорю душе моей: *Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами, ибо больше детей у оставленной, чем у имеющей мужа* (Ис. 54; 1)».*

Новоначальным святитель преподавал строгое, беспрекословное послушание как одну из основ духовной жизни. Учение же о послушании с рассуждением, или, как его называет святитель, «жительстве по совету единомудушного брата» помещено

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 84. С. 163.

в пятом томе его творений, адресованном преимущественно монашествующим, то есть людям, приобретшим уже некоторый опыт, а не тем, кто вчера переступил порог храма. Но и в самом пятом томе святитель прежде всего заповедует часто посещать келью наставника, говоря: «Посещай часто келью твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. Блажен ты, если нашел старца сведущего, опытного и благонамеренного: удовлетворительный наставник в наши времена — величайшая редкость. Почитай святилищем ту келью, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие».*

И хотя очевидно, что здесь говорится не о духоносном старце, а об обыкновенном благонамеренном духовнике, святитель говорит: почитай святилищем келью того, кто согласится быть твоим наставником по Богу, кто не отвергнет тебя, кто вместе с тобой понесет эти труды и эти скорби. Таким образом, святитель с большим уважением относится к тем, пусть даже немощным, духовникам, которые хотя и не обладают духовными познаниями древних Отцов, однако за послушание Церкви, по Божией воле и Божиему благословию, принимают на себя нелегкий крест духовничества. И в другом месте, говоря о том, что не надо принимать на себя аскетические подвиги древних Отцов, потому что некому научить нас правильному прохождению этих подвигов, святитель призывает довольствоваться теми наставниками, которые есть, и благодарить Бога за то ду-

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 19.

ховное руководство, какое нам предоставлено. Святитель считал спасение без послушания невозможным во все времена.

— *В чем же в действительности суть учения свт. Игнатия, которое столь предвзято излагает о. Доримедонт?*

— Афонский инок ополчается, главным образом, против того, что пишет святитель в двух главах пятого тома своих творений: «О жительстве в послушании у старца» и «О жительстве по совету». В них наиболее полно раскрыто учение святителя о послушании, хотя он обращается к этой теме в своих книгах неоднократно.

Суть этого учения состоит в следующем. В настоящее время нет таких духоносных старцев, которые обиловали бы благодатными дарованиями, как обиловали ими в древности старцы — руководители иноков. По этой причине монашество последних времен утрачено жительство в полном, безусловном послушании, когда старец непосредственно возвещает волю Божию послушнику, будучи движим благодатью Духа Святаго. Нынешний духовник и его ученик вместе ищут Божию волю, в основном, путем проб и ошибок; они вместе, пользуясь писаниями Святых Отцов древности, находят ответы на вопросы, которые предлагают жизненные обстоятельства. В отличие от древних, сегодняшние послушники, ищущие волю Божию, находят ее, прежде всего, в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, а также в писаниях святых учителей и преподобных Отцов Православной Церкви. То есть, в руководство предлагается благодатное слово Божие, изложенное Святými Отцами.

При этом открывается замечательная вещь: хотя в древности наставник и был духоносен, однако послушнику преподавался опыт одного человека, а этот опыт всегда ограничен, как бы ни был свят человек. Сейчас же мы имеем писания многих Отцов, принадлежащих к разным традициям, эпохам, разным векам христианства и разным народам. Духовная жизнь современного человека таким образом обогащается опытом разных духовных школ и направлений, учением многих святых, которые тем не менее нисколько не противоречат, а наоборот, удивительно дополняя друг друга, все учат об одном — как спасти душу: «Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? Это их согласие, согласие чудное, величественное. Восемнадцать веков в устах их свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное! Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов».*

Однако Святые Отцы предостерегают: опасно уму, непросвещенному благодатью, истолковывать Священное Писание, «пускаться в глубину»

* Творения святителя Игнатия Ставропольского. Т. I. М., 1996. С. 559–560.

Божественных догматов*. Поэтому святитель Игнатий замечает, что для полноценного руководства словом Божиим необходим совет «единодушного брата», то есть единомысленного нам раба Божия, который также следует в своей духовной жизни писаниям Отцов. Во избежание ошибок необходимо сообразовать свое понимание слова Божия с опытом другого благонамеренного человека. Так исполнится Евангельское слово: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18; 20). Современный духовник, современный старец-руководитель — это всего лишь единодушный брат. Основное отличие такого жителюства заключается в том, что, если в древности необходимо было во всем слушаться своего старца, по причине его святости, сейчас допустимо не во всем слушаться своего духовника, если у нас есть сомнения в соответствии отдельных его решений Божией воле. Святитель советует выждать, не спешить исполнять совет до тех пор, пока не убедимся точно, что он правилен.

Сразу же оговоримся. Не слушаться и не исполнять совета можно лишь из побуждений наиболее точно узнать истину, не по какой-либо другой причине. Для этого должны быть существенные основания. Необходимо отдавать себе отчет, почему именно мы не считаем нужным исполнять данный совет духовника. Мы обязаны убедиться: точно ли этот совет расходится со Святыми Отцами или противоречит нашей совести, видим ли мы, что его исполнение повлечет за собой умножение страстей — или, наоборот, живущие в нас страсти не хотят, чтобы мы исполнили совет?

* «Лествица», Сл. 27, гл. 11–12.

Допустимо также непослушание, если заповеданное нам духовником явно выше наших сил, душевных или телесных, или не соответствует меняющимся обстоятельствам.

Учение святителя остается сокровенным для тех, кто понимает послушание только по букве, тогда как оно есть великое таинство. Противникам свт. Игнатия есть на чем спекулировать: ведь любой новоначальный, конечно, согласится, что прекрасно и необходимо «слушаться во всем». Казалось бы, чем больше слушаться, тем лучше, и от этого не может быть вреда. Однако святитель убедительно доказывает, что есть опасность «быть послушным на зло»* и что полученный совет может содействовать какой-либо нашей страсти и поэтому быть душевредным.

Конечно, легче, когда за нас все решают: меньше ответственности, не надо думать, как не надо и ни о чем заботиться, ведь «за все отвечает старец». Но это так лишь тогда, когда старец духоносен. А если руководитель недостаточно духовен, не получится ли, что *слепой поведет слепого, и оба упадут в яму* (Мф. 15; 14), ведь «если один прельщает, а другой прельщается, виноваты оба» (прп. Иоанн Кассиан Римлянин). Кроме того, не будем забывать, что в любом случае на Страшном Суде за нас отвечать будут не только наши духовники, но, прежде всего, мы сами.

— *В состоянии ли послушник разобратся: действительно ли наставник дает неверный совет, или он сам не хочет нести послушание по действию в нем страстей?*

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 77.

— Новоначальный послушник вряд ли сможет разобраться, даже при богатстве естественных умственных способностей, так как здесь недостаточно блестящих книжных и научных познаний: необходим духовный опыт, который является лишь со временем, исключительно в результате жительства по Евангельским заповедям, проходимого в подвиге послушания и крестоношения. Поэтому, если человек действительно желает встать на путь истинного послушания, он должен приготовить себя к скорбям. Они последуют незамедлительно, как по причине его неумения отличить волю Божию от собственного плотского мудрования, в свете которого заповедь Божия является уму в искаженном виде, так и в результате неизбежных невольных ошибок его наставника. Избежать последствий ошибок хотя бы частично сможет тот, кто последует приводимому свт. Игнатием совету прп. Симеона Нового Богослова: верить учению и поведению наставника святоотеческими писаниями.

Преуспевший же в подвиге послушания, согласно Отцам, вместе с тем преуспевает и в рассуждении, поэтому может и обязан заметить ошибку своего духовного отца, дабы последовать не заповеди человеческой, а воле Божией. Главный признак, которым здесь можно руководствоваться, следующий: душевный мир, всегда сопутствующий принятию истинного решения, и потеря оно, сопутствующая решению ложному с последующим помрачением ума и унынием. Святитель Игнатий Ставропольский говорит, что душевный мир — первый из даров Божиих, который осеняет подвижника по мере

исполнения им заповедей Божиих, в результате их делания. *Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна* (Иак. 3; 17–18).

— *А если мы вообще не имеем рассуждения, как совсем новоначальные?*

— Конечно, когда человек еще совсем новоначальный и только осознал необходимость встать на путь послушания, невозможно и неправильно преподавать ему послушание с рассуждением, потому что он пока вообще слушаться не научился. Но со временем, если он ревностно трудится, чтобы стяжать добродетель послушания, он начинает понимать и то, что духовник иногда бывает не прав.

Учение святителя не является неким новшеством: как и все остальное, без исключения, в его книгах, оно основано на святоотеческих писаниях. Еще прпп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, святые «золотого века» монашества, отличают совет от благословения:

«**Вопрос:** Как должно поступать вопрошающему Отцов: неужели он в точности должен исполнять все, о чем вопрошает?

Ответ Иоанна: Не все, но только то, что говорится ему как заповедь; ибо иное — простой совет по Богу, а другое — заповедь. Совет есть наставление не понудительное, а только показывающее человеку правый путь жизни; заповедь же заключает в себе обязательную силу для получившего оную» (Вопрос № 365).

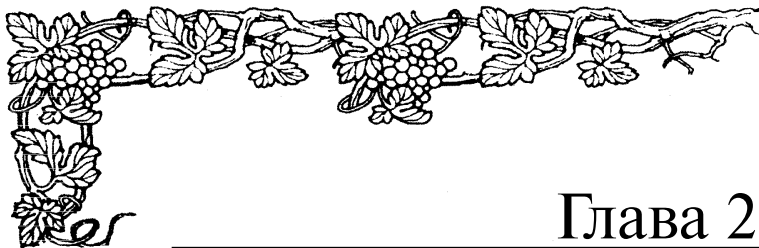
То есть благословение старца нужно исполнять непременно, потому что это воля Божия, а

совет того же старца, если ты не совсем убежден в том, что этот совет соответствует воле Божией, нужно все-таки не спешить исполнять. Различие от нашего времени в том, что в древности у духоносного старца было больше благословений и лишь небольшая часть — советы, а у современного духовника, наоборот — меньше благословений, а больше советов.

В творениях древних Отцов содержится то же самое учение о послушании, что и у святителя Игнатия, как и сам он замечает: «В собственном смысле, это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной».* Существует одно учение о послушании, но у древних некоторые его особенности более сокровенны, по причине иных исторических условий, главное из которых, по их же свидетельству, — обилие духоносных наставников. Поэтому Святые Отцы древности главным образом пишут о том, как проходить послушание высоко-духовному наставнику, прямо возвещающему послушнику волю Божию. Однако и у них встречаются указания на такие случаи, когда наставник может быть в чем-то не прав или чего-то недопонимает. И все без исключения аскетические писатели, говоря о послушании, учат тщательно выбирать наставника, чтобы «вместо кормчего не попасть на простого гребца»**, откуда мы видим, что личность наставника и его духовно-аскетические воззрения, несомненно, очень важны.

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 76.

** «Лествица». Сл. 4, гл. 6.

Глава 2

ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО?

— *Какие, кроме приведенных, святоотеческие наставления легли в основу учения святителя Игнатия о послушании? В каких случаях, по указанию древних Отцов, безусловное, буквальное послушание является неправильным и слова наставника не обязательны к исполнению?*

— Афонский инок совершенно голословно обвиняет святителя в том, что он якобы один учит некоему «богословию непослушания». Однако в России слишком хорошо знают творения свт. Игнатия и видят на собственном опыте их плоды, чтобы так легко обмануться. Сейчас многие среди монашествующих, духовенства и мирян возмущены книгой о. Доримедонта. С большой радостью я прочитал в газете «Православная Москва» статью диакона Владимира Соколова «Отступил ли свт. Игнатий (Брянчанинов) от святоотеческой традиции в учении о послушании?» Вот что пишет отец диакон:

«Основной тезис о. Доримедонта в критике свт. Игнатия заключается в том, что он считает

его мнение “единичным и противоречащим общему святоотеческому учению” (С. 49). Однако когда автор начинает тщательно описывать опыт святителя и сравнивать его с опытом других подвижников,.. обнаруживается как раз не отличие, а сходство его опыта с опытом других отцов. Но автор почему-то этого сходства не желает заметить, а настаивает именно на различиях. Недавно были опубликованы письма святителя Феофана Затворника будущему афонскому старцу Феодосию Карульскому, который, будучи еще студентом и мечтая о монашеском послушании, искал совета у великого подвижника. Его советы о послушании поразительно сходны с советами святителя Игнатия, возникает даже впечатление, что это написано одним и тем же человеком: “Вы прочитали брошюрку, что потребно кающемуся, и увидели, как необходим руководитель-старец. Но там также изображено и каков он должен быть в истинном своем значении. Вот тут-то и горе нам. У меня изображено, каковы были руководители и как относились к ним руководимые в оные времена. Ныне вы ни тех, ни других не найдете. Старец Паисий Величковский, Нямецкий настоятель, искал себе руководителя в России и не нашел. Отправился на Афон, там искал и не нашел. И порешил, что ныне руководство одно — книги отеческие, а чтобы не сделать ошибки в своих решениях, надобно двум-трем единодушным соединиться и руководиться общим советом по указаниям книг” (“Русский Паломник”, № 24, 2001. С. 107).

Приведенный выше текст,— продолжает отец Владимир,— свидетельствует как раз о том, что на

Святой Горе был опыт, схожий с опытом свт. Игнатия, ведь старец Паисий подвизался на Афоне, и старец Феодосий также отправился на Святую Гору. Таким образом, три столпа аскетического дела, канонизированные святые, принадлежащие одной эпохе, согласно свидетельствуют об одном и том же. А с этим уже невозможно не считаться, и невозможно это отнести к их личному опыту, потому что где двое или трое собираются во имя Христа, там и Христос посреди них. А что эти трое собрались во имя Его — в этом не приходится сомневаться... Такое согласное учение всех трех подвижников заставляет отнести это свидетельство к характеру эпохи. Но, собственно, и нового-то в их учении ничего не было — оно было таким же традиционным, как и все, чему учили эти подвижники. Просто было в этом учении акцентировано то, что представляло определенную духовную опасность в наступающем времени».*

Трудно не согласиться с наблюдениями автора!

Из творений святителя Феофана очевидно, что он полностью согласен со свт. Игнатием в том, что в монастырях ныне нет духовного руководства и что это одна из самых важных проблем того времени. Кто внимательно читал письма Затворника Вышенского, знает, что собирающимся поступить в монастырь он советует прежде найти себе духовного руководителя, потому что в монастыре его найти будет затруднительно, почти невозможно. Если удастся по милости Божией отыскать его прежде вступления в обитель, можно в дальнейшем руководствоваться его советами посредством переписки, да и к самой жизни в оби-

* Православная Москва. 2002. № 21–22.

тели, еще будучи в миру, человек сможет подготовиться, поучившись у духовника основам послушания и молитвы.

Вообще, святители Феофан и Игнатий — два великих столпа Русской Церкви XIX столетия, творения которых взаимно дополняют друг друга, поэтому в равной мере должны быть во всех своих частях непременно изучены теми, кто сегодня желает полноценно проводить духовную жизнь, особенно монашествующими.

Отец Доримедонт, однако, выскивает у святителя Феофана частный негативный отзыв о трудах святителя Игнатия: «в его сочинениях есть ложь», — и спекулятивно помещает его в контекст данной книги о послушании, хотя спорили святители совсем о другом! Помимо богословского вопроса о природе Ангелов святитель Феофан нигде не высказывает несогласий со свт. Игнатием. Поскольку в задачу данной работы не входит рассмотрение данного полемического вопроса, заметим лишь, что в учении о природе Ангелов, как и во всех без исключения частях своих творений, свт. Игнатий строго руководствуется учением Святых Отцов Православной Церкви, в чем легко убедиться прочитав само «Слово о смерти» и «Прибавление к слову о смерти»*, а также статью святителя «Ответ Православного на рецензию “Слова о смерти” и других сочинений еп. Игнатия священником Павлом Матвеевским»**. В целом же о творениях

* Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Т. III. М., 2002.

** Домашняя беседа. СПб. 1864. Вып. 3, 4, 5; Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 450–481.

свт. Игнатия свт. Феофан отзывался положительно: «Книги его нужно читать не морщась»,— пишет он одному из адресатов.

Вот что пишет игумен Марк (Лозинский) в статье «К вопросу о взаимоотношениях святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника»*: «К сожалению, при изучении данного вопроса (о природе Ангелов — *ред.*) некоторые слушатели теоретическую полемику переносят и на личные отношения двух святителей, считая, что сами подвижники... находились чуть ли не во вражде между собой... Прежде всего нужно отметить то, что полемика по вопросу о природе Ангелов в основном разгоралась уже после кончины Преосвященного Игнатия. Выступая против мнения Преосв. Игнатия, еп. Феофан до конца своих дней сохранил глубокое уважение к личности своего современника и даже иногда ссылался на его авторитет.

...В период с 1844 по 1847 гг., когда иеромонах Феофан был бакалавром по кафедре нравственного богословия и помощником инспектора Петербургской Духовной Академии, он уже знал известного в то время во всех слоях столичного общества Сергиевского архимандрита Игнатия. Можно с уверенностью сказать, что молодой преподаватель очень скоро проникся глубоким уважением к о. Игнатию за его мудрость, богословскую эрудицию, правильное понимание и деятельное прохождение внутреннего христианского подвига. Никому другому, а именно ему иером. Феофан доверил пересмотр своих лекций по

* Материалы к жизнеописанию еп. Игнатия (Брянчанинова). Машинопись. Библиотека МДА. С. 421–431.

нравственному богословию. В 1888 году еп. Феофан сам писал об этом: “Прочитали «Путь ко спасению». Добре... И еще прочитайте когда-нибудь. Тут все, что мною писалось, пишется и будет писаться. Это мои уроки студентам С.-Петербургской Академии. Конспект пересмотрен с о. архимандритом Игнатием, после бывшим архиереем Брянчаниновым, и им одобрен” (Собрание писем свт. Феофана. М., 1898. Вып. 1. С. 222). Мнение Сергиевского настоятеля было авторитетно для бакалавра Духовной Академии, и он счел нужным подтвердить это и спустя сорок лет, несмотря на разномыслие с еп. Игнатием по вопросу об Ангелах.

...Получив сочинения епископа Игнатия, преосвященный Феофан ответил ему:

“Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

Искреннюю приношу благодарность Вашему Преосвященству за дорогой подарок Ваш. Он и без подарения подарок православным. Авось оживит заснувших. И сия благодать пробуждения да сопутствует всякой книжке и всякую душу да проникает при чтении ея...”»

По поводу предполагаемого оставления святителем Феофаном архиерейской кафедры между святителями завязалась переписка. Игумен Марк пишет о ней: «Эти письма с полной очевидностью говорят о том, что хотя святители и не были согласны в учении о природе Ангелов, но это нисколько не отразилось на их личных отношениях. Их письма проникнуты духом любви и взаимного уважения. После блаженной кончины еп. Игнатия Преосвященный Феофан ссылался на авторитет Бабаевского затворника».

В книге «Что есть духовная жизнь, и как на нее настроиться?» святитель Феофан говорит: если человек хочет знать Божию волю, чтобы ее исполнить, Господь обязательно ее откроет. Но он отнюдь не пишет, что откроется она непременно через старца. В письмах о духовной жизни святитель указывает, что в наши времена нужно иметь не только духовника, но также советника, и в тех вопросах, где с духовником не получается достичь взаимопонимания, обращаться к советнику. Какой же смысл имеют эти слова, если любого духовника нужно слушаться безоговорочно? Следуя логике о. Д., святителя Феофана тоже должно признать сторонником «богословия непослушания», как, впрочем, и других Отцов.

Все Святые Отцы последних времен, предлагая в руководство отеческие писания при совете духовника, указывают на преобладающее значение именно писаний. Совет же духовника важен, необходим, но при этом является дополняющим и разъясняющим писания. И сам этот совет должен, в свою очередь, вытекать из отеческих книг. Отцы последнего времени указывают на особенную ценность тех духовных руководителей, которые свои советы основывают на опытном знании святоотеческих писаний, обильно сопровождая свои наставления цитатами из них. Преподобные Нил Сорский, Паисий Нямецкий — ближайшие к нам по времени аскетические писатели, которые так же, как святители Игнатий и Феофан, постоянно говорят об оскудении духовного руководства и необходимости обращения к книгам.

Преподобный Нил Сорский, святой наставник иноков XV века, писал: «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но испо-

ведывать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова Святых Отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследуя их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них. Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные Святые Отцы из Божественного Писания» (Преподобного Нила Сорского Предание).

Как отличается святоотеческая цитата от того, что пытается проповедать о. Доримедонт!

«Вот превосходный образец для современного наставления! — комментирует эту цитату святитель Игнатий. — Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности Великому Варсонофию и другим знаменосным Отцам, не имея благодати Отцов».*

Однако внимательный читатель святоотеческих писаний древности найдет и в них то же самое учение. Преподобный Варсонофий Великий прямо указывает, что нужно делать в случаях несогласия со старцем:

«**Вопрос:** Если кто-нибудь живет со старцем, но старец сей не в состоянии будет (удовлетворительно) отвечать на вопросы, брата же будут угнетать помыслы, то не лучше ли ему вопрошать другого отца, согласно с волей своего старца, или

* Творения. М. 1998. С. 79.

даже и без воли его, нежели терпеть вред от помыслов?

Ответ: Если он знает, что авва его действительно заботится о пользе души его, то смело должен сказать ему: “Меня смущают помыслы; как рассудишь, что мне делать?” И как человек, у которого болен сын, с заботливостью приводит его ко врачу, и не только приводит, но и платит за него, так и тот старец сам с радостью приведет ученика своего к человеку, имеющему дарование (рассуждения духовного), или пошлет к нему».

То есть, если человек в чем-то не согласен со своим старцем, он должен прийти к нему и исповедать это свое несогласие, и старец, как любящий отец, пошлет брата к другому наставнику для совета. Далее прп. Варсонофий говорит:

«Если же брат знает, что старец его не может понести сего, то ничего не должен говорить ему; но, когда найдет удобное время и Бог подаст возможность, пусть спросит о своих помыслах другого духовного старца, прося того, чтобы не узнал о сем его авва, иначе он возбудит в нем страсть зависти, и то, что брат спросил другого без его ведома, причинит ему большую скорбь. Впрочем, брат не должен соблазняться о своем авве, что он не имеет такого дарования, ибо оно не всем дается, и, рассудив внимательно, непременно найдет, что авва его имеет другое дарование, потому что дарования Духа различны (1 Кор. 12; 4) и различно разделяются людям: иному дается то, а другому иное. А пока брат тот не находит времени спросить, пусть потерпит, моля Бога помочь ему».*

* Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. М., 2001. Вопрос 501. С. 439.

То есть, если знаешь, что твой старец обидится и расстроится, то ничего не говори ему, а дождись, когда будет возможность, и тогда сам пойдешь, спроси у другого старца, которому доверяешь. Очевидно, что здесь говорится о послушании с рассуждением! Всем известен и случай, когда послушник для примирения двух старцев вопреки повелению наставника не передавал его гневные слова*. В патериках этот случай приводится именно как пример благоразумия.

А вот что говорил сам основатель монашества прп. Антоний Великий: «Надобно наперед удостовериться в правомыслии и в опытности старца,— и тогда уже доверяться его слову и беспрекословно принимать его советы. Признак, по которому это можно распознать, есть согласие слова его со словом Божиим. Надобно смотреть на то, что повелевается. Если кто укажет тебе что-либо

* Один из старцев уступил свободную келью подвижнику из Египетского Скита, пришедшему в его места посетить других отцов. Однако затем он уязвился завистью к гостю, так как к тому приходило множество посетителей за душевным назиданием, и послал ученика прогнать его из кельи. Однако ученик, приходя к подвижнику, передавал ему как бы от лица старца слова утешения и доброжелательства, а своему старцу как бы от лица пришельца-подвижника передавал просьбы повременить. Когда наконец старец, воспламененный гневом, пошел сам, чтобы побоями выгнать гостя, тот, ни о чем не подумывая, вышел ему навстречу, кланяясь, благодаря и призывая милость Божию к нему. Услышав это, старец пришел в умиление, раскаялся и, узнав, что послушник не передавал его гневных слов, пал ему в ноги и просил его самого быть его наставником.

См. Отечник, составленный еп. Игнатием (Брянчаниновым). Повести из жития старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас. П. 13.

такое, что согласно с заповедями Господа нашего,— прими то с покорностью и старайся соблюдать, да исполнится и в нас слово апостола: *Повинуйтесь друг другу в страхе Божиим* (Гал. 5; 13, Еф. 5; 21). Напротив, если кто укажет тебе что противное Божественным заповедям, то скажи дающему наставление: *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?* (Деян. 4; 19); *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5; 29). Будем помнить также слово Господа: *Овцы Мои слушают Мой голос, за чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса* (Ин. 10; 5). Равным образом и блаженный Павел убеждает, говоря: *Если бы даже мы, или Ангел с неба, или кто бы ни был другой стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1; 8–9)» (Patr. Lat. T. 73, p. 1053).*

Чем же учение свт. Игнатия о послушании отличается от этого учения прп. Антония? Великий основатель монашества уже тогда заповедал то, что ныне почему-то называют неким новшеством и искажением. Святитель Игнатий лишь более подробно разъяснил это учение, поскольку с течением времени опасность слушаться «человеков, а не Бога» возрастает и возникает нужда указать «изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние».**

— *Батюшка, но как же соотносить это наставление прп. Антония Великого с заповедью прп. Иоанна Лествичника: «по вступлении на по-*

* Добротолюбие. Т. 1. С—Пб., 1877. С. 108.

** Творения. Т.V. М., 1998. С. 57.

прище благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения» (Сл.4, гл. 6)?

— В действительности никакого противоречия нет. Лествичник говорит применительно к духоносным старцам того времени, которые, будучи облагодатствованы в высокой степени, не могли повелеть противного заповедям Божиим. «Хотя увидим малые согрешения» — именно малые согрешения, а не сильные действия страстей.

Если послушник убедился, что наставник духовен в такой мере, какой требует от пастыря прп. Иоанн, ему, действительно, незачем его испытывать. Однако, прежде чем предать себя в послушание, по «Лествице» необходимо всячески испытать наставника, чтобы убедиться в правильности его суждений, его направления, в конечном итоге — наличии в нем благодати. А это само по себе указывает на необходимость для послушника иметь хотя бы какое-то рассуждение: «Когда мы, в намерении и разуме смиренномудрия, желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение наше иному, то, еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача — на больного, вместо бесстрастного — на человека, обладаемого страстями, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой гибели» (Там же).

Что значит: «испытать наставника»? Не значит ли это сравнить его жизнь и учение, прежде всего, со Священным Писанием, а также с тем, что послушник уже знает о благочестии и добродетелях? Откуда же послушник черпает свои знания? Из творений Отцов Церкви, а также общения с известными ему подвижниками и рабами Божиими. Несмотря на то, что знания послушника далеко не безупречны, Лествичник, однако же, повелевает ему «испытать наставника», что о. Д., вопреки этому святому отцу, почему-то считает невозможным для послушника (см. С. 16). Ныне, воздавая должное почтение и уважение нашим пастырям, можем ли мы признать их столь же бесстрастными и мудрыми истинными кормчими, как великие наставники древности, ведь только таковым повелевает верить себя безоглядно преподобный отец?

Из наставления прп. Иоанна не следует, что если благословение смущает совесть, то надо все равно исполнять его, даже не переспросив. Имеется в виду именно совесть, а не действие на ум бесовских помыслов. Одно — плотское мудрование, которое должно отлагать верой, совсем другое — если совесть почему-либо не приемлет данного нам благословения. Поэтому Лествичник поставляет именно совесть мерилom послушания, говоря: «Совесть да будет тебе зеркалом твоего повиновения; и сего для тебя довольно» (Сл. 4, гл. 75). Совесть, а не благословение старца, то есть благословение подсудно совести вопрошающего, которая должна свидетельствовать истинность или неистинность нашего послушания.

А вот прямое указание в «Лествице» на послушание с рассуждением: «Иной, получив повеле-

ние и понимая притом мысль повелевшего, что исполнение приказание не будет ему угодно, оставил оное, а другой, хотя и понимал это, но исполнил приказание без сомнения. Должно испытать, кто из них благочестивее поступил?» (Сл. 4, гл. 108). Отнюдь не порицая первого, выбор Лествичник оставляет за читающим, по мере его преуспеяния. «По толкованию Илии Критского, можно похвалить их обоих в свое время,— пишет составитель примечаний к “Лествице”, комментируя это место.— Если старый монах, последуя желанию своему, испросит некоторое позволение, то хорошо поступит, когда воздержится от исполнения, как потому, что его послушание было долго искушаемо всякими образами, так и потому, что во свете рассуждения и опытности его может ему открыться истинное намерение наставника, и он лучше сделает, когда последует не звуку слов настоятеля, как раб, но истинной воле отца своего, как истинное чадо послушания. Если же сей инок млад, то ему лучше повиноваться полученному приказанию в простоте сердца и не входя в разбирательство; ибо таково его устроение, что он должен представлять доказательства точного и верного своего послушания».

«Не забудем, что киновиты имели обыкновенные спрашивать у своих начальников, если что-нибудь их смущало»,— пишет архим. Палладий (Добронравов) во «Введении» к житию прп. Пахомия Великого*. Следовательно, и в те времена это не воспринималось как прекословие и нарушение устава. В этом житии приводятся примеры и того, как прп. Феодор Освященный, любимый ученик

* Жизнеописание прп. Пахомия Великого. М. 1899. С. 8.

аввы Пахомия, действовал немедленно, без испытания, радуясь тому, что представляется возможность оказать послушание*, как и примеры того, когда прп. Феодор не соглашается с благословением своего старца, указывая на противоречие его заповеди Евангельской.**

У прп. Варсонофия Великого есть следующая мысль. На вопрос, почему некоторые старцы дают ошибочные благословения, он отвечает: потому что они приняли это от своих старцев, а когда сами стали старцами, не позаботились о том, чтобы помолиться, чтобы Господь им открыл, верно ли им сказали наставники. Это еще одно святоотеческое указание на то, что не во всем нужно слушаться своих старцев, даже духоносных!

Ведь послушник — не зомби и не член тоталитарной секты. Ему не запрещается спрашивать и думать. Он не только вступает в послушание добровольно, но и сам этот подвиг не сможет проходить успешно, если будет непрестанно соблазняться и смущаться в совести. В последнем

* «Однажды многие братия вместе с аввой Пахомием отправились резать тростник. Некоторые из иноков провожали их. Между ними был и любимый ученик Пахомия, св. Феодор. Когда уже нужно было отчалить от берега, Пахомий сказал Феодору: “Поспешни войти в лодку”. Феодор, не спрашивая о причине, тотчас исполнил приказание старца, вошел в лодку и даже не подумал о том, чтобы взять с собой книгу, которую читал в те дни ради назидания. Он рад был, что старец дал ему возможность проявить послушание, которое и не спрашивает, куда и зачем его ведут, подобно Аврааму, вышедшему из своей земли по повелению Божию, хотя он и не знал, куда идет». Архим. Палладий (Добронравов). Жизнеописание прп. Пахомия Великого. М., 1899. Великое светило Египта. М. 2002. С. 158.

** Когда прп. Пахомий дал благословение прп.Феодору встретиться с матерью, тот отказался. Там же. С. 88.

случае послушник рано или поздно потеряет веру к наставнику. Как бы ни был мудр, искусен и добродетелен духовный руководитель, однако «совесть есть голос Божий в человеке» (прп. авва Дорофей). Учение наставника тогда успешно усваивается послушником и дает обильный плод добродетели, когда бывает согласно с его совестью. Еще раз оговоримся, что одно дело — совесть, как мерило различения добра и зла, хотя и поврежденное грехом, но не утраченное человеком в падении, другое дело — смущающие ум помыслы неверия к наставнику.

В ложных религиях и сектах тоже существуют принципы послушания и причем в самых крайних формах. Православное учение о послушании отличается от учений еретических и иноверных тем, что в нем сохраняется принцип свободы воли послушника. Сравните: «...Мастера дзен пинают и бьют своих учеников. Они выбрасывают их из окон домов. Иногда они прыгают на них. Надо всегда помнить: они не гnevаются, это тоже часть их сочувствия. Когда мастер дзен бьет ученика, ученик принимает это с благодарностью. Вы, может быть, удивитесь, но с тех пор, как мастер избьет ученика, тот становится главным учеником» (Джидду Кришнамурти, индийский религиозный мыслитель и поэт)*.

В одной из книг русского адепта современного суфизма** Георгия Гурджиева приводится сле-

* Данное высказывание носил при себе артист и каратист Талгат Нигматулин, забитый насмерть своими друзьями под руководством их «гуру» — шарлатана Абая, одержимого манией величия. Журнал «Преступление и наказание». 2002. № 12.

** Суфии — члены тайных монашеских орденов ислама.

дующий пример «послушания» учителю. Некий ученый с познавательными целями совершал путешествие по пустыням Средней Азии. Придя в жилище суфиев, он вступил в беседу с главным из них. Когда ученый позволил себе высказать сомнение в послушании его учеников, тот повернулся в сторону и взмахнул рукой. Тотчас же по его знаку несколько учеников, находившихся на башне, бросились оттуда вниз и разбились насмерть. Тщеславие и желание настоять на своей точке зрения, а отнюдь не стремление к истине явилось причиной смерти учеников, если, конечно, этот случай был на самом деле, а не выдуман рассказчиком.

Если принять точку зрения иером. Доримедонта, чем послушание в православном понимании отличается от послушания в тоталитарных сектах и экзотических восточных религиях, ныне практикуемых на Западе? Там гуру, учитель — мерило добра и зла, критерий истины. В Православии полнота Истины содержится в учении Соборной Церкви, которое, в свою очередь, состоит из Божественного Откровения — Священного Писания и Церковного Предания. Послушник добровольно соглашается или не соглашается с наставником, за ним всегда остается право выбора. Тем удивительнее бывают примеры послушания в тех случаях, когда послушник совершает сверхъестественные дела из послушания, любви и доверия старцу.

Так или иначе, самому о. Доримедонту волей-неволей приходится признать, что «в аскетическом учении Святых Отцов предусмотрены и исключения из правила “послушания без рассуждения”». Эти исключения касаются двух областей —

веры и нравственности» (С. 30). Но, простите, уважаемый о. Доримедонт, а каких же еще областей кроме «веры и нравственности» вообще касается подвиг послушания? «...Из святоотеческих наставлений видно, что принцип “послушание без рассуждения” теряет свою абсолютность в том, что противоречит Евангелию и вообще Писаниям. Очевидно, что в этом случае Святые Отцы имеют в виду изложенное в Священном Писании догматическое и нравственное учение Церкви,— пишет о. Д., ссылаясь на “Древние Иноческие Уставы”. Но ведь именно так и учит святитель Игнатий! — «Во всем остальном Отцы настаивают на полной “акривии” (точности) послушания» (С. 31).

Что же такое это «остальное», что выходит за рамки «веры и нравственности» и в чем послушание должно быть абсолютным? Если чисто бытовые вещи — в них святитель Игнатий как раз советует слушаться беспрекословно. Нравственное Предание Церкви изложено не только в Священном Писании, но и в творениях Святых Отцов. А когда святитель Игнатий заповедует не слушаться в том, что противоречит Святым Отцам, по мнению о. Д., он говорит нечто новое. Послушник, по мнению о. Д., ничего не понимает, и старец во всем берет ответственность на себя. Автор брошюры сам себе противоречит, не понимая по сути подвига послушания.

О. Д. сам цитирует наставления Отцов, из которых явствует, что не во всем и не всегда надо слушаться (см. С. 41–42). Он приводит изъяснение прп. Никодимом Святогорцем 21-го правила VII Вселенского Собора, где указаны причины, по которым монах имеет право оставить обитель,

где был пострижен, или своего старца (брошюра о. Д., С. 31). Эти причины — еретичество игумена или старца или вообще душевный вред, получаемый в обители. Действительно, имеется в виду серьезный вред, но ведь именно так и учит святитель Игнатий! Остается удивляться, как о. Д. не замечает противоречий и натяжек, переполняющих его книгу.

— *Для того чтобы увидеть единство учения святителя Игнатия с учением Святых Отцов древности, достаточно и приведенных выше отрывков. Однако о. Доримедонт пытается доказать, что святитель неверно применяет к своему учению цитаты из прп. Симеона Нового Богослова. Разъясните, пожалуйста.*

— Святитель Игнатий подтверждает свое учение следующими цитатами этого преподобного отца из его «Деятельных и богословских глав»: «Изучай Божественное Писание и писания Святых Отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей» (Прп. Симеон Новый Богослов. Добротолубие. Ч. 1. Глава 33.). (О. Доримедонт приводит другой перевод этой цитаты, но совершенно тождественный по смыслу).

А этим словам у прп. Симеона предшествуют следующие: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого» (Там же). Пожалуйста: первый урок — умо-

ляй, чтобы учитель у тебя был бесстрастный и святой, дальше — исследуй писания, особенно Святых Отцов. Если тебя доброму учит настоящий — святой и бесстрастный! — согласное с Отцами — оставляй, а не согласное — откладывай. Потому что уже сейчас — во время преп. Симеона — явились многие прелестники и лжеучители. Вот кого руководителем называл Симеон Новый Богослов — бесстрастного и святого; вот чье учение он советует сличать с Писанием и Отцами! Отсюда и вытекает учение святителя Игнатия!

«Из этих слов преподобного Симеона святитель Игнатий заключает, что за недостатком духовных руководителей преподобные отцы X в. и последующих веков вместо послушания “начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями отеческими”» (С. 38), — полагает о. Доримедонт. Но святитель никак не пишет, что руководство Священным Писанием предлагалось «вместо послушания»! Он пишет: «Духовное жительство, предоставленное промыслом Божиим нашему времени ...основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями Святых Отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев. В собственном смысле, это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немоги, преимущественно душевной»*. Слова святителя вовсе не означают, что преподобные отцы предлагали руководство писаниями в отрыве от духовников. Он постоянно писал, что книги Святых Отцов подобны аптеке: то, что для одного лекарст-

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 76.

во, для другого — яд, поэтому должен быть аптекарь, который поможет выбрать лекарство.

«Главы 32-33 (прп. Симеона Нового Богослова) говорят не о послушании, а только о поиске, выборе духовного наставника. То есть в данном случае преподобный Симеон обращается не к послушнику, а к христианину, еще не имеющему духовного отца — старца и собирающемуся его найти» (Там же). Вот как прокомментировал это утверждение о. Д. диакон Владимир в уже цитированной нами статье*: «Автор (о. Д.) пытается эти отрывки истолковать из контекста как случайные высказывания, написанные по особому случаю или особому адресу и потому не имеющие отношения к разговору о послушании. Однако именно из контекста становится ясным, что в отрывке речь идет и о послушании. Если бы речь шла только о выборе духовного наставника, то непонятно, зачем тогда послушнику “усвоить и удерживать в мысли” то, что направлено к нему в виде духовного совета».

«“Кандидат в старцы” и кандидат в послушники не имеют еще взаимных обязательств, они еще не отец и сын,— пишет о. Д., объясняя изречение прп. Иоанна Лествичника о прекращении испытания старца по вступлении под его руководство.— Отцовство, сыновство и связанные с этим взаимные обязательства начинаются с рубежа сознательного вступления новоначального в подвиг послушания старцу. Этим актом духовного усыновления признается вступление мирянина в монастырь или, чаще, монашеский постриг послушника, его обет хранить послушание старцу и восприятие последним духовной ответственности за новопост-

* Православная Москва. 2002. № 21–22.

риженного. После этого всякий поиск, всякие молитвы о послании бесстрастного и святого руководителя, всякое сличение его устройства со Священным Писанием(!) становятся предосудительными и греховными» (С. 39), — то есть, с этого момента, по мнению о. Д., старец становится, подобно римскому папе, выше Священного Писания! Кроме того, получается, что исключена возможность перехода под руководство к более искусному наставнику, примеры чего мы неоднократно встречаем в житиях святых и подвижников благочестия.*

«С этой точки начинается другой поиск — поиск всесвятой воли Божией, открываемой навстречу нелицемерному послушанию (в чем состоит этот поиск, если старец и так ясно открывает волю Божию? — *ред.*). В учении преподобного Симеона Нового Богослова можно невооруженным глазом увидеть разницу между подготовкой к послушанию и самим послушанием» (Там же). Верно ли толкует слова преподобных Иоанна Лествичника и Симеона о. Доримедонт? Во-первых, это весьма странное учение — отделение подготовки к послушанию от самого послушания. Подготовка к послушанию —

* Настоятель Зосимовой пустыни преподобный схиигумен Герман (Гомзин), юношей поступив в Гефсиманский скит, первоначально общался с простым и любвеобильным старцем Тихоном (†1873). Затем, согласно горячему желанию ученика, о. Тихон отпустил его в келейники к иеросхимонаху Александру (Стрыгину, †1878), подвижнику высокой жизни, исихасту. После кончины старца о. Герман обратился за духовным руководством к свт. Феофану Затворнику (Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. М., 2004. С. 75–76). В «Лествице» приводится случай, когда авва Иоанн Савваит упросил своего старца отпустить его потому, что по его мнению, кротость старца была для него бесполезна (Сл. 4, гл. 111).

это уже есть стремление человека жить в послушании, уже начало послушания, и по-другому быть не может. Как, по Лествичнику, человек испытывает старца? Начинает с ним общаться и не только задавать вопросы и выслушивать ответы, но и на деле исполнять услышанное. Вот в этом состоит испытание старца. Это не экзамен на богословие: «Какую ты, отец, семинарию кончал? Изложи-ка мне сущность догмата о Пресвятой Троице». Нет, это беседа на практически духовные темы, а потом — исполнение слов на деле, когда человек, получив совет, видит, что он действует, работает, приносит духовный плод. Увидеть это можно, только начав исполнять. Где тут грань между «подготовкой к послушанию» и самим послушанием?

Мы уже говорили, что запрет прп. Лествичника «испытывать» наставника, если ты уже вступил в духовные отношения, относится к духовно совершенным старцам его времени. В наше время это наставление также необходимо помнить, потому что, конечно же, далеко не всегда нужно ставить под сомнение слова наставника, конечно же, во всем, что не противоречит совести, необходимо стремиться слушаться. Не надо верить своим помыслам, но «поверить Святыми Отцами» надо постоянно. Опять-таки, — это не что-то новое, а перифраз изречения Симеона Нового Богослова, которое мы уже приводили.

«Послушнику, вступившему на поприще отсечения своей воли перед старцем, святой Симеон советует следующее: “Кто верует, что в руке наставника находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть” (Добротолюбие. Т. V. С. 15)» (С. 39—40).

Ну не верую я, что в руке моего наставника — современного духовника — находятся мои жизнь и смерть! Доверяю ему, уважаю, вижу в нем много хорошего, но не могу думать, что от него зависят мои жизнь и смерть, поскольку нет в нем такой духовной силы и высоты. К о. Серафиму (Тяпочкину) я действительно имел именно такую веру, но что касается других духовных лиц, которые были после его кончины моими духовниками, — так я к ним относиться уже не мог. Другого такого о. Серафима я уже не встретил. Духовники были неплохие, даже справедливо считавшиеся старцами, но все же не такие, как батюшка. Никому из них я не мог в той же мере довериться, никого из них не мог слушаться так, как его, со сколькими бы пастырями ни общался. Не видел я в них того, что было в нем, хотя честно пытался увидеть. Может быть, конечно, в девятнадцать лет я был более ревностным человеком, а сейчас стал совсем нерадивым, но разница между этими людьми объективна. Один из моих наставников, который впоследствии впал в очень серьезные заблуждения, требовал слушаться его во всем. И я пытался это делать, в результате чего имел большие скорби. Потом нашел у святителя Игнатия главы о послушании с рассуждением и после этого уже никого не слушался безоглядно, слепо; с тех пор я постоянно сравниваю со Святыми Отцами то, что мне говорят.

«Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния — монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, и можно ему говорить что против. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов, уже нельзя ему никогда противоречить своему по Боге судии и владыке даже до

смерти. Ибо монах верует, что через свое послушание и смирение избежит от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего» (Добротолюбие. Т. V. С.15.). «Впадающий... в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю еще живой бедственно низводится на глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокорный сын погибели» (Добротолюбие. Т. V. С. 16) (Брошюра о. Д.— С. 40). Но разве свт. Игнатий где-либо учит послушника прекословию? Прекословие есть грех, а задать вопрос в случае недоумения, обратить внимание на свидетельство своей совести — есть святоотеческая заповедь того же прп. Симеона. И в древние времена отнюдь не возбранялось попросить разъяснений старца в таком случае. Запрещается прекословие по своеволию, совопросничество, когда человек хочет уклониться от послушания. Однако не запрещается поиск истины и желание более точно понять данную заповедь. Такими примерами изобилуют патерики, есть они и в «Лестнице».

Замечательный духовник XX века, покойный отец Серафим (Битюгов), говорил обращавшимся к нему: «А почему Вы не возражаете? Возражайте, иначе ясности не будет». Прекословить нельзя, а переспросить в таком духе, как говорит о. Серафим,— это как раз и будет подлинным послушанием, когда человек ясно понимает и внутренне согласен со всем заповеданным ему. «Вот, мол, батюшка, у меня недоумение, я не понимаю, не доверяю Вашим словам, потому что они противоречат таким-то Святым Отцам». Сказать об этом будет правильнее, потому что в противном случае че-

ловек так и уйдет с сомнениями и смущениями: духовник мне одно сказал, а у Лествичника другое написано — кому верить? Ну, хорошо, буду верить духовнику; а когда доходит до дела — у человека нет уверенности, и он начинает метаться. Это состояние есть как раз неверие, потому что оно происходит от неясности, оттого, что нет конкретного ответа. А нужно было бы пойти и спросить: «Батюшка, Вы говорите одно, а Лествичник — другое. Помогите прийти с Вами “к одному знаменателю”». И можно же прийти!

О. Д. и сам вынужден приводить святоотеческие цитаты, опровергающие его взгляды: «В том, что не является преступлением Божией заповеди или апостольских правил и установлений, вам подобает слушаться всякого его распоряжения и повиноваться ему, как Господу. Однако в том, что подвергает опасности Евангелие Христово и законы Его Церкви, не должно повиноваться не только убеждениям и приказаниям игумена, но даже и Ангелу, только что спустившемуся с небес и “благовествующему” вам противное благовестию самовидцев Слова» (См. рус. пер. прп. Симеон Новый Богослов. Прп. Никита Стифат. Аскетические произведения в новых переводах. Клин, 2001. С. 144, 145.) (С. 42 брошюры о. Д.).

Вот с чем учение святителя Игнатия согласно слово в слово! Невозможно увидеть несоответствие учения игумена Евангелию, если не сопоставлять их. Но о. Доримедонт, не видя грубых противоречий в своей работе, продолжает утверждать: «Все сказанное прп. Симеоном лишний раз подтверждает как неизменное святоотеческое правило всецелого послушания, так и указанные выше

исключения из него... Бог никогда не постыжает жертвенной веры в Него. Если пастырь учит пасомого о том, что заповедь о целомудрии требуется “откорректировать” применительно к новой эпохе, если старец велит послушнику облить бензином и поджечь келью недруга-соседа, если игумен монастыря принуждает братию к принятию числа антихриста, то это отвергается сразу, как противное Евангельской Истине, освящающей всякий подвиг во имя ее подвиг. С креста в этом случае послушник не сходит ни на мгновение ...» (С. 42).

Понятно, когда тебе велят облить келью соседа бензином или «откорректировать» заповедь о целомудрии, но ведь есть масса вопросов, в которых разобраться не так легко! Сам автор в числе очевидных примеров того, когда послушание оказывать не надо, приводит «принятие числа антихриста», но ведь сейчас что только не называют числом антихриста! Сначала начали ходить письма, подписанные «афонскими старцами»: «афонские старцы» против налоговых номеров. Потом, правда, стали уже писать «оптинские старцы» и «валаамские». Письмо «Братии Оптиной пустыни», с восемьюстами подписями, достаточно быстро разоблачили. Мне, как постриженнику Оптиной, хорошо известно, что там нет более восьмидесяти братий, и уж никак не восемьсот. Ни один из моих знакомых насельников Оптиной это письмо не подписывал и не подозревал о его существовании. «Афонские старцы» были самые радикальные: все, конец света, ребята, скоро надо будет бежать в леса, и уже бегут...

«Раз в послушании есть исключения — его уже нельзя назвать слепым,— пишет диакон Владимир

Соколов*.— Но как послушнику отличить, где его склоняют к ереси или к безнравственному поступку, ведь проявления безнравственности столь широки, что это требует знания традиции? Поэтому-то и прп. Симеон, и свт. Игнатий настаивают на сличении того, чему научает наставник, с Писанием и со свято-отеческими высказываниями. Собственно, два этих случая они и имеют в виду. Они не отрицают послушания, а признают его одной из величайших добродетелей, но такое послушание, которое было у древних отцов и которое пытаются повторить те, кто не избавился от страстей, может оказаться пагубным. Послушание в их понимании — это послушание воле Божией и послушника, и наставника. Однако такое послушание возможно только тогда, когда эта воля действительно открывается, а не подменяется страстной человеческой волей. Иеромонах Доримедонт, к сожалению, этого в наставлениях прп. Симеона и свт. Игнатия не увидел».

Далее о. Д. пишет: «Глава 34 из “Деятельных и Богословских глав” говорит следующее: “Всякий невидящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник и последующих ему ввергает в ров пагубы по слову Господа: *Слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15; 14)”. Объяснение: вся глава обращена не к послушнику, а к старцу и является напоминанием и предостережением последнему... В главе “О жительстве в послушании у старца” цитата помещена в контекст наставлений, обращенных не к старцу, а к новонаначальному послушнику! Помещенное в иной по смыслу контекст само по себе неоспоримо верное замечание преподобного Симеона начинает работать со-

* Православная Москва. 2002. № 21–22.

вершенно по-другому», — полагает о. Д. (С. 43). Как пишет о. диакон Владимир: «Что же такого соблазнительного в этом тексте и такого специфического, направленного именно к старцу, а не к послушнику: ведь это всего лишь небольшое расширение всем известной фразы из Евангелия? Неужели же послушник сам не способен понять, что в Евангелии речь идет о духовном руководителе?»*

По о. Д., послушники подобны католической «церкви учимой» и должны получать духовные знания избирательно...

О. Д. сам признает, что опровергнуть учение свт. Игнатия затруднительно: «Наиболее сложной для толкования является приводимая свт. Игнатием цитата из 8 (по славянскому и русскому переводу) слова прп. Симеона Нового Богослова. “Великий угодник Божий, — говорит свт. Игнатий о св. Симеоне, — советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но по дарованию своему и по мере повинующегося возлагает угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся человеку, а не Богу» (Слово 8)”. Анализ сего слова в русском переводе дела не проясняет. Действительно, может показаться, что преподобный Симеон побуждает послушника к выборочному послушанию, главным критерием которого является его субъективное духовное восприятие. Если это действительно так, то система святителя Игнатия получает святоотечески весомый голос в свою защиту. Но

* Там же.

сравнение этих цитат хотя бы с немногими высказываниями преподобного Симеона о послушании, что приведены выше, становится очевидным, что все они утверждают обратное» (С. 44). Все они утверждают то же самое, что утверждено только что приведенной цитатой. Сколько о. Доримедонт ни цитирует Симеона Нового Богослова, переводя его так и эдак, добавляя фразы из контекста, но слова преподобного неизменно говорят сами за себя.

О. Доримедонт пишет, что в греческом подлиннике данное слово прп. Симеона, называющееся «О хитрых уловках по отношению к любящим суетную славу и первенство, используемых лукавым по кончине пастыря» и содержащее большее количество глав, чем в русском переводе, «посвящено конкретной ситуации — кончине игумена общежительного монастыря и выборам нового игумена. Прп. Симеон ...описывает связанные с междувластием смущение, духовные проблемы, честолюбивые желания некоторых монахов достигнуть игуменского сана... Далее преподобный обращается к некоему духовно преуспевшему благоговейному брату той же обители, действительно достойному и способному стать отцом и пастырем словесного стада... Ситуация предельно конкретна: у тебя умер старец, в монастыре творится полный разброд, тебе предлагают стать игуменом... Как тут узнать волю Божию? “Иди,— говорит преподобный,— найди духовного отца, только будь уверен, что он причастник того же Духа, что он не возвестит тебе противное воле Божией (то есть,— замечает в скобках о. Доримедонт,— вероятно, подразумевается, что он не принимает участия в «предвыборной борьбе»), и послушайся его совета”» (С. 45–47).

Таким образом, о. Д. прямо приписывает словам святого отца узкий, конкретный смысл, и именно он, а не свт. Игнатий помещает цитату в нужный ему контекст. «Но содержание этого отрывка столь однозначно, — пишет диакон Владимир, — что объяснить его только контекстом происходящего представляется нам большой натяжкой — желанием автора непременно доказать, что мнение свт. Игнатия не соответствует мнению других Отцов. Поэтому если прочитать эти тексты без авторских комментариев, то можно убедиться еще раз, что мнение свт. Игнатия поддерживают и древние Отцы».

Не говорит в пользу мнений о. Д. и следующая цитата из прп. Симеона: «Если ты живешь в общежитии братьев, то никогда не вздумай пойти против постригшего тебя в монахи отца (то есть против твоего старца — *и. Доримедонт*), даже если ты видишь, как он совершает блуд или пьянствует, или, по твоему мнению, плохо управляет монастырским хозяйством. Не иди против него, даже если он подвергает тебя побоям и бесчестиям и причиняет тебе многие другие скорби. Не садись в сонме порицающих его и не делайся споспешником тех, кто замышляет против него зло. Потерпи его до конца и не любопытствуй о его злых делах. Вложи в сердце свое видимые тобой его добрые дела и понуждай себя помнить только о них. Все же неподобающее и злое, творимое и говоримое им, приписывай себе и, считая это своими собственными грехами, со слезами кайся в них, считая своего отца святым и призывая его молитву» (С. 45—46).

Святитель Игнатий нигде не призывает послушника к какой-либо борьбе и противодействию игумену или к тому, чтобы его злословить, как

можно было бы заключить из писаний о.Д. Однако «не иди против него», «не сиди со злословящими его» и тем более «потерпи его» вовсе не значит: «слушайся его в духовных вопросах во всем!» Из текста прп. Симеона видно, что речь идет скорее о настоятеле-администраторе, чем о старце-наставнике. Именно прп. Симеон претерпел гонения за то, что имел своего старца и не состоял в отношениях духовного сына с игуменом монастыря, в отличие от других братий. В житии прп. Симеона мы видим как раз пример того, когда игумену оказывалось послушание во внешних делах, а духовные вопросы послушник разрешал с другим лицом. Отец же Доримедонт, судя по всему, недостаточно знакомый с житием преподобного, считает, что «отец, постригший в монахи» это непременно старец, тогда как в приведенной цитате речь явно идет о делах по управлению обителью. Да ведь и постригает, как правило, игумен, а вручается новопостриженный другому лицу — старцу-наставнику: «Игумен же творит обычный отпуст дневный. По отпусе же возьм за руку приившаго рясофор, отдает его старцу, глаголя: “Се вручаю тебе пред Богом сего новоначального, егоже во страсе Божии и во всех добродетелех жити поучай: блюдый опасно, да не нерадения ради твоего погибнет душа его, имаши бо ответ дати Богу о нем в день судный”»; «...Приводимъ бывает в церковь экклисиархом и своим старцем много время в монастырстем искусе и старчестем послушании добре пребывый, хотяй пострижися; и ставше посреде церкве, покланяются обычно; потом же абие шедше ко игумену и поклоншеса, лобызают десницу его».*

* Требник монашеский. М., 2003. С. 14, 16.

О. Д. далее пишет: «Цитата из святого Григория Синаита о том, что высшие духовные состояния “невозможно обрести в нашем роде” (глава 118. Свт. Игнатий, — Т. V. С. 78) , говорит об эпохе духовного упадка и к вопросу о послушании не имеет совершенно никакого отношения» (С. 48) . А к чему же она имеет отношение? Если тогда был упадок, на основании чего о. Д. считает, что сейчас нет упадка? Или он полагает, что во времена святителя Игнатия тоже был упадок, а сейчас подъем? Покажите мне плоды вашего подъема, где ваши старцы? Да, на Афоне был старец Паисий (Эзнепидис, †1994), но, на мой взгляд, его наставления по содержанию значительно уступают творениям святителя Игнатия. Отец Паисий пишет, главным образом, для мирян. Конечно, он смиренный подвижник, святой человек — это несомненно. Старец Иосиф Исихаст интересно пишет, но как-то очень сложно. Его книги не всем и не на все вопросы дают ответ. Где ваши современные старцы? Где старцы, которыми обиловал ранее Афон? Их нет.

«Таким образом, мнение святителя Игнатия не подтверждает ни одна из рассмотренных выше святоотеческих цитат. Все они свидетельствуют об обратном: о том, что это мнение является единичным, противоречащим общему святоотеческому учению. Святые Отцы любили писать о послушании» (С. 49).

Думаю, мы привели достаточно доказательств того, что в творениях древних Отцов содержится то же самое учение о послушании, что и у святителя Игнатия. Там оно более сокровенно именно по причине иных исторических условий, главное из которых — обилие высоко-духовных, духоносных наставников. Поэтому Святые Отцы древности пишут, главным образом, о том, как

проходить послушание наставнику, «прямо возвещающему послушнику волю Божию». Однако и у них встречаются указания на такие случаи, когда наставник в чем-то не прав или чего-то не понимает, примеры чего мы привели выше. Учение же свт. Игнатия о послушании есть учение Святых Отцов, изложенное применительно к тем, кто проходит этот подвиг в условиях отсутствия духоносного наставника. На основании свидетельств древних Отцов, святитель доказывает, что проходить делание послушания в тех формах, которые возможны при наличии духоносного наставника, невозможно и неправильно в том случае, когда духовным руководителем является человек, хотя и обладающий духовным опытом и взявший на себя дело духовничества не самочинно, однако не пришедший в меру духоносных Отцов древности.

Никоим образом святитель не унижает иноческий подвиг послушания, наоборот, неоднократно отмечает его необходимость и неизменность по сути (не по форме) во все времена христианства. Он рассматривает, как лучше, наиболее плодотворно следует проходить этот подвиг в наше время, избегая тех ложных установок, которые непременно возникнут у тех, кто не заметил перемен.

В отличие от свт. Игнатия, который говорит: «Никак не будь послушен на зло»,— о. Доримедонт пытается доказать, что послушание есть послушание в любом случае, кто бы кого ни слушался. Но какие только преступления не оправдывались словом «послушание»! Особенно лица, прожившие в современных женских монастырях, рассмотревшие на прихоти и самодурства игумений, которые там называются послушанием.

Глава 3

ПРОХОДИЛ ЛИ ПУТЬ ПОСЛУШАНИЯ ОТЕЦ СОВРЕМЕННОГО ИНОЧЕСТВА?

— Как расценить следующий аргумент о Доримедонта: «Сочинения святителя Игнатия, без сомнения, благодатные святоотеческие труды, они проникнуты Духом Святым. Но в то же время из трудов святителя видно его опытное незнание аскетического делания послушания старцу.. Из жития святителя известно, что он встал на благодатный путь послушания старцу в самом начале своего монашеского подвига, однако скоро сошел с этого легкого и быстрого пути и пошел к Богу путем иным — долгим, тернистым и опасным. Но и этот путь возвел святителя на небо...» (С. 4)?

— Всякий обратившийся к житию святителя, особенно к его «Полному жизнеописанию» (М., 2002), убедится в том, что сказанное выше — не что иное, как хула и клевета. Из пройденного святите-

лем духовного пути видно как раз опытное знание подвига послушания в реальных, а не выдуманных условиях. Без послушания невозможно взойти на небо! Вкусив однажды делания послушания, святитель уже никогда его не оставлял. Вначале он руководствовался наставлениями прп. Льва (в монашестве — Леонида; Лев — имя в схимническом постриге), будущего старца Оптинского, затем советовался со своим духовным другом и спостником схимонахом Михаилом (Чихачевым), высоко духовным, почитаемым ныне подвижником, мощи которого почивают в Сергиевой пустыни. Будущий святитель придавал большое значение духовному общению с современными ему подвижниками благочестия, знал почти всех их, со многими состоял в переписке, одинаково назидательной для него и для них; когда представлялась возможность, старался встретиться лично, чтобы получить совет и назидание.

«Монашество в настоящее время находится в тех условиях, в каких была Церковь Христова в века язычества. Это не корабль, а множество людей, рассеянных по треволнению житейскому, которые должны общением молитв, письменных и иногда личных сношений путеводствовать друг друга. Вы не найдете в нынешнее время ни одной обители в собственном смысле слова, ибо правила Святых Отцов поражены, разъединены светскими указами; остались по местам монахи: они-то должны своим общением, святым и непорочным, восстановить монашество, для которого, когда угодно будет Богу, найдутся и обители», — говорил святитель своему духовному другу.*

* Отец современного иночества. М., 2001. С. 22–23.

Как он сам пишет, современное жительство по совету единодушного брата есть то же послушание, что и у древних, только в несколько иной форме — применительно к нашему времени. Оно дает те же плоды, только в древности духоносный старец прямо указывал дорогу ко спасению, а сейчас послушник и руководитель вместе находят ее путем проб и ошибок. Тем не менее, несмотря на эти издержки, ошибки и, естественно, скорби, восполняющие недостаток опытного знания старца, люди приходят ко спасению. Но это получается медленнее. Чтобы найти истину, приходится иногда ходить окольными путями, что тоже дает определенный опыт.

Кроме того, как засвидетельствовал преподобный Варсонофий Великий будущему преподобному авве Дорофею, послушник не всю жизнь бывает руководимым, но со временем, если на то будет Божия воля, может и сам стать руководителем других, что и произошло закономерно в свое время со святителем Игнатием. «Есть время повиновения и время повелевания».*

Проясним историю взаимоотношений святителя со старцем Львом, дабы избавить его от обвинений в самочинной жизни. Будущий святитель был в послушании у прп. Льва с самой юности, именно когда, как он сам говорит, формируется духовный настрой и направление монаха. Узнав о Леониде, еще будучи в миру, офицер Димитрий Александрович Брянчанинов проникся к нему большим доверием и не один год состоял в переписке со старцем, руководствуясь его советами. Затем, получив долгожданную отстав-

* Лествица, Сл. 26; гл. 87.

ку, он прибыл в Свирский монастырь, где в то время находился иеромонах Леонид.

Как говорит близко знавший святителя его жизнеописатель, «он всей душой преданся старцу о. Леониду в духовное руководство. Эти отношения отличались всей искренностью, прямоотой, представляли совершенное подобие древнего послушничества, которое не решалось сделать шагу без ведома или позволения наставника. Всякое движение внутренней жизни здесь происходит под непосредственным наблюдением старца ...Димитрий Александрович во всем повиновался воле своего духовного отца; все вопросы и недоумения разрешались непосредственно им. Старец не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения, обучал деятельной жизни ...Старец поступал как нелицемерный наставник, постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику».*

Будущий святитель делал все от него зависящее, был очень ревностным послушником. Но со временем, следуя всем указаниям старца, увидел, что наставник не всегда бывает прав и его учение иногда расходится с жизнью. Он искренне пытался слушаться во всем, действительно был послушником в духе древних, но потом стал замечать отдельные, частные ошибки старца. Об этом подробно рассказано в «Полном жизнеописании», где дается глубокая и непредвзятая оценка действий старца Льва лицом, одинаково уважи-

* Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 52–54.

тельно относившимся и к тому, и к другому подвижнику. Духовность и святость старца никоим образом не ставится под сомнение, указываются лишь его ошибки в частных случаях, из которых Димитрий Брянчанинов увидел, что не всегда возможно оказывать абсолютное послушание, но необходимо слушаться с рассуждением. Святитель Игнатий на своем опыте убедился, что даже самые духовные люди его времени, каким был прп. Лев Оптинский, все-таки отличаются от Отцов древних и проходить послушание им в тех же формах невозможно.

«Но испытаниям, хотя бы они совершались в духовном разуме, есть мера, свыше которой они утрачивают свою привлекательную духовную сторону, остаются при одной внешности. Тщательное воспитание при всем внимании к духовно-нравственной стороне требует сообразоваться и с физическим состоянием воспитываемого...» — так говорит жизнеописатель святителя; а последнее как раз учитывалось не всегда. Известен, например, случай, когда старец Леонид зимой в сильный мороз и вьюгу приехал из Свирского монастыря к своему благочестивому знакомому И.А. Баркову. Возницей (он сидел, естественно, на козлах, снаружи) был послушник Брянчанинов, здоровье которого в то время было уже полностью подорвано сильными простудами. Однако старец позвал его в дом только после того, как хозяин, ставя чай, стал беспокоиться о вознице; а им ведь еще предстоял обратный путь. «Что, перезяб, дворянчик?» — сказал Брянчанинову старец, когда его позвали в дом.*

* Там же.

У кого из нас, современных иноков, хватит веры понести такое послушание? Да и чего ради это было? Правильно ли возлагать на ревностного юношу такое послушание, из которого следует очевидный вред для здоровья? Он однажды уже был при смерти от простудного заболевания, и в монастыре по большей части болел. От исполнения подобных заповедей старца в данном случае следует не умножение веры и добродетелей, а потеря здоровья, связанная с жестокими скорбями, которая рано или поздно неизбежно приведет к инвалидности. Инвалид же, как показывает горький опыт, нигде не нужен, даже на Афоне.

Старец Лев все-таки делал ошибки, иногда поступая сурово, необдуманно, слишком строго; делал ошибки и святой настоятель Оптиной преподобный Моисей, потому что хоть они и праведные люди, но совершенно свят и непогрешим только Бог. Одно из житий, составленных святителем Димитрием Ростовским, начинается такими словами: «Безгрешен только Бог, всем же людям свойственно ошибаться».

«Спустя год первая горячность, с какой Димитрий Александрович предался в руководство старца, стала остывать. К этому присоединилось недовольство его старцем. Некоторые поступки старца казались ему несогласными с учением Св. Отцов, а также о. Леонид не мог удовлетворительно отвечать на все его вопросы, разрешать все его недоумения. Вероятно, эти вопросы касались более возвышенных сторон жизни духовной, которая в высших своих проявлениях в каждом подвижнике представляет свои особенности, а потому неудивительно, что о. Леонид, при всей

своей мудрости духовной, не мог удовлетворительно разрешить такие вопросы. Примеры этого мы видим и в древности».*

В это время старец Леонид со всеми учениками переместился в Площанскую пустынь, где к Брянчанинову смог присоединиться его духовный друг Чихачев. «Дмитрий Александрович, как уже преуспевший в подвигах духовных, напитанный притом учением Святых Отцов и по ним руководивший жизнь свою и товарища своего, все более и более убеждался в необходимости для них отделиться от общества остальных учеников старца о. Леонида, ибо видел, что Чихачев, от природы склонный к рассеянности, стал увлекаться беседами, которые обычно возникали в приемной келье о. Леонида, где ученики ждали своей очереди идти к старцу и иногда празднословили. Задумав отделиться от старца, Дмитрий Александрович желал уединенно устроиться с товарищем своим в отведенной им келье, на правилах жизни скитской, т.е. жить вдвоем с общего совета и друг друга тяготы носить ради Христа».

Первоначально старец Леонид счел преждевременным это намерение, но затем, когда ему было передано благодатное видение, которым Господь посетил тяжело больного послушника Дмитрия, о. Леонид «увидел из него, что нет воли Божией удерживать ему Брянчанинова при себе. Он благословил ему жить отдельно от него вместе с Чихачевым и избрать себе другого духовника, общего монастырского»**. Таким образом, это отделение произошло вполне законно, по благослове-

* Там же. С. 54.

** Там же. С. 60–62.

нию, без неприятных последствий и взаимных обид. О старце Льве святитель впоследствии всегда вспоминал «с признательностью и уважением, и впоследствии чем мог старался быть ему полезен», всегда помнил данные им благие наставления, и внушил уважение к своим наставникам по Богу всем своим последователям, так что человек, знакомый с творениями и жизнеописанием святителя, обязательно пожелает обратиться и к наследию преподобных старцев великой Оптиной. Вот что писал святитель Игнатий по случаю кончины старца Льва прп. Макарию Оптинскому:

«Душа моя исполнилась печали, и как не вспомяну о нем — каждый раз обильная печаль изливается в мое сердце. Точно, как Вы пишете, он имел ко мне особеннейшие расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти и доселе меня руководствуют, особенно произнесенные в Свирском монастыре».*

Встретившись в Площанской пустыни с упомянутым иеромонахом Макарием (Ивановым), впоследствии старцем Оптинским, прославленным ныне в лике святых, он «нашел в о. Макарии человека, сочувствовавшего его стремлениям, близко с ним познакомился и до конца жизни состоял с ним в приятных отношениях».**

Будучи изгнаны из Площанской пустыни заодно с учениками старца Леонида, Брянчанинов

* Странствие ко вратам вечности. Переписка с Оптинскими старцами. М., 2001. С. 23–24.

** Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 59.

и Чихачев попросили приюта в Оптиной, но там, в отличие от Площанской, братия отнеслась к ним неблагосклонно. Для их здоровья оказалась губительной грубая пища, которую готовили в обители. Молодые подвижники настолько тяжело заболели, что были вынуждены воспользоваться приглашением родителей Брянчанинова уехать лечиться, а затем искать нового пристанища. Со временем Господь устроил их жительство в более благоприятных местах.

Преподобный Варсонофий Оптинский, который в целом с большим уважением относился к свт. Игнатию, говорил, что он: «святой, а все же не Арсений Великий ...У нас сохраняется предание, что батюшка о. Лев сказал про еп. Игнатия Брянчанинова: “Если бы пошел иным путем, то он был бы второй Арсений Великий”»*. Однако я не сомневаюсь, что Димитрий Брянчанинов поступил вполне правильно, потому что другого выхода у него не было. Он умер бы молодым послушником Димитрием Брянчаниновым, а не стал бы Арсением Великим! Слабость его здоровья в Оптиной совершенно не учитывали. А ведь именно по этой причине неоднократно переходил из монастыря в монастырь прп. Паисий Величковский.

Из изложенного выше непредвзятый читатель увидит, что свт. Игнатий нисколько не повинен в непослушании своему старцу. Расхождения между ними обусловлены, скорее, тем, что для послушника Брянчанинова со временем руководство старца Льва сделалось недостаточным. И в житиях древних святых описаны случаи, когда

* Преподобноисповедник Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. С–Пб., 1994. С. 96.

подвижник менял руководство одного святого на руководство другого святого, находя его более спасительным. Всю жизнь святитель Игнатий хранил в своем сердце благодарность старцу Льву за то, что тот привел его к Богу, своим словом и примером открыв красоту монашеской жизни. Тем не менее в свое время будущий святитель, все более преуспевая в добродетелях, закономерно был вынужден обратиться за руководством к святоотеческим писаниям, чему, собственно, всегда и учил его старец Лев.

Нужно заметить, что в житии самого преподобного Льва вначале вообще не упоминается о его духовном руководителе. Уже в сане иеромонаха и, по сути дела, будучи выбран настоятелем Площанской пустыни, о. Леонид встретил известного подвижника схим. Феодора, ученика преподобного Паисия Молдавского, и с этого времени под руководством о. Феодора «обучался науке из наук и искусству из искусств — умному монашескому деланию, подвигу непрестанной молитвы и противоборства страстям и достиг просвещения духовного».* Таким образом, прп. Лев нашел духоносного старца лишь в зрелые годы, однако из этого никак не следует, что он не проходил подвига послушания в юности, без чего было бы невозможно дальнейшее преуспеяние. После же кончины наставника, уже и сам имея учеников, он удовлетворился водительством Священного Писания и писаний отеческих.

Учение свт. Игнатия Кавказского о единственно возможном в наше время руководстве в ду-

* Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Оптина пустынь, 2002. С. 38.

ховной жизни писаниями отеческими, пренебрегаемое некоторыми, к сожалению, даже на Святом Афоне, не есть нечто новое, выдуманное святителем. Это благодатное учение сообщено ему его наставниками, которые, в свою очередь, заимствовали его из древних Отцов. В самой Оптиной пустыни писания отеческие были в большом почитании. Оптинские старцы и их ученики отдавали много сил переводу, изданию и распространению этих бесценных творений, бесплатно рассылая их по другим русским обителям. Все без исключения преподобные оптинские старцы хорошо знали доступные им писания Святых Отцов Православной Церкви, руководствовались ими сами в духовной жизни, обильно предлагали их для руководства другим. Такой образ поведения преподали им их духовные наставники, являвшиеся, в свою очередь, учениками и учениками учеников прп. Паисия Молдавского — духовного родоначальника оптинского старчества. Святителю Игнатию лишь было дано милостью Божией изложить это учение для нас в своих богодохновенных творениях.

Неслучайно святитель Игнатий в юности находился под руководством одного из самых духовных людей своего времени, иначе указанные им духовные закономерности не были бы всеобъемлющими. Он был в послушании как раз у настоящего старца, канонизированного Церковью, представителя одной из лучших духовных традиций своего времени. Но даже под руководством такого наставника, при всей ревности, при всем желании ученика проявлять совершенное послушание, в полной мере это оказалось

невозможным. Хотя послушник Димитрий Брянчанинов всей душой и стремился к тому, старец не смог полностью удовлетворить его стремлениям. Видимо, XIX век уже не мог дать большего.

Вот что пишет сам святитель о духовных руководителях, с которыми ему привелось общаться: «Отцы Церкви первых веков особенно советуют искать руководителя боговдохновенного; ему предаться в совершенное, безусловное послушание, называют этот путь, каков он и есть, кратчайшим, прочнейшим, боголюбезнейшим. Отцы, отделенные от времен Христовых тысячелетием (прп. Симеон Новый Богослов — *ред.*), повторяя совет своих предшественников, уже жалуются на редкость боговдохновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют боговдохновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и Святое Писание, поверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшею осмотрительностью и осторожностью совет современных и сожительствующих братий. Я желал быть под руководством наставника; но не привелось мне найти наставника, который бы вполне удовлетворил меня, который был бы оживленным учением Отцов. Впрочем, я слышал много полезного, много существенно нужного, обратившегося в основные начала моего душеназидания. Да упокоит Господь в месте злачном, в месте прохлады, в месте света и блаженства почив-

ших благодетелей души моей! Да дарует большее духовное преуспеяние и кончину благополучную текущим еще по поприщу земного странствования и труженичества!»*

Всю жизнь пытаюсь найти человека, который полностью удовлетворил бы его духовные запросы, святитель Игнатий не смог этого сделать. Да и среди афонских подвижников, не только современных, но прошлого века и ранее, немало примеров тому, когда желавшие жить в полном послушании не находили себе удовлетворительного наставника: хотя и были старцы, но отношения с ними не складывались. Столь почитаемый о. Доримедонтом афонский старец Паисий (Эзнепидис, †1994), при самом искреннем стремлении, в юности не нашел себе наставника. Непродолжительное время он жил со старцем Тихоном Русским, затем хотел подвизаться вместе со старцем Петром, но тот скончался.

Хотим ли мы того или не хотим, «христианство удаляется от лица земли» (свт. Тихон Задонский), вместе с ним неприметным образом удаляется подлинное монашество. В древности все желающие идти путем нелицемерного послушания, приложив небольшие усилия, могли найти себе старца-руководителя. С оскудением монашества непременно, наряду с умалением других благодатных дарований, должно последовать оскудение старчества. Ныне чем большей ревностью, большим произволением к подвигу обладает послушник, чем выше его духовные запросы, тем труднее ему найти удовлетворительного руководителя.

* Творения святителя Игнатия. Т. I. М., 1996. С. 563.

Не замечаемая и не понимаемая людьми недалекими, проблема существует давно. Святитель Игнатий из многих других причин иноческих скорбей выделяет как главную именно ее. То есть в его время проблема поиска удовлетворительного духовного руководителя-исихаста для преуспевших и желающих идти подлинно подвижническим путем сделалась неразрешимой. Решена она могла быть единственным способом: обращением к духовному наследию древних святых аскетических писателей-подвижников, которые при написании своих богодохновенных творений имели в виду, между прочим, и то, что значение книг особенно возрастет при оскудении живой святости: «Небо приняло в свое блаженное недра Святых Отцов. Этим оно засвидетельствовало, что мысли, чувствования, деяния Святых Отцов благоугодны ему. Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к нему, засвидетельствованное самим Небом,— писания Отцов ...Чтение отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства (прп. Нил Сорский. Правила)».*

Именно XIX век явился временем расцвета переводов, издания и широкого распространения святоотеческих писаний, хотя книгопечатание появилось на несколько веков ранее. Не явился ли этот расцвет промыслительно, дабы удовлетворить нужду православных христиан, ищущих духовного назидания?

* Творения свт. Игнатия. Т. I. М., 1996. С. 112—113.

— Творения свт. Игнатия отличаются особенной рассудительностью. Может ли человек иметь рассуждение, не пройдя подвига послушания? Или рассудительность святителя тоже нужно признать неистинной? Почему о. Доримедонт вообще нигде не упоминает о таком понятии, как рассуждение, хотя о нем говорят все Святые Отцы?

— Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что рассуждение рождается от смирения, а смирение — от послушания (Сл. 4, гл. 105), поэтому, собственно говоря, если человек не имеет послушания, он никогда не будет иметь смирения в той мере, чтобы быть рассудительным. А писания святителя Игнатия исполнены мудрости, глубоки и рассудительны, что сразу же заметит всякий непредвзятый читатель. Об одном из древних египетских отцов говорили, что он рассудительнейший из всех живущих в Нитрийской пустыне. Подобным образом вполне можно сказать о святителе Игнатии (Брянчанинове): из всех современных ему и тем более современных нам аскетических духовных писателей он рассудительнейший. Именно святитель Игнатий раскрывает Евангелие и учение Святых Отцов применительно к современным обстоятельствам, учит правильно прилагать его именно к нашей жизни.

Что, собственно, есть рассуждение по преподобному Иоанну Лествичнику? Это способность знать волю Божию во всякое время, во всяком месте, при всяком деле и случае (Сл. 26, гл. 2). То есть, необходимо учитывать все перемены, которые происходят в жизни человека, общества, в жизни нашей Церкви. Святитель Игнатий в предисловии к пятому тому своих творений, назван-

ному им «Приношением современному монашеству», говорит, что излагает учение Отцов применительно к существующему времени, с учетом тех перемен, которые произошли в обществе: «Здесь указаны изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий не понявший и не приметивший необходимости применения»*. Получается, что афонский священноинок именно не хочет замечать перемен и, таким образом, поставляется в ложное положение, в ложное состояние.

— *Отец Доримедонт как раз не согласен с этим; он пишет: «Исходной точкой всех рассуждений святителя Игнатия о послушании является решительное утверждение о том, что в новую, современную святителю, эпоху, отсутствуют духоносные старцы и наставники. Святитель утверждает это априори: “отсутствие духоносных мужей”, “духовное оскудение” являются для него данностью, как бы объективно лежащей за рамками его сочинений и не требующей доказательств ни для самого автора, ни для читателя» (С. 9).*

— Удивительно, что для о. Доримедонта требуются доказательства «духовного оскудения», тем более что в творениях святителя их более чем достаточно и заимствованы они именно из Св. Отцов!

Согласно святоотеческому учению, с течением времени все более будет оскудевать благочес-

* Творения. Т. V. М., 1998. С. V.

тие. *Сын Человеческий, когда придет, найдет ли веру на земле* (Лк. 18; 8). Многие места в Священном Писании свидетельствуют о том, что духовность в мире оскудеет в последние времена, и ничего удивительного в этом нет. Отсюда следует, что подвиг людей, которые во времена апостасии, во времена отступления от Христа и христианства будут проводить благочестивую жизнь, еще более ярок, более необычен, более заслуживает наград от Бога. Поэтому святость была, есть и будет, но то, что святые последних времен по форме и проявлению своих подвигов, по мере своей духовности, по силе благодати, по обилию благодатных дарований отличаются от святых первых веков, это несомненно.

Уже самому основателю общежительного монашества прп. Пахомию Великому (IV в.) было дано откровение об упадке монашества в последующие времена и о том, что одной из причин упадка будет именно отсутствие духовных руководителей, их слабость и немощь*. А преподобный Антоний Великий говорит, что в его времена (III век) уже не попускаются людям столь сильные искушения, как прежде. То есть и в золотой век монашества уже были заметны перемены, происшедшие со временем!

Другое видение было явлено одному египетскому отцу: «Три монаха стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: “Примите

* См. Патерик на церковно-славянском языке; житие прп. Пахомия Великого в Четвх-Минеях свт. Димитрия Ростовского; Древние иноческие уставы. М., 1994; Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. М., 2000. С. 318–319.

крылья и придите ко Мне”. Вслед за гласом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он полетел чрез море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море, видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался в пучину, снова вопиял, снова приподымался и, истомленный, едва перелетел чрез море. Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию»*. То есть, по объяснению Отцов, иноки последнего времени потрудятся по мере сил, но не будут иметь той благодатной силы, которую получали иноки первых веков христианства.

«Святые Отцы Египетского Скита пророчески беседовали о последнем роде. “Что сделали мы?” — говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: “Мы исполнили заповеди Божии”. Спросили его: “Что сделают те, которые будут после нас?” “Они, — сказал авва, — примут делание вполовину против нас”. Еще спросили его: “А что сделают те, которые будут после них?” Авва Исхирион отвечал: “Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших”.**

* Алфавитный патерик. Житие прп. Иоанна Колова.

** Алфавитный патерик. Житие прп. Иоанна Колова. Достопамятные сказания. Буква «И».

Еще преподобный Симеон Новый Богослов, в X веке, пишет, что очень трудно найти человека, который способен преподать Слово Божие, что появилось много лжестарцев и лжеучителей, потому что люди не ищут истину. В его время по сравнению с прежними веками замечался упадок монашеской жизни, и выражался он в недостатке духоносных руководителей, которых стало гораздо меньше, чем несколько столетий назад. А преподобный Иоанн Лествичник пишет еще в VII веке: «Весьма развратился (в пер. прп. Паисия: «излукавствовался») нынешний век и весь стал преисполнен возношения и лицемерия: труды телесные, по примеру древних отцов наших, может быть, и показывает, но дарований их не сподобляется; хотя, думаю я, естество человеческое никогда так не требовало дарований, как ныне» (Сл. 26, гл. 52).

А вот что пишет в предисловии к своей книге «Отцы-Святогорцы» столь чтимый о. Доримедонтом афонский старец Паисий (Эзнепидис, †1994) о переменах, происходивших на Афоне буквально на его глазах: «Очень беспокоит меня совесть моя, что я, будучи новоначальным монахом, не составил подробных записей о жизни добродетельных отцов, которые подвизались на Афоне в недавнее время. Отцы того времени имели большую веру и простоту, и большинство из них было малограмотно, но, поскольку они имели смирение и подвижнический дух, их постоянно посещало Божественное просвещение, в то время как в наш век умножения знаний логика, к сожалению, поколебала самые основы веры в людях и наполнила души вопросами и сомне-

ниями. Тогда же почти в каждом месте можно было услышать рассказы о чудесах, и это было совершенно естественно. Находясь в такой духовной атмосфере, я не мог представить себе, что пройдет немного времени и все изменится. Меня ни разу не посетила мысль записать для последующих поколений достопамятные события и чудеса».*

Если еще в X веке (прп. Симеон) и даже в VII (прп. Иоанн Лествичник) Святые Отцы отмечали духовное оскудение, что же сказать о XIX, XX и тем более XXI веке?! Ничего не изменилось — давайте будем играть в старцев! Будем играть в древнее монашество: слушаться во всем, поливать сухие жезлы, прыгать вниз головой за послушание!

«Истинные пастыри и благодатные старцы пребудут в Церкви Христовой до скончания века. Отвергать эту истину — значит хулить Духа Святаго» (С. 54), — вещает о. Доримедонт. Но эту истину никто не отвергает. Будут истинные пастыри, и духоносные люди будут, но нужно же все-таки понимать, что они отличаются от древних и по силе духа, и по формам проявления своей деятельности. Их гораздо меньше, чем было в древности, а христиан, нуждающихся в их наставлениях, несравненно больше. Вот и выходит, что они есть, но большей частью не про нашу честь.

Святитель Игнатий нигде не говорит, что в мире вообще нет и не будет святых. Он лишь

* Цит. по кн.: Отец Тихон. Последний великий русский старец на Афоне. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 5. и свящ. Дионисий Тацис “Архондарик под открытым небом”. М., 1998. С. 41.

указывает, что в наше время нет таких искусных руководителей монашеской жизни, какие бывали в древности, какими были, скажем, преподобные Антоний, Пахомий, Ефимий, Феодосий Великие — основоположники древнего монашества, — каковыми были преподобные Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, Варсонофий Великий, Иоанн Пророк и подобные им. Поэтому невозможно слушаться в наши времена так, как слушались в древности, когда старец, например, повелевал привести за уши гиену, и послушник приводил; когда игумен повелевал пришедшему в монастырь человеку бросить своего сына в печь, и тут же огонь угасал; когда старец повелевал послушнику поливать сухой жезл, и жезл процветал. Однако святитель постоянно пишет о необходимости слушаться и начальников, и своих духовных отцов. Другое дело, что слушаться в наши времена надо не буквально, не всегда и не во всем — нужно слушаться поверяя святоотеческими писаниями. То есть в основу послушания должно быть положено деятельное знание Святых Отцов, опыт, который появляется в результате исполнения святоотеческих заповедей.

Проходили ли обвинители святителя Игнатия сами на опыте указанные выше делания? Или, может быть, хотя бы видели послушника, приводящего за уши дикого зверя или вошедшего за послушание в огонь? Сами они, вероятно, несут уже старческое служение, и перед ними подобные задачи не стоят...

Таким образом, святитель Игнатий, цитируя древних Отцов, говорит, что в те времена послу-

шание было удивительным не только в старцах, но и в послушниках, то есть не только старцы были святыми, но и послушники находились в высокой мере духовного преуспеяния. В некоторых случаях они оказывались даже выше своих старцев. Сейчас такого нет, поэтому современные старцы не имеют права требовать такого же послушания уже потому, что современный послушник не в состоянии иметь той веры к старцу, какую имели древние. Как бы мы ни хотели, невозможно заставить себя верить насильственно: захотеть — и поверить. Можно в лучшем случае создать иллюзию такой веры и послушания.

Если видишь святого человека, чудотворца, прозорливца — легко и просто его слушаться, веришь всякому его слову. Когда же это обыкновенный современный духовник, со своими немощами, заблуждениями, который иногда разгневается, поругается, проявит другие какие-нибудь страсти, то, конечно, возникает сомнение: а сам-то ты, батюшка, делаешь ли то, что нам говоришь? Это вполне естественно.

Как я уже говорил, по милости Божией, в моей юности я знал святого человека. Я близко общался с о. Серафимом (Тяпочкиным): два года, до самой его кончины, каждый месяц ездил в Ракитное. Батюшка свыше двадцати лет провел в лагерях. Он, несомненно, был прозорлив, несомненно свят. Это был совершенно необыкновенный человек. Особенно поражала любовь батюшки ко всякому, даже незнакомому человеку. Несмотря на свои многочисленные болезни и старческие немощи, он неизменно приветливо встречал всякого проходящего к нему. Проница-

тельный, добрый взгляд, казалось, смотрел в самую глубину души. Для страждущих всегда находилось слово утешения, обещание помолиться — ведь приезжали со всех концов России, и чаще всего — с горем. За все время, как я его знал, батюшка никогда никого не обидел, никогда никому не сказал грубого слова. Единственное, что огорчало о. Серафима, — невозможность по причине болезни принять всех желающих, ответить всем на их вопросы; да еще до глубины души он огорчался нашими грехами. Батюшка сострадал, соболезновал всем, сколько мог. Старался облегчить ношу человеческих бед и скорбей, буквально *плакал с плачущими* (Рим. 12; 15). Батюшке невозможно было не верить, кощунственно было сомневаться. Каждое слово, даже незначительное, было *со властью*.

Теперь возьмем, например, меня. Хотя я в священном сане и постриге, и есть люди, которые не первый год обращаются ко мне за духовным советом, я не могу с них требовать беспрекословного послушания, потому что хорошо осознаю, что в данном случае оно невозможно! Ведь я же не отец Серафим! Той меры благодати и духовного опыта иметь не могу и не в состоянии достоверно и точно знать Божию волю. Разница между нами огромна, и, естественно, я должен вести себя как отец Сергей, а не как батюшка Серафим или как преподобный Серафим Саровский. Не знаю, как ведут себя афонские духовники, не признающие учения свт. Игнатия. Видимо, они подражают прп. Петру Афонскому и другим святым, но, на мой взгляд, это игра.

Неправильно со стороны современного духовника требовать беспрекословного послушания себе, потому что, одно дело, когда послушник с благоговением ощущает в наставнике присутствие благодати, чего-то совершенно необыкновенного, и совсем другое, когда этого нет, пусть он даже, как священник, объективно имеет благодать, пускай он монах и даже по нашим временам считается строгим подвижником. Тем не менее он вряд ли в той мере, как старцы древности, и, конечно же, отношение к нему духовных чад иное. Оно объективно иное! Хотят ли того или нет он сам и его чада, отношения древних старцев и послушников нельзя повторить. Такие попытки — всегда пагубная игра.

В храме, настоятелем которого я являюсь, установлена строгая дисциплина в вопросах административных. Как настоятель, я строг и требователен, и с теми, кто не признает дисциплину, как правило, расстаюсь. Но что касается духовной, внутренней жизни моих пасомых, каждый свободен делать свой выбор. У нас постоянно говорится о послушании с рассуждением. Я никогда не буду навязывать своих мнений и советов. Если меня не спрашивают, вообще никогда ничего не буду говорить. Основной принцип наших взаимоотношений: единство в главном, свобода во второстепенном, любовь во всем (блаженный Августин). Когда меня спрашивают, стараются исполнить, — даже при самом правильном совете и самом ревностном труде послушника, найдутся изъяны. Наши делания все равно никогда не достигнут меры духовных отношений «золотых времен монашества».

Глава 4

ОГРАНИЧИВАЛ ЛИ СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ ПОСЛУШАНИЕ ТОЛЬКО ВНЕШНИМИ ДЕЛАНИЯМИ?

— *Прав ли иеромонах Доримедонт, утверждая:* «Святитель советует новоначальным общежительным монахам оказывать послушание игумену и старшей братии (Т. V. С. 77), но категорически отвергает возможность глубокого послушания, отсечения мудрования, таинственного духовного союза “послушник — старец” для своей эпохи ...Послушание внешнее, деятельное отсечение воли должно, по святоотеческому учению, иметь в своей основе послушание внутреннее, духовное, “послушание мудрования”. ...Он ограничивает послушника лишь внешним, деятельным послушанием (Т. V. С. 76–77). Послу-

шание мудрования (святитель может называть его и другими именами, например, “послушание старцу”, “послушание в его древнем виде”), им отвергается категорически» (С. 13)?

— Откроем указанные страницы творений святителя!

Приведа в пример преподобного Антония Великого, который заимствовал назидание у разных отцов и не имел одного наставника, святитель пишет:

«Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями, но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловерный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угрождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием ...Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловерным. Против такого настро-

ния необходимо принять меры осторожности. “Изучай Божественное Писание,— говорит прп. Симеон Новый Богослов,— и писания Святых Отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать: согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли, ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей (Гл. 33. Добротолюбие, ч. 1)”».

Неужели предостережение от увлечения ложным советом и ложным руководством можно истолковать как отвержение внутреннего, духовного послушания? Ведь святитель пишет: «Советуйся с добродетельными и разумными отцами...» Послушание во внешних делах — один из инструментов, одно из упражнений в делании послушания. Святитель говорит, что нашему времени не дано послушание старцу в том виде, в каком оно проходило в древности, а о. Доримедонт дает совершенно произвольное толкование этим словам: что святитель якобы отрицает послушание внутреннее в духовных вопросах. Очевидно невольное, если не злонамеренное, искажение отцом Д. слов святителя, сделанное, вероятно, в расчете на то, что читатель не доберется до первоисточника.

Между прочим, иеромонах Доримедонт в своей книге неоднократно пользуется подобным приемом, то ли не понимая до конца высокое учение святителя, то ли, что не хотелось бы говорить, сознательно очерняя святого. В первом случае, таким образом, афонский инок спорит сам с собой,

опровергая лишь свои измышления, приписываемые им святителю. Во втором — Бог ему судья!

Вообще, опровергнуть все мудрствования о. Доримедонта невозможно, по той причине, что они имеют демагогический характер; можно спорить почти с каждой строкой, но на это понадобятся целые тома. Нужны ли они? Часто о. Доримедонт пытается бороться за те истины, с которыми никто и не спорил, опровергает мнения, которые святитель Игнатий и его последователи никогда не высказывали. Сопровождая святоотеческие цитаты велеречивым многословием, бесчисленными оговорками, часто противоречащими друг другу, афонский инок подпадает под меткое определение прп. старца Амвросия Оптинского: «Где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено — там ни одного». Всякий, читавший творения святителя Игнатия, увидит в них тот же дух, что и в творениях Святых Отцов, почувствует силу его слов, сказанных *со властью*, чего совершенно лишена книга о. Доримедонта, построенная на измышлениях падшего человеческого разума, хотя и не лишенная своей логики.

«Послушник признает источником Адамова — своего собственного падения — человеческий разум и человеческую волю. Все последующие страсти — это последствия падения разума и воли. Послушание (в его высшем проявлении — послушание мудрования) — это наиболее результативный способ умерщвления падшей воли и разума» (С. 13), — говорит афонский инок. Так ведь и святитель Игнатий пишет о том же: «Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому — от-

вержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера»*. По всей видимости, именно из письма свт. Игнатия афонский инок и заимствует цитату из свв. Игнатия и Каллиста Ксанфопулов об Адамовом падении (С. 11). Снова непонятно, с чем же он спорит?

«В сочинениях свт. Игнатия наблюдается смешение различных видов послушания. Святитель обычно не уточняет, какое послушание он имеет в виду в том или ином случае. Следует упомянуть и о том, что, помимо послушания в смысле отсечения своей воли, в новом русском монашеском лексиконе этим словом обозначается также то или иное служение, возлагаемое на монаха в монастыре» (С. 12).

Вероятно, на Афоне автор стал забывать русскоязычную монашескую литературу, где монастырские служения ближним называются именно «послушаниями». Не думаю, что отец современного иночества не отличал монастырских послушаний от послушания как внутреннего делания, от послушания в духовных вопросах. Из приведенных выше цитат видно, что святитель предписывает и то, и другое, указывая лишь на то, что учение духовного отца нужно поверять святоотеческим учением. Если речь идет только о внешнем, какой смысл «поверять» нравственное учение духовника?

Святитель понимает под послушанием и внешние делания, и внутренние, он указывает на различные формы послушания. «Монастырские занятия потому и называются послушаниями, что

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. С. 439.

они соединены с отречением от своей воли и от своих разумений. По этой причине при исполнении послушаний совесть подвергается непрерывным опытам», — пишет святитель в «Правилах наружного поведения для новоначальных иноков» (С. 8). О двух видах послушания — внешнем и внутреннем — говорит и преподобноисповедник Никон Оптинский. Послушание внешнее оказывается монастырскому начальству, послушание внутреннее оказывается духовнику. Никакого противоречия нет и у святителя Игнатия: заповедуя слушаться беспрекословно монастырских начальников во всем том, что касается внешней монастырской дисциплины, не меньшего, а, пожалуй, большего послушания святитель требует и по отношению к духовному отцу.

Оба вида послушания — делание одной и той же добродетели. Они эффективны при совмещении, когда человек слушается «начальников, Богом поставленных» (Акафист прп. Сергию Радонежскому) и когда слушается духовника, также принявшего свое служение свыше. То и другое послушание тесно взаимосвязаны. Представьте себе монаха, который во всем слушается старца, но никого другого не признает, ведет себя непокорно и дерзко с монастырским начальством, наплевательски относится к порученным ему делам и не желает послужить братии! Правда, такое трудно себе представить? Именно по той причине, что если человек действительно преуспевает в одном виде послушания, преуспеет и в другом; если же будет пренебрегать послушанием внешним, это, несомненно, тут же отразится и на внутреннем делании. Заповедями Божиими предписано то и другое послушание. Хотящий исполнять волю Бо-

жию совершенно понимает значение того и другого и никогда не вознерадит о них.

Единственно, святитель оговаривается, что и в том, и в другом случае послушание не должно противоречить Евангелию, отеческим писаниям и совести послушника. Оговорка вызвана тем, что в наши времена как монастырские начальники, так и духовники, к сожалению, по степени своей духовности значительно уступают древним. Не являясь духоносными старцами, какковыми в древности, как правило, были и настоятели, и духовники, порой совмещая оба этих высоких служения, нынешние отцы могут делать ошибки. Поэтому послушник, желающий во всем исполнить волю Божию, должен предпринять некоторые меры для охранения себя от последования воле человеческой.

Говоря об этом, святитель отнюдь не умаляет внутреннего послушания духовному руководителю. Он лишь хочет уточнить, что советы нынешнего духовного руководителя должно применять к себе с большой осмотрительностью, понимая, что времена изменились и нет тех святых старцев, которые могли свято, безошибочно вникнуть в твои проблемы и понять всё, что с тобой происходит. Не будучи таковыми, они, при всем желании тебе помочь, даже обладая некоторым духовным опытом, все-таки могут в чем-то ошибиться. Чтобы не последовать их ошибкам, будь более рассудительным, осмотрительным, осторожным, но это отнюдь не значит, что не нужно слушаться в вопросах внутренней жизни.

Афонский инок нашел у современных святителю подвижников, а именно у прп. Амвросия Оптинского, лишь одно неодобрительное заме-

чание по поводу его творений (цит. по брошюре иером. Доримедонта, С. 12):

«Я помню неточное приведение им (святителем Игнатием) мест из писаний Святых Отцов. Например, в “Добротолюбии” у прп. Симеона Нового Богослова говорится в третьем образе внимания молитвы о послушании к старцу и духовному отцу, без которого неудобно спастись молитвою Иисусовою, а преосвященный Игнатий отнес это к общему монастырскому послушанию; а ты ведь и сама знаешь, какое великое различие между тем и другим послушанием» (Собрание писем к монашествующим. Сергиев посад, 1909. С. 117).

Преподобный Амвросий не указывает точное место в творениях святителя, однако нам встретились слова, которые, возможно, он и имеет в виду: «Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя. Великое благо молитвы проистекает из послушания, как сказал прп. Симеон Новый Богослов (О третьем образе внимания и молитвы св. Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1). Находящиеся в послушании и занимающиеся монастырскими трудами никак не должны считать себя свободными от упражнения молитвою: без этого самые труды и даже послушание будут бесплодными, мало того, принесут зло-вредный плод тщеславия и других грехов, непременно являющихся в той душе, в которой окажется бедственная пустота, в которой не живут сила и благоухание молитвы»*.

* Творения святителя Игнатия Ставропольского. Т. II. М., 2001. О существенном делании монаха. С. 148–149.

Если действительно имелось в виду данное место, очевидно, что прп. Амвросий вспоминает его по памяти, не имея текста под рукой. Святитель Игнатий никак не искажает здесь слов прп. Симеона. В первых двух фразах приведенной нами цитаты говорится о послушании и отсечении своей воли вообще, как делании, важнейшем и необходимейшем для приобретения молитвы. А в последней фразе святитель переходит уже к другой мысли — о том, что занимающиеся монастырскими трудами не освобождаются от молитвенного делания. Говоря о делании послушания обобщенно, святитель никак не противоречит словам прп. Симеона, если даже в данном случае преподобный говорил об одном из видов делания послушания — послушании старцу.

Святитель Игнатий знал древние и новые языки и имел возможность читать Отцов в подлинниках. Во всяком случае, если мы не хотим обвинить святителя в подлоге, должно признать, что, будучи сам сосудом Духа Святаго, он имел основания привести это место именно так, как он приводит, и применить к той ситуации, о которой в данный момент шла речь. Его истолкование изречения прп. Симеона нисколько не искажает смысла, а углубляет и расширяет его. В святоотеческой аскетической традиции встречаются различные истолкования мест из Священного Писания, касающиеся заповедей о послушании. Одни и те же заповеди в одних случаях истолковываются применительно к монастырскому начальству, а в других — к старцу-руководителю. Добродетель послушания одна, применяемые делания в том и в другом случае большей частью сходны, имеют

одну цель — научить послушника отсечению своей воли и разума перед волей и разумом Божиими. Относительно этой цели различия между тем и другим видом послушания хотя и имеются, но не столь значительны. Разумеется, послушание как делание только тогда достигает полноты, когда послушник одновременно усердно подвизается как в том, так и в другом виде послушания: слушаемая нелицеприятно всех монастырских начальников, не менее слушается своего духовника.

Кроме того, святитель Игнатий, действительно, иногда применяет высказывание, произнесенное по одному поводу, к несколько другой ситуации. Это вообще свойственно Святым Отцам. Например, он приводит евангельские слова: *враги человеку домашние его* (Мф. 10; 36), подразумевая под *домашними* внутренние помыслы. И это толкование вполне в соответствии со Святыми Отцами, указывавшими сокровенный в Священном Писании не только аскетический, но и созерцательный смысл. Святитель всегда говорит обоснованно. Он может более широко разьяснять какие-то вещи, дополнять их, сопоставлять между собой. Святитель тонко сопоставляет послушание старцу и послушание игуменам. Первое в ряде случаев подходит ко второму, и второе — к первому, и необходимо учитывать и то, и другое. Когда святитель Игнатий считает возможным применять одно к другому, я вполне ему доверяю, и нападки о. Д. для меня здесь мало убедительны.

— *Справедливо ли мнение о. Д., что свт. Игнатий «считает вверение послушника старцу в делании душевного подвига опасным и вредным», по причине отсутствия среди современного монашества делателей душевного подвига (С. 13)?*

— Для доказательства своих тезисов афонский инок порой пытается использовать совершенно неподходящие цитаты из творений святого. Откроем страницы, на которые ссылается о. Доримедонт (Т. I. С. 274, 285):

Первое место:

«Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного... Занимайся исключительно и со всею тщательностью молитвою покаяния; старайся молитвою принести покаяние: удостоверись в успехе подвига, когда ощутишь в себе нищету духа, умиление, плач. Такого преуспеяния в молитве желаю и себе, и тебе. Достижение вышеестественных благодатных состояний было всегда редкостью. Прп. Пимен Великий, живший в пятом веке, в котором особенно процветало монашество, говорил: “О совершенстве беседуют между нами многие, а действительно достигли совершенства один или два” ...Святой Григорий Синаит, писатель XIV века, решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки: причину этого Синаит указывает в необыкновенном развитии пороков, происшедшем от умножившихся соблазнов. Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Боговдохновенных наставников нет у нас! Целомудрие, простота, евангельская любовь удалились с лица земли...»

Здесь, вне всякого сомнения, говорится исключительно об отсутствии наставников, способных научить возвышенным молитвенным деланиям, а вовсе не о том, что не надо задавать вопросы о душевном делании, о борьбе со страстями. Сама эта цитата взята из беседы старца с учеником, где

ученик спрашивает и о смирении, и о молитве, и обо всех других деланиях внешних и внутренних, свойственных монаху. На следующей же странице святитель пишет о необходимости и великих плодах подвига послушания. А в вышеприведенной цитате он говорит лишь о том, что с большой осторожностью нужно относиться к некоторым деланиям, к некоторым видам иноческого подвига, а о. Доримедонт почему-то считает себя вправе переносить это на весь подвиг послушания.

На другой указанной о. Доримедонтом странице описан нетипичный случай, когда старец, быстро достигший святости по особенному Промыслу Божию, по причине своей чистоты, хотя и обильно осенен Божественной благодатью, однако не может полноценно руководствовать других. Пример этому есть в Афонском патерике: одному из преподобных отцов была дана самодвижная Иисусова молитва, когда он молился перед иконой Божией Матери. Подобным образом по благодати получил дар самодвижной молитвы прп. Паисий Молдавский (Величковский). Поэтому он сам не брался руководствовать новоначальных; в устроенном им монастыре он давал советы преуспевшим инокам, а новоначальным назначал старцев, которые трудом достигли того, что ему было даровано туне.

Такие случаи исключительны; чаще дар благодатной самодвижной молитвы получают подвижники, прошедшие путем очень больших скорбей и великих трудов, как правило, в конце своего иноческого пути. Те, кто достиг высокой степени духовности особенным образом, не могут преподавать искусно и рассудительно то, что не прошли опыт-

но. Описание этого особого духовного состояния святитель Игнатий заимствует у прп. Макария Великого. Далее святитель говорит: «В монастырях употребляется о таких преуспевших старцах изречение: “свят, но не искусен”, и наблюдается осторожность в совещаниях с ними, в совещаниях, которые иногда могут быть очень полезными. Осторожность заключается в том, чтоб не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев, чтоб поверять их наставления Священным Писанием и писаниями Отцов, также беседую с другими преуспевшими и благонамеренными иноками, если окажется возможность найти их. Блажен новоначальный, нашедший в наше время благонадежного советника!»

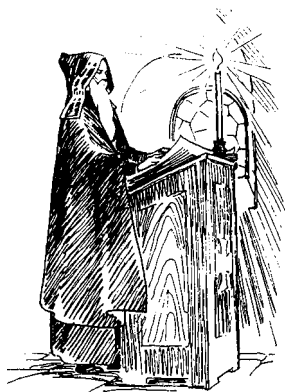
Сделать из этих слов вывод, что святитель Игнатий «считает вверение послушника старцу в делании душевного подвига опасным и вредным», есть абсурдное искажение мыслей святителя, который нигде, ни в одном месте своих творений не говорит, что нельзя вверять себя духовнику.

А то, что свт. Игнатий полностью отрицает наличие в его время делателей душевного подвига, — очередная грубая ложь. Без душевного подвига святитель Игнатий даже и не мыслил монашества. Цитируя Отцов «Добротолюбия», он неоднократно называет телесный подвиг — листьями, а душевный — плодами. «Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Если бы они прекратились на какое-либо время, то это было бы вместе прекращением человеческой жизни, человеческого существования. Жизнь не прекращается ниже на мгновение: и ум не престаёт ни на минуту

от рождения мыслей, а сердце не престаёт ни на минуту от рождения чувствований. Непрестанное занятие естественно душе. Дать душе занятие богоугодное есть непрременная обязанность каждого, вступившего в монастырь. Такое занятие Святыми Отцами названо “душевым деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением, вниманием” ...Тот примет меры предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь озаботится о немедленном доставлении себе правильного душевного делания»*. Так начинает святитель свое бесценное «Приношение современному монашеству». Отсюда очевидно следует, что правильное понятие о душевном делании и стяжание его святитель считал первоочередным для любого еще только желающего встать на путь монашеской жизни.

Во многих местах своих творений святитель с болью говорит, что делателей, правильно понимающих и проходящих душевный молитвенный подвиг, мало, недостаточно. Их преуспеяние, к сожалению, не достигает той меры, силы, глубины, как это было в древности. Как следствие, такие подвижники недостаточно опытные, чтобы преподавать новоначальным духовную жизнь на том уровне, как это делали подвижники-исихасты. Естественно, что-то должно поменяться: не в духе — в форме. Как и преподавание, так и послушание должны претерпеть изменения в связи с переменой обстоятельств. Возможно, о Доримедонт не до конца понимает учение святителя Игнатия, но порой возникает вопрос: не исказит ли он его сознательно?

* Сочинения свт. Игнатия Ставропольского. Т. V. М., 1998. Введение. С. 29–31.

Глава 5

КТО ТАКИЕ ДУХОНОСНЫЕ СТАРЦЫ?

— *Афонский инок утверждает, что, заповедуя оказывать совершенное послушание только духоносному старцу, святитель Игнатий якобы нигде не дает определения, что значит «духоносный». Но многие из нас именно из писаний святителя Игнатия уяснили для себя разницу между понятиями душевность, духовность, духоносность.*

— По-моему, слово «духоносный» говорит само за себя. Читателю, знакомому с аскетической литературой, этот термин понятен и не требует разъяснений. Хотя святитель Игнатий не дает прямого определения, но вполне ясно, что «духоносный» — значит причастный благодати Духа Святаго и Его благодатных дарований. Это человек, достигший высокой степени духовности, то есть такой степени освященности, когда его жизнь и учение святы. Говоря о духоносном наставнике, святитель Игнатий иногда называет его «благодатным светильником», «избранным сосудом Святаго Духа», «знаменоносным отцом», а

иногда — подвижником, достигшим духовного совершенства. Таким образом, только для о. Доримедонта слово «духоносный» кажется непонятным и требует какого-то особого разъяснения.

А вот здесь святитель, ссылаясь на Св. Отцов, прямо объясняет, о каких наставниках говорит: «Имеете ли Вы ...в виду опытного старца в обителях Святой Горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово “духовный” употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется у новейших писателей, но в том смысле, как оно употреблялось св. ап. Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых прп. Григорий Синаит говорит: “Не всех бо есть наставить и инех, но имже дадеся Божественное рассуждение, по апостолу, рассуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечом слова. Кийждо бо свой разум и рассуждение естественно или деятельно или художественно имать, а не все духовное”* ...Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительствова, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы (см. св. Исаака Сирского слова 26, 27, 28)». **

* «Не всем подобает наставлять и других, но лишь тем, кому даровано Божественное рассуждение, по слову апостола, *рассуждение духов*, отделяющее худшее от лучшего мечом слова. Ибо каждый имеет разум и рассуждение естественное, или деятельное, или художественное, но не все имеют духовное».

** Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СП—б., 1995. Письмо № 25. С. 87.

Словом «старец» в духовно-аскетических писаниях называется руководитель ко спасению, преимущественно, иночествующих. Если, по прпп. Макарию Великому, Серафиму Саровскому и другим Святым Отцам, цель жизни христианина — стяжание благодати Святаго Духа, видимое раскрытие действий благодати, полученной в Таинстве св. Крещения, то очевидно, что духоносный старец — инок, который подвигом исполнения заповедей Божиих раскрыл в себе благодать таким образом, что ее действия сделались видимыми для окружающих. Благодать преобразила подвижника так, что сделалось возможным через него воздействие благодати на окружающий мир, видимым образом преображающее его, прежде же всего — тех, кто вступил в общение с ним верой.

Старчество — очень глубокое духовное явление. Оно было всегда, потому что всегда было духовное руководство, а старец — это, собственно, совершенный, святой духовник, человек, непременно обладающий дарами благодати Духа Святаго, которые он отдает на служение ближним.

Дарования могут быть разными. Несомненно, старец должен иметь дар рассуждения, о котором мы уже говорили. Думаю, что все подлинные старцы обладали и даром прозорливости. Прозорливость — это способность видеть внутреннее состояние человека, его мысли, чувства, переживания, намерения, чтобы помочь этому человеку принести покаяние, открыть ему волю Божию. Многие старцы обладали даром пророчества, то есть видели будущее, судьбы Божии и

волю Божию о конкретном человеке или даже о многих людях, о целом народе, государстве, поэтому они возвещали пророчества царям, учили, как избежать бедствий и как привлечь милость Божию к народу.

Повторяя изречение прп. Нила Сорского о том, что «писания Отцов многочисленны как песок морской», святитель Игнатий не задается недостижимой целью изложить все учение христианства или даже только аскетическое учение от азов до конца. Он опирается на книги других Отцов, знакомя читателя с ними, постоянно цитируя их, направляет читателя к первоисточникам. Его творения нужно читать и воспринимать в контексте других Отцов Церкви. У святителя постоянно встречается мысль, что он всего лишь излагает отеческое учение, ничего нового не привнося, не прибавляя. Читателю, знакомому с учением прп. Макария Великого о стяжании благодати Святаго Духа, а также с беседой преподобного Серафима Саровского о цели жизни христианина, все ясно и так. Отец Д. просто не хочет понять очевидное.

— *Афонский инок пытается доказать (см. С. 15), что святитель Игнатий подразумевает под словом «духоносный» нечто иное, чем другие Отцы, например, святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы в «Добротолубии» которые пишут: «Прежде всего избери себе всецелое повиновение непритворное, для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного, духоносного, сообразно со словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании о себе, во всем*

добронравного и вообще такого, каким, по богопреданным словесам, подобает быть Христову учителю». «Из контекста видно,— *комментирует о. Д.*,— что духоносность наряду с другими характеристиками относится святыми Каллистом и Игнатием к состоянию духовной зрелости наставника, его способности к духовному руководству» (С. 13–14).

— То есть о. Доримедонт считает, что свидетельство свв. Каллиста и Игнатия относится к любому более или менее опытному духовному руководителю, а не к старцу святой жизни. Но, на мой взгляд, из контекста видно, что эти духовные писатели предъявляют к наставнику как раз очень высокие требования: «высокий в умозрении», например. Человек, в их понимании «способный к духовному руководству, по богопреданным словесам», думаю, сильно отличается даже от опытного современного духовника.

Все, наверное, знают, что пятый том «Добротолюбия» — это книга не для новоначальных, а для духовно преуспевших, для тех, кто достиг такого уровня духовной жизни, на котором уходят в затвор или отшельничество. Творения свв. Каллиста и Игнатия Ксанфопулов адресованы именно таким делателям молитвы Иисусовой — исихастам, отшельникам. Старцем отшельника, конечно, должен быть человек, уже прошедший аскетическую науку духовной жизни, достигший святости. Преподобные, очевидно, говорят здесь о вполне непорочном, духоносном, благодатствованном руководителе очень высокой жизни, который способен научить человека высочайшим степеням молитвенного делания. Я

никогда не сомневался, что они здесь имеют в виду такого высокодуховного человека и святого старца, каких в наши дни, скорее всего, уже нет. Может быть, где-то на Святом Афоне и есть такие, кого можно назвать «высокими в умозрении», но в России я таких не встречал.

А вот что подразумевает под понятием «непрелестный» прп. Нил Сорский: «Немалый подвиг, сказали Отцы, найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали Святые Отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностью. Если же не найдется, то Святые Отцы повелели научиться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: *Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную* (Ин. 5; 39). *Все, что писано было прежде в Святых Писаниях, написано нам в наше наставление* (Рим. 15; 4)»*. Так что понятия «духоносный», «непрелестный» у святителя Игнатия никак не расходятся с аналогичными понятиями древних Отцов.

— *Афонский инок говорит, что если у святителя Игнатия слово «духоносный» является синонимом слова «святой», то «оказывать послушание надо было бы только святым, но тогда следовало бы признать, что послушание было бы в принци-*

* Предисловие к Уставу или Преданию.

пе невозможно ни в одну даже самую духоносную эпоху, ведь даже во времена расцвета монашества святых, относительно общего числа подвижавшихся, было мало». *Но разве их настолько было мало, как сейчас?*

— В «Отечнике» есть изречение одного из Отцов Церкви, который говорит, что в Тавеннисиотской пустыне в одно время было пять тысяч подвижников, из них пятьсот мужей были святыми, в частности, имели власть изгонять демонов. А это говорит об очень высоком духовном состоянии*. Соответственно, на каждые десять подвижников приходился человек, достигший духовного совершенства. Какова была тогда духовная жизнь в реальности, сейчас даже трудно себе представить. Где сейчас вы видели подобное? Сегодня во всем мире такого человека днем с огнем не сыщешь.

Кроме того, существуют разные степени духовного совершенства, разные степени святости; святые подвижники могут быть облагодатствованы в разной степени. Поэтому Преданием Церкви они и разделяются на разные чины, т.е., по сути, разные степени духовности. Но в любом случае, в золотые времена монашества, при его начале, подлинно святых духовных вождей было несравнимо больше, чем сейчас. Далеко не каждый преуспевший инок получал благословение на духовное руководство других иноков. Мирян может и имеет право руководствовать любой пастырь

* Практикуемый ныне ритуал так называемой «отчитки» ничего общего не имеет с благодатным даром изгнания демонов и напоминает, скорее, некое театральное представление, не без корыстных целей.

Церкви, да и то, наверное, с благословения своего духовного отца или архипастыря. Руководство же иноков на пути к совершенству — несравненно более высокое дело; и даже в те славные времена к нему были способны далеко не все. Что сказать о сегодняшних днях оскудения?

На мой взгляд, понятия «духоносный» и «святой» несколько отличаются. «Святой» — это человек духовно совершенный, достигший высших степеней духа, а «духоносный» — человек, стяжавший благодать, в той или иной степени освященный, преуспевший в духовной жизни достаточно для того, чтобы руководствовать монашествующих. Из патериков явствует, что некоторые старцы были совершенными в святости, другие были менее облагодатствованы, то есть обладали меньшей степенью совершенства. Те и другие наименованы духоносными. По учению преподобного Макария Великого, человек может быть на две части освящен благодатью, а на восемь частей — еще нет, считая при этом, что он уже весь освящен; или бывает даже, что человек на восемь частей освящен благодатью, а на две части еще нет, и это значит, что он еще неполностью освящен. Только когда человек на десять десятых освящен благодатью, тогда он действительно духовно совершенен. Святой — это человек, стяжавший совершенство, а духоносный — человек, причастный благодати, которая действует в нем видимым образом, причастный благодатным дарованиям, но не обязательно уже достигший совершенства.

— *То есть, когда идет речь о духоносном старце, имеется в виду подвижник, в большой мере при-*

частный благодати Божией; а в изречении прп. Пимена Великого о том, что совершенства достигли один или два, имеется в виду уже совершенство в святости, ее высшая степень?

— Думаю, да, в данном случае имеется в виду совершенство в святости. В те времена было очень много духовно преуспевших, облагодатствованных мужей; для наших времен они все — великие святые, а в понимании преп. Пимена Великого совершенства из них достигли только один или два. И святитель Игнатий не смог найти старца, который бы полностью его удовлетворил, потому что сам он находился в высокой мере преуспения, и даже святые Оптинские старцы для него были недостаточны (тогда как для нас они были бы великими старцами) — в этом и заключается главная причина разногласий святителя с Оптинскими отцами.

Для того чтобы свято руководить, необходимо благодатное «ведение», то есть опытное познание вещей духовных, которое является в подвижнике, с одной стороны, как следствие его подвига, с другой — как ниспосланный свыше дар благодати, необходимый для служения, на которое поставил его Господь. Вот кто в понимании святителя Игнатия является полноценным руководителем в духе древних: «Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым, благочестивым; для этого необходим духоносный отец, только пред духоносцем может быть явна душа ученика, только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести дол-

жен с точностью и подробностью исповедовать свои помышления, но наставник не должен руководствоваться только этой исповедью в суждении о душевном состоянии ученика, он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его. Так действовали Пахомий Великий, Феодор Освященный и прочие святые наставники иноков. Феодору Освященному говорили ученики: “Отец! Обличи меня”, — и он, движимый Святым Духом, являл каждому сокровенные в нем душевные недуги. Эти великие Отцы признавали “послушание иноческое” особенным даром Святаго Духа, так повествует писатель, современный им, преподобный Кассиан».*

Здесь говорится, что духовник в своем служении не должен руководствоваться только тем, что скажет ему его пасомый. Этого недостаточно. Послушник, в особенности новоначальный, не может правильно оценить свое состояние, поэтому не знает и не понимает, что нужно рассказывать духовнику, какие вопросы задавать, что и в какой степени открывать, а порой по действию страстей что-то скрывает сознательно. Для правильного руководства необходимо участие благодати.

В вышеприведенном письме свт. Игнатия говорится о некоей степени провидения, даже прозорливости, которой непременно должен обладать духовный наставник; хотя это еще не есть прозорливость в полном смысле слова. У преподобного Петра Дамаскина есть учение о степенях

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 229. С. 441—442.

духовного ведения*, откуда явствует, что на высоких степенях ведения человек сначала получает благодать видеть внутреннее устройство тварей видимых, например, животных, далее — человека, как имеющего дух; на последней же ступени сподобляется высшего богословия.

Преподобный Исаак Сирин говорит, что прозорливость — это когда подвижник благодатным действием проникает в душу другого человека, как бы живет его жизнью. Это не то, что прозорливец как бы снаружи читает мысли, как прочитывают книгу. Прозорливость, несомненно, свидетельствует о духовности, но определить ее степень не имеющие такого дара не могут. *Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2; 15). Для этого необходимо быть в той же степени преуспеяния.

Среди духовных дарований искусного наставника святитель Игнатий также упоминает такой особый дар, как видение судеб Божиих: «Видение судеб Божиих — видение духовное. Возводится Божественною благодатью, в свое время, к этому видению ум христианина, подвизающегося правильно... Правильное и точное исполнение воли Божией не возможно без познавания судеб Божиих... Чтоб увидеть Бога в Промысле Его, нужна чистота ума, сердца и тела. Для стяжания чистоты нужна жизнь по заповедям Евангелия. Из видения судеб Божиих рождается в сугубом обилии матерья этого видения — жизнь благочестивая**». Тем более для руководства к такой жизни пастырю существенно необходимо знать судьбы Божи

* Творения прп. Петра Дамаскина. М., 1993. С. 59–116.

** Собрание сочинений свт. Игнатия Ставропольского. М., 1995. Т. II. С. 73–75.

не только относительно себя, но и относительно своего духовного чада.

— *Вы указали высокие духовные дарования, присущие духовному руководству святых мужей. Из сказанного Вами видно, насколько они важны. Поэтому возникает вопрос, возможно ли в наше время духовное руководство без этих качеств?*

— В духовной жизни все протекает благодатным, сверхъестественным путем, поэтому пастырей Церкви не назначают, а рукополагают. Хиротония по учению Православной Церкви — не просто красивый обряд, а Таинство, в котором пастырь получает благодатные дарования, без которых его служение невозможно. Без особенной помощи благодати Божией невозможно управить даже *малое стадо*, а что сказать о монастырях целой епархии? Сколько мудрости, рассудительности, труда необходимо архипастырю! И все это он получает в Таинстве священства, совершаемом над ним.

Мы видим в древности, что старцами нередко бывали простые иноки, не имевшие священного сана. Это было возможно благодаря высоте их духовной жизни, проводимой в строгих аскетических подвигах. Ныне примеров духовного руководства простым иноком, которые можно было бы признать успешными, в России практически не встретишь. Успешно проходить служение духовника ныне возможно только благодаря священному сану.*

* Не отсюда ли упадок духовной жизни в тех монастырях, где игуменьи, ограничив функции монастырских духовников только совершением богослужения, предлагают духовное руководство в собственном лице или, что встречается значительно реже, в лице не облагодатствованных Таинством «стариц»?

Несмотря на то, что вместе со священным сansom пастырь получает необходимые благодатные силы и дары для служения ближним, для того чтобы быть полноценным духовным руководителем, этого недостаточно. Необходим личный аскетический подвиг пастыря, с помощью которого он стяжает духовный разум. Именно поэтому далеко не всякий священник или священноинок способен к духовническому служению, а те, кто поставляется на это служение, постепенно готовят себя к нему. Одно дело: совершать требы и Таинства, произносить проповеди, преподавать в воскресной школе или духовном учебном заведении, заниматься литературной работой — все это имеет право делать любой священник, как и принимать исповедь мирян, давая советы в отдельных случаях. Совсем другое дело — служение духовного руководителя, суть которого заключается в постоянном определении воли Божией для пасомых. Просто благодати священства, полученной в хиротонии, здесь недостаточно; с ней должен соединиться духовный опыт, т.е. тот опыт, который приобретен самим пастырем в изучении и исполнении заповедей и воли Божией, касательно его самого, для чего необходима строгая аскетическая жизнь.

Дарования, о которых говорит святитель Игнатий в приведенном выше письме № 229, а также дар познания судеб Божиих вместе с рассуждением, несколько большим, чем у простого мирянина, существенно необходимы духовному руководителю. Необходимы настолько, что духовническое служение при их отсутствии, на мой взгляд, невозможно. Судите сами: может ли со-

общить волю Божию пасомому тот, кто не знает ее даже относительно самого себя? А если знает относительно себя, это еще не значит, что ему открыта воля Божия и судьбы Божии относительно ближнего. Последнее — выше и ответственнее, чем первое, требует большего труда, может иметь серьезные последствия и для самого пастыря, ведь его духовная жизнь теснейшим образом связана с пасомыми. И первое, и второе — плоды крестного пути, и, конечно же, для второго требуется большее самораспятие. А на него ведь еще нужно иметь произволение!

— *Тогда получается, батюшка, что в наше время никто не может заниматься духовным руководством?*

— В той мере, в какой руководили древние, с той степенью достоверности, с какой они сообщали волю Божию своим пасомым, действительно, сегодня не может руководить никто, на что постоянно и указывает свт. Игнатий (Брянчанинов). Он утверждает, что в древности руководство поручалось высоко-духовным, преуспевшим в опытности мужам. По причине их обилия, тогда не ощущалось недостатка в руководителях. По мере удаления от тех благодатных времен, духовность в монашестве стала ослабевать. Вместе с этим, оскудевает духовность и во всей Церкви. Количественно, а главное, качественно духовные руководители стали не те, что неизбежно должно было привести к некоторым изменениям в отношениях их с пасомыми. Тем не менее духовных руководителей, монастырских духовников при желании найти можно и в наши скудные времена, о чем также пишет свт. Игнатий.

Как мы уже говорили, степень духовного преуспеяния наставников и в древности была различной. И в то время были старцы, не достигшие такой меры, чтобы именоваться духоносными, однако же способные быть полноценными руководителями. Свое служение они также совершали при помощи благодати Божией, но были причастны благодати в меньшей мере, обладали меньшими дарованиями. «Духоносными», «знаменосными» именовались мужи, в которых благодать Божия действовала явно, порой против их воли*, видимым для окружающих образом. Простые старцы не всегда имели видимые признаки действия Божией благодати, однако, по Божию благословению, успешно руководили своих учеников. Нынешние духовники более похожи на них, с той лишь разницей, что имеют еще меньшую свободу от страстей и, как следствие, менее обласканы, менее опыты и рассудительны. Поэтому и требования к послушникам сегодня должны быть уже несколько другие. Духовный рост послушника определяется его трудом, мера труда и ревность в подвиге определяются послушанием руководителю, а мера послушания зависит от веры послушника.

И в древности, а тем более сейчас, более опытный старец заслуживал большего доверия, а значит, и большей степени послушания, чем менее опытный. Первый обладал большими воз-

* В одном из патериков приводится случай, когда высокодуховный подвижник, который по смирению отказывался совершать чудеса, когда его просили прямо, воскресил умершего отрока, не зная об этом. Отец, имевший к подвижнику большую веру, положил умершего у него на пути, старец повелел ему встать, и юноша ожил.

возможностями для духовного руководства, мог применить более разнообразные приемы, почерпнутые из его личного опыта, имел возможность более глубоко и прозорливо видеть состояние своих учеников и волю Божию о них. По отношению к нему требовалось точное, беспрекословное послушание, при котором всякое «рассуждение» было бы проявлением маловерия.

Блаженны и преблаженны ученики тех старцев! Вера не есть нечто искусственное, появляющееся из ничего само собой. В данном случае она достигалась легко и естественно, благодаря наличию руководителя, в высшей степени достойного доверия, обладающего благодатными духовными качествами и высотой добродетелей, достаточно указанными в святоотеческих творениях. Подвиг веры, а также связанный с ним подвиг послушания, при наличии таких условий, несомненно, проходить было легче и проще, и он скоро приносил соответствующие высокие плоды. Старец имел право на безусловную веру к нему, а значит, мог требовать от своих учеников совершения поступков, порой сверхъестественных, сообразно их вере, так как они не сомневались, что все, что говорит и делает старец, сообщено ему Божией благодатью. Только в таком случае возможно «дышать Богом и наставником своим»*. По мере умаления духовности старцев, умаляется и степень послушания, абсолютное послушание становится невозможным и даже неправильным; этот подвиг делается тем более затруднителен, чем менее искусен старец.

* Лествица. Сл. 4, гл. 21.

Менее духовный руководитель, какими бы он ни обладал положительными качествами, не может вызвать такой веры у своих духовных чад, а значит, не может и требовать тех примеров сверхъестественного послушания, о которых упомянуто выше. И не только: он также должен с большим рассуждением применять к своим послушникам те методы воспитания, которые использовали древние духоносные Отцы. Современный духовник должен осознавать свое несоответствие тем высоким требованиям, которые предъявляли древние к пастырю, призываемому Богом на подвиг руководства душ ко спасению. Ведь если инок, действительно, правильно развивается, он преуспевает прежде всего в смирении, в осознании своих немощей. Он понимает, насколько далеко отстоит от древних духоносных Отцов, даже если по нашим временам его называют старцем; это объективно так. Находясь в Духе, он видит эту истину. В таком осознании не слабость, а источник силы, той *силы*, которая *в немощи совершается* (2 Кор. 12; 9). Понимающий эту истину духовник как раз и будет рассудительным руководителем, который никогда не покусится возлагать *бремена неудобноносимые* (Мф. 23; 4) на своих духовных чад и не будет требовать от них веры и дел послушания, превышающих их силы. Именно таким образом поведения он и приобретет доверие и души духовных детей.

Напротив, человек прельщенный, не знающий смирения, не понимающий, по сути дела, духа послушания, играющий в некую пагубную игру, в наше время дерзко приравнивает себя к древним духоносным Отцам и пытается их мето-

дами воспитывать нынешних послушников. Какое заблуждение!

Святитель Игнатий часто повторяет слова преподобных отцов о том, что телесный подвиг необходим, с него начинается духовная жизнь, но он подобен листьям на древе. Плодом является подвиг душевный. Настоящая духовная жизнь начинается тогда, когда ученик, пройдя стадию телесного подвига, не оставляя его, вступает в область подвига душевного, который только и является подлинным иноческим подвигом. К нему относятся: непрестанная молитва Иисусова, определение воли Божией, делание заповедей, борьба с помыслами, внутренняя работа над собой. Того, что было до этого — жизни телесной, внешней,— недостаточно для духовного роста, для полноты духовной жизни. И конечно, только тот может быть духовным руководителем, кто, вступив в поприще душевного подвига, уже прошел какие-то его стадии, кто обладает необходимым ведением для того, чтобы вести за собой других.

В современных условиях, когда найти знаменосного руководителя, отмеченного явными духовными дарованиями, не представляется возможным, становится тем более актуальным совет прп. Иоанна Лествичника: «Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но, прежде всего, истинно смиренномудрых» (Сл. 4, гл. 120). Отсюда видим, что как в древности, так и ныне главное знамение и чудо, являющееся источником всех прочих дарований и чудес,— смирение. Под этим «одеянием Божества» обязательно сокровенно

пребывают мудрость и рассуждение тех, чей ум сподобился быть покрытым этим благодатным «одеянием». Доверивший себя такому руководителю не ошибется и пребудет богатым и во времена оскудения.

Таким образом, поиск духовного руководителя сводится к тому, чтобы найти человека, который «зван свыше», поставлен на это Богом, а не самочинно принял на себя такое звание. Второе необходимое качество и признак, по которому можно узнать раба Божьего, заключается в том, что и жительство свое, и учение основывает он на слове Божиим и отеческих творениях, проповедуя их словом и примером. Конечно же, он должен нести какой-то внутренний аскетический подвиг и достичь определенной степени духовности. Должен иметь рассуждение и определенного рода познания в духовной жизни, не только книжные, но и деятельные, которые преподобный Исаак Сирин называет ведением. Задача человека, ищущего духовного руководства, состоит, между прочим, еще и в том, чтобы несомненно увериться, что Божия воля предопределила ему общение именно с этим рабом Божиим, а не с каким-то другим.

В древности не требовалось такого знания Святых Отцов, как сейчас, по причине того, что руководители были живыми сосудами Святаго Духа. Как говорит святитель Игнатий, духовный старец в древности прямо возвещал послушнику волю Божию, имея в себе благодатное свидетельство этого. Современный же духовник обязательно должен знать святоотеческие писания; знать не только по букве, а опытно, то есть по мере сил

и возможностей пытаться исполнить советы Отцов. К своему скудному опыту — а какой-то опыт все-таки должен быть — такой духовник должен прилагать опыт Святых Отцов. Мало того: он должен переосмыслить святоотеческий опыт, пережить его, уже хотя бы для того, чтобы смиренно уклоняться от преподавания советов в тех областях духовной жизни, которые ему малоизвестны или неизвестны вовсе. У Святых Отцов есть запрещение преподавать делания, которые не проходились собственным опытом. Хороший духовник не будет преподавать подобных советов, хотя иногда может напомнить вопрошающему, что у Отцов есть такое-то указание относительно данного вопроса, обязательно оговариваясь при этом, что сам такого делания не проходил и на опыте не знает. Один из замечательных последователей свт. Игнатия XX века иг. Никон (Воробьев) говорит, что в наше время задача духовника сводится только к тому, чтобы вместе со своим духовным чадом выбрать из отеческих писаний место, наиболее подходящее к сложившейся ситуации.*

При современном образе духовного руководства от послушника требуются большие осмотрительность и рассуждение, необходимые для того, чтобы под видом послушания не исполнить падшую волю человеческую, если наставник ошибется. В таком случае исполнять послушание будет неразумно, неправильно, даже будет небогоугодной игрой в послушание: «Твори не свою падшую волю, а мою падшую волю». Все равно в

* См. Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние. М., 2002. С. 211.

реальной жизни любой человек не может не думать, не может закрыть глаза на несоответствие того, что должно быть, и того, что есть на самом деле. Рассуждение послушника в таком случае есть не что иное, как сличение слов и поведения духовника с отеческими творениями. Если наставник имеет немощи или делает явную ошибку в своем руководстве, ученик не может не заметить этого, да и не правильно не замечать, если, конечно, он хочет найти истину. Наставления Св. Отцов, такие как: «Хотя бы ты и своими очами увидел согрешающего, не осуждай; ибо часто и они обманываются»*, — относятся к тем случаям, когда малые немощи старца, большей частью кажущиеся, диавол использует, чтобы воздвигнуть у ученика брань. Серьезные же ошибки и расхождения со Священным Писанием, отеческими творениями и преданием Церкви, как мы уже сказали, не заметить невозможно.

В противном случае, образ духовника начинает искусственно идеализироваться учениками, что особенно свойственно особам женского пола. Рано или поздно нарисованный в мечтах «идеал старца» совершенно отрывается от реальности, вслед за чем является быстрое разочарование в духовнике, даже в том случае, когда он действительно достойный человек. Как правило, в дальнейшем духовные отношения уже крайне трудно, большей частью невозможно восстановить. И причина этого лишь в том, что в их основу были положены ложь и самообольщение. Обычно в таком случае присутствует и ошибка духовника, который, видя нездоровое, востор-

* Лествица. Сл. 10, гл. 17.

женное отношение к нему духовных чад, вовремя не пресек это и не обличил дьявольскую кознь.

Во избежание подобных неприятностей, отношения между современным духовником и его чадом должны строиться не на идеализированной мечте, а на реальности, то есть ученик должен видеть как добродетели своего наставника, так и его немощи, увлечения и заблуждения, не осуждая его, а покрывая любовью и относясь снисходительно. Для того чтобы правильно нести подвиг послушания в наше время, необходимо правильно смотреть на своего духовного наставника, иметь к нему правильное отношение. Благоговение к наставнику должно быть, но при этом некоторый критический взгляд может оставаться, иначе общение не будет правильным.

Заповеданное прп. Иоанном Лествичником испытание пастыря прежде предания себя его водительству заключается в том, чтобы узнать, кто перед тобой, что это за человек? Не прельщен ли он? Не из корыстных ли побуждений пастырствует? Насколько он заслуживает доверия? Насколько его учение соответствует учению Православной Церкви и воле Божией? Стоит ли слушаться его и насколько? При взаимном желании спасения, такой подход не только не вредит духовным отношениям, но, как показывает опыт, является единственно правильным. В частности, потому, что руководитель получает возможность узнать и исправить свои ошибки, если не пренебрежет невольными обличениями своего ученика. Совет древних Отцов, согласно которому ученик обязан исповедовать старцу помыслы про-

тив него, в таком случае весьма актуален, если ученик при этом не переходит грань, за которой начинается дерзость, а духовник в состоянии принимать такую исповедь без вреда для себя.

Послушание есть таинство, при котором благодать действует как в старце, так и в послушнике. Только при правильном образе поведения того и другого возможно взаимодействие, которое принесет плоды: прежде всего духовный рост послушника. Но не только послушник получает пользу от делания послушания. При правильно проходимом подвиге не в меньшей мере получает ее и духовный руководитель. «Если один поучает, другой слушает, назидаются оба»,— пишет прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Именно по этому признаку, то есть находя духовную пользу для себя в общении с духовным чадом, руководитель может убедиться, что есть Божия воля на такое общение и что его стоит продолжать.

Как была, так и будет всегда добродетель и делание послушания, но такое множество истинно духоносных мужей, как в древности, уже не явится миру. Современный инок может достигнуть духовного совершенства и святости, но он должен идти несколько иными путями; сейчас сложнее и тяжелее, потому что, вместо опытных советов знаменосных Отцов, в руководство нам предлагаются, главным образом, отеческие писания.

— *Афонский инок пишет:* «Во все времена большинство преподобных отцов находилось в послушании не у святых, а у обычных, хотя часто преуспевших старцев. Об этом свидетельствуют жития преподобных Иоанна Лествичника, Ио-

анна Дамаскина, Григория Синаита, Максима и Акакия Кавсокаливитов, Нила, Симеона, Феофила Мироточивых, Никодима и Силуана Афонских, Серафима Саровского и многих других. Принцип “послушание только святым” на деле опровергается святоотеческим опытом» (С. 15–16).

— В доказательство своего тезиса о. Д. неуместно приводит совершенно произвольный набор святых. Преподобный Иоанн Лествичник находился в послушании у духоносного старца, что видно из его жития. Преподобный Иоанн Дамаскин тоже находился в послушании у старца, исполненного духовной мудрости, который его обучал классическими методами, принятыми в то время. В житии преподобного говорится, что, когда старец согласился взять его в ученики, никто из живших там отцов не высказал возражений, и нигде не говорится, что старец был неискусным. Остальные перечисленные о. Д. преподобные тоже имели духовных руководителей более или менее известных.

Не может быть ученик больше учителя своего (Мф 10; 24; Лк. 6; 40); т.е. ученик, пока он ученик, не может превзойти своего старца. Когда же он приходит в большую меру преуспевания, то перестает быть учеником, и, как правило, сам становится учителем других. Те, кто достигли святости, были руководимы наставниками, достаточными для того, чтобы привести своих учеников в определенную степень духовности. Никто из них не достиг ее сам собой. В любом случае, перечисленные преподобные полагали начало своей иноческой жизни в послушании и искали людей,

которые способны были бы доставить удовлетворительное духовное руководство. Конечно же, чем ревностней был ученик, тем большие духовные запросы имел и тем более высокого учителя себе искал. Может быть, в начале своего духовного пути не все эти преподобные руководствовались святыми мужами, но святитель Игнатий и не говорит, что только святой человек имеет право руководить и что не достигших святости людей не надо слушаться — к сожалению, на этой словесной спекуляции и построена вся работа о. Доримедонта. В действительности же, святитель утверждает, что если наставник достаточен, но все же не свят, его нужно слушаться «с умом», с рассуждением.

Мы уже говорили, что, конечно, не все наставники были духоносными. Человек имел благословение руководствовать других и руководствовал более или менее успешно. Но в равной ли мере, по одинаковым ли принципам слушались людей разной степени духовности? Предвидя заблуждения относительно этого, святитель Игнатий пишет:

«Напрасно будут указывать нам на прп. Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства (Патерик Алфавитный и Достопамятные сказания), или на прп. Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал бесчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб (Лествица. Сл.4, гл. 3). Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных отцов,

также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти случаи — вне общего порядка и правила. “Образ действия промысла Божия,— сказал святой Исаак Сирский,— вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка” (Сл. 1). Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола. *Не приняли любви истины,— говорит он о произвольно погибающих,— для своего спасения. И за сие пошлет (попустит) им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Фес. 2, 10–12)».*

Мы читаем в патериках и житиях, что ученики старцев ходили с вопросами к другим подвижникам. Духовный руководитель, вне всякого сомнения, должен быть один. Следовательно, были какие-то вопросы, относительно которых ученики считали необходимым спросить мнение еще кого-либо, и их старцы не возбраняли этого делать. Мало того: мы уже приводили цитату из преподобного Варсонофия Великого о том, что даже если твой старец не отпускает тебя посоветоваться с кем-то еще по своей душевной немощи, то тогда все равно пойдти и спроси, потому что найти истину важнее, чем оказать послушание в данном случае, хотя и не должно при этом осуждать

* Т. V. М., 1998. С. 73.

своего старца. То есть еще в те времена Святыми Отцами предлагается решение некоторых духовных вопросов, вполне сходное с современным.

Из совета прп. Иоанна Лествичника об испытании руководителя прежде предания себя в послушание следует, что и в древности необходимо было разбираться, к кому ты идешь. Очевидно, что более высокодуховный человек может дать больше и к нему мы будем иметь больше веры, чем к наставнику, который по воле Божией руководствует учеников, но тем не менее имеет некоторые немощи. Если внимательно почитать патерики, мы увидим примеры того, что отношения послушников с такими старцами строились несколько по иным принципам, чем с высокодуховными руководителями.

Когда Святые Отцы заповедовали слушаться во всем, не только в добром, но и в «мнимо худом»*, это относилось к духоносным старцам, которые не могут заповедать «действительно худого», которые способны «благочестиво умертвить душу (т.е. страстную волю)» послушника**. Те же старцы, которые в древние времена не могли бы считаться духоносными, по меркам нашего времени весьма высоки. По всей видимости, таких тогда было немало, просто канонизировали лучших из лучших. Те подвижники, которых не сочли нужным прославить в лике святых во времена прпп. Антония и Пахомия Великих, в наше время были бы, наверное, не меньше оптинских преподобных отцов.

* Лествица. Сл. 4, гл. 3.

** Там же.

Глава 6

ИМЕЛ ЛИ ПРАВО СВТ. ИГНАТИЙ НА НЕСОГЛАСИЕ С ОПТИНСКИМИ ОТЦАМИ?

— Однако о. Доримедонт приходит к окончательно запутывающему читателя выводу, что свт. Игнатий «под выражением “духоносный наставник” имел в виду наставника, опытного в прохождении душевного подвига. Из этого следует, что святитель не признавал в современных ему наставников иночества опытных духовных руководителей...» (С. 16–17). Разве свт. Игнатий говорит что-нибудь подобное?

— Святитель Игнатий говорит лишь, что нет таких искусных духовных руководителей, рассудительнейших отцов такой высоты, какие были в

древности. Если же нет никаких руководителей вообще, то невозможно становится исполнить обет послушания. В таком случае монашество невозможно и монастыри надо закрыть.

Святитель никогда не говорил того, что приписывает ему о. Доримедонт в следующем, например, отрывке: «Святитель Игнатий был хорошо знаком с учениками преподобного Льва, преподобным Макарием. Тем не менее из писем святителя видно, что ни в одном из современных ему оптинских старцев он не видел не только духовного, но даже и душевного делателя. Оптинских старцев и их учеников святитель характеризовал как знакомых лишь с деятельным или телесным подвигом и даже уподоблял их “сосцам сухим и ложеснам бесплодным”» (С. 17).

Приведем дословную цитату из писем святителя:

«Отец Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называя его причиной прелести, и преподавал одно телесное исполнение заповедей. Святой Исаак Сирский говорит, что телесное делание без душевного — “сосцы сухи и ложесна бесплодны”: это видно на воспитанниках Оптиной пустыни. Но о. Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целью угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении».*

Очевидно, что здесь под «умным деланием» святитель понимает высшие степени исихазма, а не душевный подвиг вообще. Не мог свт. Игна-

* Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 49. С. 114.

тий одновременно признавать старца Макария телесным делателем и «лучшим наставником монашества»! Выражение «сосцы сухи и ложесна бесплодны» святитель относит к воспитанникам Оптиной, а отнюдь не к старцам, которые ответственны за духовное преуспеяние учеников настолько, насколько ученики им послушны (прп. Иоанн Лествичник).

Есть и другие, благоговейные и теплые отзывы святителя Игнатия о прп. Макарии Оптинском, в которых раскрываются глубоко духовные взаимоотношения двух старцев, великих столпов иночества своей эпохи:

«Спасет Бог о. Макария! Им живут и дышат братия и посетители!» (Письмо № 37. С. 100; здесь и далее приводится по вышеуказанному изданию).

«В таком убеждении я захотел собственными очами соглядать Оптину пустыню, которая в настоящее время есть, бесспорно, лучший монастырь в России в нравственном отношении, особливо скит ее... В нем живет много дворян, занимающихся духовной литературой, но тамошнее сокровище — духовник или старец их (т.е. прп. Макарий — *ред.*), в руках которого нравственное руководство скитской братии и большей части братий монастырских, т.е. всех благонамеренных и преуспевающих в добродетели» (Письмо № 452. С. 691).

«По человеческому суждению, общество скита Оптинского и духовник — о. Макарий — лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России» (Письмо № 454. С. 684).

«Нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденные, образование себя чтением отеческих книг, повиновением искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершенствовал его в этом служении» (Письмо № 500. С. 729).

Благоговейное, в высшей степени уважительное отношение свт. Игнатия к прп. Макарию из этих писем очевидно. Не надо забывать, что вообще письма духовных авторов пишутся частным лицам, и в одном случае нужда может требовать выяснить одну сторону дела, а в другом — другую. Со временем святитель имел право свои взгляды менять. Кроме того, при жизни свт. Игнатий был даже против публикации своих писем, в частности, может быть, и потому, что некоторые его нелицеприятные отзывы могли быть неверно поняты и истолкованы, могли кого-то соблазнить. Сам прп. Макарий, по всей очевидности, с любовью и уважением относился к святителю Игнатию:

«В Оптиной 7 сентября скончался иеросх. Макарий (Иванов), знаменитый старец: он постоянно переписывался со мною с того времени, как я на Кавказе» (Письмо № 583. С. 794).

«О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить неко-

му. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями Отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет ...В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной пустыни о. Леонидом и о. Макарием, почти всюду оставлено».*

Тонкая характеристика, данная святителем монашеству его времени, не приводит в отчаяние, не заставляет опустить руки в духовном делании. Слова святителя — *глас вопиющего в пустыне*, призыв к покаянию тех, кто может еще хоть что-то изменить, прежде — в себе самом, а потом, если будет призван на то Богом, и вокруг себя. Слышащий такие откровения инок, внутренней силой, содержащейся в них, тотчас побуждается к покаянию, исправлению своей жизни, молитвенным воздыханиям.

И *глас* услышан! Слово святителя возводит на небеса чреды монашествующих. Более полутора веков миновало с той поры, как слово произнесено, но русское монашество живо и по сей день. Пускай оно слабо, немощно, скудно духовными дарованиями. Не имеет благодатного руководства в лице старцев. Лучшие представители его, по понятиям древних Отцов, находятся всего лишь в мере благочестивых мирян. Однако именно русское иночество XX века воспитало в своих обителях бесчисленное множество исповедников и мучеников — этот благодатный плод на древе Рус-

* Письмо № 50, игумену Антонию Черемеиному (Бочкову). С. 116.

ской Церкви. Большинство из них, не имея духовных руководителей, проводило свою духовную жизнь по учению свт. Игнатия Кавказского.

Но вернемся к разбору доводов иеромонаха Доримедонта.

Святитель Игнатий называл руководство преподобного старца Оптинского Макария душевным, «основанным на понимании Святых Отцов душевным разумом», однако он не отвергал этого руководства, не считал его ложным. Святитель, с глубоким уважением относившийся к преподобному Макарию, указывает лишь на то, что есть разница между духовным водительством таких столпов Церкви, как, скажем, преподобные Пахомий и Антоний Великие, Феодор и Савва Освященные, Феодосий Великий, Иоанн Лествичник, Феодор Студит и другие, — и современных святителю подвижников, даже таких известных, как Оптинские старцы. Это другие люди в других условиях, это разные степени и меры духовности, разный подход, разные формы духовного руководства.

Действительно, в аскетических взглядах свт. Игнатия и Оптинских старцев есть некоторые небольшие расхождения. Думаю, что святитель имел на это право, хотя Оптинские старцы тоже святы. Тем не менее они не находились в мере древних Отцов. Для свт. Игнатия, согласно его пониманию духовной жизни, как духовные руководители они были хотя и авторитетны, но недостаточны.

Хотя о. Д. пишет: «Жития оптинских старцев, все последующее развитие Оптиной, признание Церковью высоты духовного подвига как

старцев, упомянутых выше, так и их учеников, свидетельствует о том, что оценка святителем Игнатием оптинского предания была неверной» (С. 17),— эта оценка была очень даже верной! Как мы уже говорили, взаимоотношения святых людей — тайна. Святитель Игнатий и Оптинские старцы имели право на свои собственные суждения, в некоторых вопросах не соглашаясь друг с другом. Время покажет, кто был прав. Я не имею права судить о них, но святой человек такое право имеет. Святитель Игнатий, стяжав все добродетели, будучи сосудом Духа Святаго и делателем высочайшей меры, настоящим исихастом, что видно из его творений, имел полное право судить о духовности и характеризовать известных ему подвижников, в том числе Оптинских старцев.

Можно, конечно, допускать, что святитель их недооценивал и недопонимал, но я смею утверждать, что это не так. Он очень хорошо знал Оптину, жил там, общался и со старцами, и с учениками, поддерживал переписку с ними; много сделал для Оптиной, будучи уже архимандритом Сергиевой пустыни; внимательно относился к ее нуждам, став епископом. Ему присылали из Оптиной подготовленные к изданию книги, чтобы он ходатайствовал перед Синодом и добился возможности их напечатать. Святитель Игнатий помогал Оптиной пустыни разрешать земельные вопросы, находил благотворителей, направлял туда послушников и делал многое другое. Преподобный Макарий писал святителю с большой любовью и считал вполне возможным спрашивать у него совета. Святитель Игнатий очень уважал и прп. Моисея Оптинского, несмотря на то,

что о. Моисей не принял его, когда он хотел на покое поселиться в Оптиной. Одним словом, святитель Игнатий был теснейшим образом связан с Оптиной. С полным правом его можно назвать одним из почитателей и даже благодетелей этого монастыря, знавших духовную обстановку в нем не понаслышке. А вот кто дал о. Д. право судить о людях такой духовной высоты, как свт. Игнатий, — это вопрос.

Святитель Игнатий искал подвижников, которые более оптинских преуспели бы в умном делании. Вот что он сам пишет об этом: «Вы правду говорите, что я в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня; но это можно еще приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться, был монах Никандр, просфирник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году. Он достиг высшего преуспения в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у человеков. Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось; осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души. Наступила весна: не замедлят наступить лето и жатва»*. Нельзя не обратить внимания на пророческий характер последних слов!

* Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СП—б., 1995. Письмо № 50. С. 116—117.

Упомянутый выше иеросхимонах Александр Гефсиманский после кончины прп. Льва Оптинского тоже не нашел себе в Оптиной удовлетворительного наставника, хотя хорошо знал прп. Амвросия Оптинского и других отцов: «Отец Александр весьма скорбел, что лишился доброго и мудрого своего наставника. Эта потеря была для него невосполнима. И впоследствии он нередко говорил своим ученикам, что ему было некому открывать помыслы, хотя и чувствовалась в этом потребность»*. Вот еще один пример того, что для подвижника высокой жизни не нашлось удовлетворительного руководителя даже среди святых Оптинских старцев, что говорит, конечно, не о презорстве и непослушании этого подвижника, а о том, что чем более духовен человек, тем сложнее ему найти еще более духовного наставника! Вот еще одно подтверждение того, что если даже где-то имеется святой руководитель, это еще не значит, что есть воля Божия общаться с ним.

Существенное расхождение во взглядах святителя Игнатия и Оптинских старцев касается значения телесного подвига. Из писем старцев следует, что телесному подвигу придавалось ими большое, едва ли не решающее значение. Вот несколько характерных отрывков: «Хотя свободно рассуждающие и думают, что мало различия, пить ли чай или настой мяты, а на самом деле это имеет немалое значение. Всякое лишение и всякое понуждение ценится пред Богом, по сказанному

* Жизнь и подвиги иеросхим. Александра Гефсиманского. [Составитель прп. Герман Зосимовский (Гомзин)] М., 1994. С. 10–11.

в Евангелии: *царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11; 12)» (прп. Амвросий). «Пишете, что для двух тяжело больных сестер купили по коробке килек, и спрашиваете, как о сем каяться. Так и скажите духовнику, как было дело, т.е. что купили для тяжело больных сестер килек и разрешили в Великий пост покушать» (прп. Иосиф). «Просите своей учительнице разрешение в Великий пост на рыбное.— Разрешать на грех нельзя. Но если она чувствует слабость сил, то может для подкрепления употреблять что-либо и сверх положенного с самоукорением, а после должна покаяться Господу пред духовным отцом и получить от него разрешение по чину Святой Церкви.— Предостерегайте ее, чтобы она умеряла свою ревность, чтобы занималась с детьми с частыми передышками...» (прп. Иосиф). «Спрашиваешь, если доктор и мать Игуменя будут принуждать есть рыбу в Великий пост, как тебе быть? Если будешь очень изнемогать от постной пищи, то можешь согласиться употреблять и рыбу по болезни, а после в этом должно приносить покаяние. Впрочем, смотри и на свою совесть, насколько она может вместить это разрешение» (прп. Амвросий).*

Строгий пост, воздержание от сна, тяжелые физические труды и прочие утеснения плоти признавались Оптинскими подвижниками равными прочим добродетелям, т. е. получали значение едва ли не самоцели. Тогда как свт. Игнатий считал подобные делания только средством к

* Чит. по: Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев. Т. II. Оптина пустынь, 2000. С. 116–121.

стяжанию других, более высоких добродетелей — средством эффективным, желательным, но необязательным при невозможности совершать их, например, при слабом здоровье.

По тем временам некоторое увлечение телесным деланием было допустимо, т.к. в XIX веке большинство жителей России были несравнимо крепче физически по сравнению с нашими современниками. Поэтому тогда еще были исполнимы наставления прп. Амвросия Оптинского сестрам одного южно-русского монастыря вкушать молочную пищу лишь по двенадцатым праздникам, в остальные дни довольствоваться пищей постной, по субботам и воскресеньям — с елеем, несмотря на то, что Типикон не требует такой строгости. Это было исполнимо, по крайней мере, для большинства монашествующих, которые в основном происходили из крестьянского сословия. Но как проходить монашеское делание людям больным, было непонятно.

Преподобный Лев Оптинский, который был старше святителя Игнатия на сорок лет, начинал подвизаться, можно сказать, в другую эпоху. В юности он обладал огромной физической силой: поднимал до двенадцати пудов, а однажды голыми руками задушил напавшего на него волка. Святитель же Игнатий с юности имел подорванное здоровье, что определенным образом сказалось на его устройении: «...Для многих монахов, славных своей аскетической жизнью, например, для оптинских, мое настроение остается очень неясным: ибо их настроение образовалось от деятельной жизни телесной, столько видной для мира и прославляемой им, а мое — от вынужден-

ного болезнями и другими обстоятельствами затвора и сопряженного с ним душевного делания и подвига, не видного и непонятного для мира. Это-то настроение и проявляется повсюду в моих сочинениях, как они ни недостаточны, и делает их своеобразными. Они по характеру подходят к писаниям древних аскетов».*

Для святителя Игнатия, по состоянию его здоровья, был невозможен телесный подвиг, обычный для большинства иноков того времени. Поэтому его аскетическое учение оказалось более жизненным для тех его современников, которые не обладали крепким, здоровым телом, и тем более для выросших в пыльных мегаполисах иноков конца XX— начала XXI века, среди которых здоровых людей практически нет. Таким образом, аскетическое учение святителя, единственно применимое в наши времена, явилось, по сути, пророческим, тогда как аскетическими наставлениями Оптинских старцев относительно поста и других телесных деланий ныне пользоваться невозможно. Улучшения физической крепости не предвидится — ожидается только ухудшение. Согласно Священному Писанию (см. 3 Ездр. 5; 48–55), последующие поколения будут еще более слабыми.

«Преподобный Макарий советовал заниматься Иисусовой молитвой вслух, не выделял ее из ряда других монашеских деланий. Но, разумеется, никогда ни преподобный Макарий, ни другие Оптинские старцы умного делания не отвер-

* Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 601. С. 807.

гали. Учитывая общее упадочное состояние эпохи (так оно, о. Доримедонт, все-таки было «упадочным»? — *ред.*), Оптинские старцы в своем духовном руководстве были чрезвычайно осторожны, высоких учений всем и сразу не преподавали» (С. 18).

Судя по всему, высокого учения об этом предмете Оптинские старцы не преподавали никому. Дошедшие до нас письма показывают, что ими преподавалась весьма невысокая степень делания молитвы Иисусовой. Хотя это вовсе не значит, что сами они не достигли высоких степеней. Возможно, такие советы давались устно или до нас дошли не все письма. Но воспоминаний учеников или каких-либо других письменных источников, в которых Оптинскими старцами говорилось бы о высоких степенях делания Иисусовой молитвы, мы не имеем, за исключением отдельных наставлений преподобного Варсонофия Оптинского. Возможно, это произошло потому, что большинство духовных детей и посетителей старцев были мирянами или насельницами женских монастырей. Как известно, мирянам, за редким исключением, Святые Отцы запрящают преподавать высокие учения и тонкие аскетические делания, как несвойственные их образу жизни.

Преподобные старцы Оптинские учили смирению и другим добродетелям, в том числе, молитвенному деланию. Но относительно молитвы чаще всего предлагали следующий совет: начни, а дальше сама молитва научит тому, что нужно делать. Оптинские старцы учили непрестанной молитве, заповедуя творить ее вслух во избежа-

ние прелести, т.е. преподавали, главным образом, молитву гласную. Их наставлениями ученик прекрасно готовится к молитвенному деланию, ему преподается основа молитвенной и монашеской жизни: смирение, послушание, самоукорение, покаяние — об этом, действительно, говорится много. Но тот, кто захочет идти дальше и будет искать в наставлениях Оптинских отцов ответы на аскетические вопросы об умном делании, будет искать глубины и тонкости в объяснении делания молитвы Иисусовой, какие имеются у святителя Игнатия,— не найдет их. Если желающий потрудиться в умном делании будет следовать только наставлениям Оптинских старцев, не ознакомившись с учением святителя Игнатия, он очень рискует впасть в прелесть. Их учение о молитве основано на телесном подвиге.

В творениях же святителя Игнатия имеются ответы на серьезные, глубокие вопросы об умном делании. Его книги составлены таким образом, что даже при невозможности иметь духовное руководство позволяют заняться молитвенным трудом. Причем учение о молитве изложено в стройной и строгой последовательности: от начальных степеней к совершенству. Юных он предостерегает от преждевременных занятий высокими деланиями, устанавливая порядок и степени прохождения молитвенного подвига, указывая писания Отцов, которыми необходимо при этом руководствоваться. Подвижник, достигший более высоких степеней молитвы, доходящих до созерцания, также почерпнет в писаниях святителя Игнатия много назидательного для себя.

Для современного делателя молитвы эти книги незаменимы, что засвидетельствовано всеми без исключения выдающимися подвижниками Русской Церкви XX века.

— *А вот отец Д. утверждает, что современники единодушно отвергали учение святителя: «В эпоху святителя Игнатия “богословие непослушания” было немыслимо. Ведь в те времена в русском монашестве опыт послушания старцу жил и плодоносил. Именно поэтому русские подвижники XIX — начала XX веков, не разделяя частное мнение современного Святого Отца (мнение святителя Игнатия о послушании не подтверждает ни один из современных ему аскетических писателей), не пытались с ним полемизировать» (С. 6).*

— Очень оригинально автор объясняет, почему современники не полемизировали со святителем Игнатием! Они не полемизировали потому, что были с ним согласны. Было бы странно, если бы прежде уважаемого о. Д. ни при жизни, ни за сто пятьдесят лет после кончины свт. Игнатия никто из святых не позаботился о том, чтобы остановить «великий вред, происходящий от искаженного понимания основной добродетели монашеского подвига» (С. 7), — как изволит выражаться об учении святителя о. Д.

Действительно: ни один из современников в полемику с ним не вступил, по той причине, что возразить было нечего. Справедливости ради необходимо отметить, что Оптинские старцы, предлагая вступающим в скит послушникам для чтения в числе других Отцов и книги святителя Игнатия, не благословляли читать двенадцатую и

тринадцатую главы V тома, где излагается учение о послушании с рассуждением. Этот запрет относился к новоначальным послушникам, и это вполне понятно, потому что в Оптиной-то старцы были, и послушники, в большинстве своем происходящие из простонародья, действительно могли неверно понять учение святителя и отвергнуть столь полезное для них руководство Оптинских отцов.

Сам по себе указанный факт еще не говорит, что Оптинские старцы не были согласны со взглядами святителя на духовное руководство их времени. В целом книги святителя Игнатия в Оптиной всегда читали; они находились в монастырской библиотеке, были доступны всем. Их никто не возбранял читать, никто не подвергал сомнению аскетическое учение святителя. Иеромонах Доримедонт (Сухинин) первым дерзнул открыто похулить учение великого Святого Отца Русской Церкви, аскетического писателя такого масштаба, каким является святитель Игнатий, еп. Кавказский.

Своей работой о. Доримедонт не только снижает значение святителя Игнатия, но противоречит и преподобным старцам Оптинским, к которым пытается апеллировать, как это можно было видеть из приведенного выше отзыва **прп. Варсонофия** и из взаимоотношений свт. Игнатия с **прп. Макарием**. А **преподобноисповедник Никон** (Беляев, †1931), находясь в тюрьме, попросил передать ему туда пятый том творений святителя — то самое оспариваемое о. Доримедонтом «Приношение современному монашеству» — и составил свои заметки и примечания к нему.

Преподобноисповедник Никон, последний из Оптинских старцев, глубоко почитал святителя Игнатия, постоянно цитировал его творения (в частности, в своих дневниках), неоднократно говорил об их уникальном значении:

«Сейчас я прочел у еп. Игнатия (Брянчанинова) о кончине мира. Когда я читаю его сочинения, то удивляюсь его поистине ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Св. Писания. Его сочинения как-то особенно располагают мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом ...Те места из Св. Писания, которые мною или вовсе не понимались, или понимались превратно, о смысле и отношении которых к жизни я имел весьма туманное представление, сейчас становятся для меня очень понятными и ясными».*

«Хотя сочинения Преосвященнейшего епископа Игнатия Брянчанинова преимущественно имеют в виду монашескую жизнь, но их можно рекомендовать и всякому христианину (монаху и мирянину), желающему изучить требования и основы христианской жизни и нравственности в строгом святоотеческом освещении и Православии, изучить не для простого любопытства, а для того, чтобы по ним строить свою жизнь с целью вечного спасения души. Конечно, если есть возможность читать другие книги (святоотеческие и другие, с ними согласные), то никак не следует ограничиваться одними ими. Но и при чтении других книг сочинения епис-

* Преподобноисповедник Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. С–Пб., 1994. С. 69.

копа Игнатия могут служить прекрасным руководством. Читая и перечитывая их, каждый раз можно найти в них назидание, вразумление и подкрепление себе. Местами статьи его весьма содержательны: одна мысль важнее и глубже другой. Поэтому читать их следует не спеша, вникая в каждую строку, в каждую мысль, стараясь не только понять написанное, но и запомнить, заучить».*

Эта любовь к творениям святителя была привита о. Никону не кем иным, как его духовным отцом — преподобным Оптинским старцем Варсонофием. Таким образом, в лице преподобноисповедника Никона как бы соединились две духовные традиции: святителя Игнатия и оптинская, которые в результате явили в лице преподобного Никона высочайший плод мученичества.

Открыв составленные преподобноисповедником Никоном «Заметки и примечания к тому V сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова)»**, мы нашли исчерпывающее объяснение отношения Оптинских отцов к учению святителя Игнатия. Эти заметки были составлены о. Никоном на его Голгофе — в Калужской тюрьме перед отправкой в ссылку, где он вскоре погиб. Монахиня Амвросия (Оберучева), через которую «Приношение современному монашеству» с пометками о. Никона было передано на волю, восприняла эти заметки как духовное завещание последнего Оптинского старца его духовным де-

* Преподобный Никон Оптинский. Жизнеописание и духовные наставления. М., 1998. С. 523.

** Там же. С. 523—605.

тям*. На двенадцатую и тринадцатую главы «Приношения современному монашеству» преподабноисповедник Никон дал самое пространное примечание, уже тогда предупредив и полностью опровергнув будущие нападки отца Доримедонта:

«Примечание к гл. 12: “О жительстве в послушании у старца”:

Некоторые соблазняются содержанием 12-й и (следующей) 13-й глав, видя в них учение как бы против старчества. А некоторые вообще настроены и предубеждены против сочинений епископа Игнатия. Между прочим, и в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия были у некоторых старцев не в благоволении. Причина этому такова.

Епископ Игнатий писал вообще для монашества российского, вообще для всех монастырей и монахов, и писал как раз тогда, когда в Оптиной пустыни были великие старцы, был, так сказать, расцвет монашества, чего в огромном большинстве монастырей не было. Оптина пустынь была в особом, исключительном положении. При наличии духовного богатства в Оптиной пустыни сочинения епископа Игнатия не могли для ее насельников иметь того особого, важного значения, которое они имели для других монастырей и даже мирян, ищущих спасения души. Неопытному, новопоступившему послушнику Оптиной пустыни они (собственно, две эти статьи) могли даже и повредить, зародив в нем мысль недоверия к старцам, и отвлечь его от про-

* Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 289.

стосердечного им послушания во вред своему иноческому преуспеянию. Предохраняя некоторых своих духовных детей от возможности такого явления, старцы и не советовали им читать вообще сочинений епископа Игнатия, доставляя им понимание иночества с духовной стороны своим руководством и подбором другого, преимущественно святоотеческого, чтения.

Но для тех, кто постоянно старца не имел (а это было в большинстве монастырей), сочинения епископа Игнатия были и суть драгоценны. Они были драгоценны и для иноков Оптиной пустыни, которые пользовались ими для иноческого своего назидания. Они им не мешали быть в послушании у своих старцев, причем даже сами старцы указывали на них, как на прекрасное руководство к пониманию истинного иноческого подвига. Читающий сочинения епископа Игнатия внимательно и без предубеждения ясно увидит, что они и не идут против старчества, а указывают лишь на то, что ныне весьма трудно и что не зависимо даже от того, каков старец*...— самое житие под руководством у старца стало ныне редкостью и по многим причинам весьма затруднительным, или, как выражается епископ Игнатий, “не дано нашему времени — возможно лишь усвоение духа его”.

Следовательно, неблагоприятное отношение некоторых старцев Оптиной пустыни к сочинениям епископа Игнатия надо считать относительным и временным, ибо сочинения его вполне православны, проникнуты духом Еванге-

* Так в цитируемом источнике.

лия и учения Свв. Отцов. Они достойны всякого внимания и уважения. Читая означенные выше главы, надо помнить, что епископ Игнатий, предостерегая в них от безрассудного послушания старцам, имеет в виду послушание нравственное, совершаемое в душе с целью нравственного, духовного воспитания себя, своего ума и сердца, а не послушание внешнее, потребное и необходимое во всяком общежитии иноческом, и даже вообще при всяких взаимоотношениях людей, исключая из этого лишь тот случай, когда приказывается или советуется что-либо явно греховное. Это епископ Игнатий и говорил в конце 76-й и в начале 77-й страницы и на 80-й странице, в примечании третьем*. Следовательно, здесь не дается никакого повода к презорству, самочинию и самосмышлению, как это может показаться при беглом и невнимательном чтении.

А что нравственно, душою своею и сердцем, предаться в полное послушание кому-либо возможно лишь при условии уверенности в истинности преподаваемого учения, постоянно подтверждаемого и личную добродетельною жизнью учащего, согласно с духом св. Евангелия и Свв. Отцов Церкви Православной,— не приходится спорить. Вообще же о благодетельности старческого руководства епископ Игнатий ясно говорит во многих местах своих сочинений (например, в сем V томе см. стр.: 8, пар. 3; 63, конец; 102, 149 и 150; 338 и 339; 450). Вся суть в том, что всякий инок

* Издание, которым пользовался преписп. Никон, соответствует современному репринтному изданию Сретенского монастыря — Творения святителя Игнатия. Т.V, М., 1998.

должен сам поступить в подвиг с самоотвержением и сам себя должен понуждать с болезнью сердца на борьбу со страстями. Если же он не будет так подвизаться, то никакие старцы ему не помогут. Сказал один угодник Божий: “Старец об нем (ученике) молится, плачет, а тот скачет”. Какая польза? Личный подвиг и личное понуждение себя необходимы. Епископ Феофан, Вышенский Затворник, говорит о руководителе (старце), что он подобен пограничному столбу, на котором написано и указано, куда и как идти, а уж идти-то нужно самому, иначе так и простоит у столба, ничего не достигнув. Очень верно и точно сказано.

Не лишним будет заметить, что содержание вышеозначенных глав 12-й и 13-й относится и к ищущим руководства (ученикам), и к руководителям (старцам). Пусть каждый берет себе в назидание то, что его касается: послушник — как следует учиться и слушаться, а руководитель — как учить. Будет польза и тому, и другому.

Некоторым не нравится самая форма изложения сочинений епископа Игнатия,— но это, говоря попросту, есть дело вкуса и характера человека, и, во всяком случае, это нельзя отнести к существенным недостаткам.

Наконец, можно добавить следующее. Некоторые свое нежелание вообще слушаться (ибо слушаться — значит отказываться от своей воли, а это болезненно для сердца) прикрывают оправданием себя, что, мол, нет старцев и, следовательно, некого слушаться,— и потому вообще не принимают никаких советов. Это есть уже отвержение духа послушания, про необходимость стя-

жания которого говорит епископ Игнатий (стр. 75 и 76). Это уже заблуждение, от которого да хранит всех Господь. Это, можно сказать словами преподобного аввы Дорофея, есть причина всех нравственных падений вообще. К такому лукавому отношению к делу послушания сочинения епископа Игнатия не дают ни малейшего повода. Такое отношение доказывает не недостаток сочинений, а злую волю человека, для которой даже подлинное слово Божие может являться *запахом смертносым на смерть* (2 Кор. 2, 16), как сказал св. апостол Павел.

В заключение остается лишь пожелать, чтобы сочинения епископа Игнатия были внимательно читаемы и приносили благий плод».

Преподобноисповедник Никон написал это примечание как будто в ответ на брошюру о. Д. Слова истины, изреченные лицом, действительно проходившим послушание в духе древних, имевшим теснейшее и постоянное общение со старцем высоко духовной жизни, просты и безыскусственны. Если бы о. Доримедонт деятельно проходил подвиг послушания, сама жизнь непременно открыла бы ему то, что так очевидно и просто для преписп. Никона. По прочтении заметок исповедника, становится ясно, что спорящим со свт. Игнатием не хватает не только практической деятельности по заповедям Св. Отцов, но и чисто теоретического, книжного знания их творений. Это знание не могут заменить вымученные, натянутые выводы из нескольких наспех выдернутых из «Добротолюбия» цитат. И прежде чем противопоставлять учение святителя

учению Оптинских старцев, следовало бы подробнее ознакомиться с последним.

«Русские послушники той эпохи оказывали послушание своим старцам, получали в этом подвиге благодать Духа Святого и становились на место своих преподобных отцов. Так жило и плодоносило русское монашество и во времена святителя Игнатия, и после него. Само живое тогда монашеское предание убедительно опровергало мнение святителя» (С. 6).

Какое же живое монашеское предание? Если бы дело обстояло так, как пишет о. Д., мы имели бы целые сонмы преподобных отцов той эпохи, но их, к сожалению, единицы. Кроме прп. Серафима Саровского, Оптинских и Глинских старцев, почти никого нет. Мы не слышали также об их многочисленных святых учениках. XX век явил беспрецедентный подвиг многотысячного сонма святых Новомучеников и Исповедников Российских, но очень немногие, единицы из них, проходили подвиг послушания в тех формах, которые о. Доримедонт считает единственно возможными. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с много томником игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» — одним из самых значительных явлений русской духовной литературы последнего времени.

Глава 7

СВИДЕТЕЛЬСТВА СВЯТЫХ И ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ О ТВОРЕНИЯХ СВТ. ИГНАТИЯ

Все сколько-нибудь заметные русские подвижники благочестия последних двух веков, вопреки клевете о. Д., ставили творения свт. Игнатия (Брянчанинова) на совершенно особое место. Вот лишь несколько свидетельств этому*:

С большой любовью относился к святителю Игнатию **святитель Киевский Филарет** (Амфитеатров, 1779–1857), ныне причисленный к лику Сибирских святых, претерпевший в жизни нема-

* Обширная библиография по этому вопросу содержится в приложении к IV тому творений святителя: изд. «Паломник», М., 2002. С. 720–758.

ло неправедных гонений и, может быть, поэтому так глубоко понимавший свт. Игнатия. Об этом говорят и его письма.*

Жизнеописание святителя свидетельствует также о уважении и глубоком благожелании к нему известного подвижника, содействовавшего возрождению Оптиной пустыни, **митр. Новгородского и Санкт-Петербургского Григория** (Постникова, 1784—1860) и **архиеп. Орловского Смарагда** (Крыжановского, 1796—1863). Митрополит Григорий, в частности, настоял на возведении архим. Игнатия в сан епископа.

Причисленный недавно к лику святых возобновитель Николо-Угрешской обители **преподобный Пимен Угрешский** (Мясников, 1810—1880) свидетельствовал, что встал на монашеский путь в значительной степени благодаря влиянию Брянчанинова, тогда еще послушника**. Когда наместник Николо-Угрешской обители игумен Илларий, келейником которого был инок Петр — будущий архим. Пимен, претерпевал скорби и гонения, архим. Игнатий (Брянчанинов) утешает его в письме и вместе с о. Петром приглашает в Сергиеву пустынь***. В Николо-Угрешской обители до сего времени особенно чтится святитель Игнатий.

* См. Полное жизнеописание свт. Игнатия Ставропольского. М., 2002. С. 204—205. 13 писем митр. Филарета к свт. Игнатию были опубликованы в «Богословском Вестнике» за март 1913 г. С. 405—417.

** См. Отец современного иночества. М., 2001. С. 33; Воспоминания архимандрита Пимена. М., 1877; Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря. Биографический очерк. Угрешский монастырь. 1998. С. 15.

*** Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 17. С. 68—69.

«Саровская пустыня приняла “Опыты” с особенной любовью»,— пишет святитель. «Из письма М. Д. увидишь, как приняты “Аскетические опыты” в Саровской пустыне и какое там дается значение им. Это показывает всю важность, которую должны иметь 3 и 4 томы. Четвертый (в последующих изданиях — пятый — *ред.*) том изображает монашескую жизнь с определенностью, а первые три тома служат как бы отгушевкой рисунка. Тут действует Перст Божий, благодетельствующий всем участвующим и в издании, и в чтении “Опытов”».*

«Сведения, получаемые мною о том, как принимаются “Опыты” личностями, истинно ищущими спасения, очень утешают меня. “Аскетическая Проповедь” и “Советы” пополняют назидательное чтение, дающее читателям решительно православное направление. Делается ясным, что эти книги распространяются и водворяются между упомянутыми личностями. Из **Бежецка** (т.е. из Бежецкого женского монастыря — *ред.*) пишут: “«Опыты» приняты с великой любовью, эта книга заменяет «Добротолюбие» для нас, будучи гораздо понятнее, чем «Добротолюбие», и содержит все, о чем говорится в «Добротолюбии»...» (Письмо 558. С. 778).

Игуменья Арсения Усть-Медведицкая (Себрякова, 1833—1905), не знавшая святителя при жизни, в его творениях увидела то же учение, что и у ее наставницы — благодатной старицы схим. Ардалионы, и вступила в духовное общение с учениками и сподвижниками святителя:

* Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письма № 564—565. С. 781—782.

«Вы спрашиваете, знали ли друг друга схимница Ардалиона и еп. Игнатий. Нет, не знали и даже никогда не слышали о существовании друг друга. Я тоже не знала Владыку. И в мои руки попало его сочинение только в 1867 году. Оно было издано в 1865 году. А матушка скончалась в 1864 году. Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня уже сложились духовные понятия и у меня уже были духовные ученики. Они тоже, читая еп. Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признали и ученики еп. Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году. У меня тогда был только первый том... Но я вам должна сказать, что от одного чтения нельзя усвоить духовных понятий, а нужно жить по слову»*. «На днях я получила от А. Б. пятый том; как хорошо Вы сделали, что приложили хоть к этому портрет Владыки епископа Игнатия ...В настоящее время я читаю этот том, и как изречения Святых Отцов, так и взгляд на святое лицо Владыки действуют на меня необыкновенно хорошо».**

Преосвященный Леонид (Краснопевков), **еп. Дмитровский** (см. его воспоминания в книге в книге «Отец современного иночества». М., 1997), глубоко почитавший святителя и часто прибегавший к его духовным советам, писал: «Потеря, Вами (братом святителя) понесенная, долж-

* Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого монастыря Области войска Донского. М., 1913. Из писем к В.И.П. С. 100–101.

** Там же. Из писем Петру Александровичу Брянчанинову. С. 11.

на бы признана быть потерей всецерковною ... Я уповаю, что православные русские люди мало-по-малу усвоят себе покойного святителя. В его жизни и писаниях они постараются найти и найдут, что может быть общедушеспасительно».*

Архимандрит Игнатий (Малышев), бывший келейник святителя Игнатия, пишет о его творениях: «Вы отверзли небо, потекли воды, и жаждущие люди напоились, Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях и от избытка чувств и душевной благодарности ничего более сказать не могу. Тот лучше знает, что даст бедной душе,— кто благородно созерцается, уделяет от этой трапезы неимущему. Ваша книга — книга жизни и учение воды живой, напоющей души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во время пророка»**.

Святая Новомученица Царица Александра (†1918) в заточении в Тобольске и Екатеринбурге читала книгу «О терпении скорбей. Учение Св. Отцов, собранное еп. Игнатием (Брянчаниновым)» (СП—б., 1893).***

Священномученик Игнатий (Садковский), еп. Скопинский (1887—1938), друг и сподвижник священномучеников Иллариона (Троицкого) и Иувеналия Рязанского, с юности почитал святителя

* Соколов Л. Еп. Игнатий (Брянчанинов). Часть 1. Киев, 1915. С. 331—332.

** Жизнеописание архим. Игнатия (Малышева). СПб, 1899. С. 34.

*** Письма Царственных мучеников из заточения. СПб., 1998. С. 428—434.

Игнатия: «Выбор его монашеского имени был не случаен. Он глубоко изучил духовное наследие и благоговейно почитал память святителя Игнатия (Брянчанинова) ... По окончании в 1911 году Московской Духовной Академии иеродиакон Игнатий (Садковский) на соискание степени кандидата богословия представляет работу “Пресвященный Игнатий (Брянчанинов) и его аскетические воззрения”, которую он успешно защищает. Впоследствии он стал автором еще нескольких статей о жизни и творениях святителя Игнатия»*. Уволившись из Академии в 1918 г., сщмч. Игнатий поступает в Смоленскую Зосимову пустынь и пребывает в послушании у известного старца иеросхим. Алексия (Соловьева), чему, видимо, никак не помешало следование учению святителя Игнатия (Брянчанинова).

Преподобномученик схиархимандрит Игнатий (Лебедев, †1938), постриженник Зосимовой пустыни и ученик ее старцев, в годы гонений несли старческое служение в Московском Высоко-Петровском монастыре и собравший тайную монашескую женскую общину, в основу своего духовного руководства полагал прежде всего творения святителя Игнатия, которого с юности почитал:

«Особой любовью отца нашего, — пишет его духовная дочь мон. Игнатия, — пользовались творения отечественного писателя-подвижника епископа Игнатия (Брянчанинова). Отец Александр (иноческое имя схиарх. Игнатия — *ред.*)

* Были верны до смерти. Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских XX века. Т. 1. Рязань, 2002. С. 72–73.

приобрел все тома его произведений и тщательно изучил каждый том. В этих книгах, больше, чем где-либо, находим отметки, примечания, сравнения страниц, ссылки на те или иные места текста. В писаниях епископа Игнатия о. Александр находил ответ на волнующие его вопросы подвижничества его времени, в епископе-аскете о. Александр узнавал глубоко близкую ему душу, видел много близкого своим взглядам и переживаниям».*

«Пятый том его сочинений “Приношение современному монашеству” батюшка считал основной книгой всякого современного монаха. Как защищал он святителя от разных нападков, как высоко ценил его глубокий поэтический талант духовного писателя! Воля Божия очевидно явилась в том, что батюшка получил его имя при постриге в схиму ...Прежде всего он давал нам авву Дорофея. Дальше батюшка вел нас к “Лестнице”, которую мы изучали очень подробно. Затем мы все читали святителя Игнатия (Брянчанинова), как свою любимую книгу. Батюшка знакомил нас с трудами святителя и очень рекомендовал, именно как руководство в духовной жизни, чтение одного за другим томов творений святителя Игнатия» (С. 78).

Схиархимандрит Игнатий постригал в схиму родного племянника святителя Игнатия. Родственники святителя глубоко почитали его.

Глинские старцы, по свидетельству архимандрита Рафаила (Карелина), который был их учеником, «почитали свт. Игнатия и благословляли

* Здесь и далее цит. по изд.: Монахиня Игнатия (Петровская). Монашество последних времен. М., 1998. С. 39.

своим духовным детям читать его творения, а иногда в письмах приводили обширные извлечения из его творений, так как в то время вопрос о духовной литературе был очень болезненным. Большой частью духовная литература была уничтожена».*

Схиигумен Иоанн Валаамский (Алексеев) (1873–1958) писал:

«Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквоедов. Ах, как справедливо сказал мудрый епископ, и это у него вытекло из своего духовного опыта. Буква совсем другими глазами смотрит на молитвенников. Аминь».**

«Относительно святоотеческих книг и того, как должно их читать, хорошо советует епископ Игнатий. У тебя есть эта книга — “Приношение современному монашеству”. Прочти и пришли мне, у нас в библиотеке ее нет» (С. 124).

«У Святых Отцов я нашел три пророчества о последних иноках, а еп. Игнатий (Брянчанинов) полагает, что мы — последние иноки. “Последние иноки иноческих дел не будут иметь, но постигнут их искушения и напасти, и те иноки, которые претерпят, будут выше нас и Отцов наших”. Конечно, мир этого не может знать, ибо он знает и любит одно только внешнее и показное» (С. 226).

* Архимандрит Рафаил (Карелин). О духовном делании. М., 2004. С. 42.

** Здесь и далее цитируется по изд.: Схиигумен Иоанн (Алексеев). Загляни в свое сердце. Жизнеописание. Письма. СПб–б., 2002. С. 200. Далее номера страниц указаны в скобках.

Игумен Никон (Воробьев, †1963), последний из известных ныне аскетический писатель, четыре года проведенный в сталинских лагерях и всю жизнь терпевший опасные притеснения от властей, в своих глубочайших письмах постоянно цитирует святителя Игнатия и советует читать его книги. «Постоянным его чтением,— вспоминает его жизнеописатель,— были святоотеческие творения, жития святых, проповеди, редко учено-богословские и философские сочинения. Особенно же тщательно и постоянно перечитывал он творения еп. Игнатия (Брянчанинова), которого в качестве духовного отца завещал всем своим духовно близким. Сочинения еп. Игнатия (тогда еще не прославленного в лике святых) батюшка считал лучшим руководством для нашего времени, более необходимым даже, чем Святые Отцы. Ибо Отцы, говорил он, нам уже во многом недоступны, мы их не можем правильно понять, не изучив предварительно творений еп. Игнатия, который фактически переложил Отцов на современный язык с учетом наступившего времени, с учетом новой психологии людей».*

«Отец Никон завещал хранить веру всемерным исполнением заповедей и покаянием, всячески держаться еп. Игнатия (Брянчанинова), избегать особенно суеты, совершенно опустошающей душу и уводящей ее от Бога».

«Батюшка очень высоко ценил святителя Игнатия, он ставил его совершенно особняком, не сравнивая ни со святителем Феофаном, ни с дру-

* Здесь и далее цит. по изд. Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние. Письма. М., 2002. С. 40.

гими святыми подвижниками — не потому, что недооценивал их, а потому, что святитель Игнатий действительно был его духовным учителем. Он говорил: “Сердце сердцу весть подает” (С. 428. Беседа о. Никона с О. М. Чавчавадзе.).

Из писем и бесед игумена Никона:

«Вот Игнатий (Брянчанинов), да вознаградит его Господь, все время говорит об этом. Его вы теперь не понимаете. Все у него внутри насаждает мысль о смирении».

«Единственные писания Духа Святого — это творения Святых Отцов и подвижников Церкви, как, например, епископа Игнатия (Брянчанинова). В них содержится подлинная духовность, и ими только можно и нужно руководствоваться».

«Учиться надо и молитве, и вообще христианству у Игнатия Брянчанинова. Лучшего учителя для нашего времени нет. Но и он стал почти недоступен современным христианам».

«Я забыл при свидании напомнить Вам о произведениях Игнатия (Брянчанинова), особенно о пятом томе. Там Вы нашли бы разрешение многих интересующих Вас вопросов».

«Благодарю Вас, что Вы поклонились от меня Игнатию Брянчанинову. В эти дни мысль моя часто обращалась к Вам, я не мог объяснить этого. Теперь понятно. Думаю, что и Владыка Игнатий помянул Вас и впредь не забудет, чего очень желаю для Вас и себя».

«Удалось ли Вам достать еще какие-либо книги Игнатия (Брянчанинова)? Без него понимать древних Отцов, а главное, применять их к себе почти невозможно. Это познают все из своего горького опыта, если только будут вообще

идти путем истинно христианским, а не мечтательным».

«Нет никакого сомнения, что Ю. не знает еще нового пути, что у него много ложных мыслей, ожиданий, а может быть, и скрытых мирских расчетов, которые он не вполне и сам признает. Опять повторяю: пусть изучает пятый том и исполняет по силе, тогда многое поймет. Пусть также обязательно прочтет письма еп. Игнатия во втором томе биографии его, составленной Соколовым. Обязательно пусть прочтет».

«Только Св. Писание и творения Св. Отцов духовны. На них-то и можно немножко понять опытно, что значит “духовный”. Сравни писания Игнатия (Брянчанинова) и каких-либо профессоров богословия. Какая резкая разница! Ты это хорошо ощущал».

«Постарайся добиться, чтобы тебе стал нравиться Игнатий (Брянчанинов). Все его писания взяты из Отцов и приспособлены для нас. Он пишет о самом нужном — о покаянии, которое есть дверь единственная ко всему доброму».

«А еще есть книги Владыки Игнатия, — видите, Вы их знаете, — они помогут вам правильно понимать и правильно исполнять евангельские заповеди. Это совершенно исключительная личность. Для нашего времени — особенно исключительная, это ключ к пониманию Святых Отцов» (С. 427—428. Беседа о. Никона с О.М. Чавчавадзе.).

Иеросхимонах Стефан (Игнатенко, †1973), начинавший монашеский путь на Афоне, затем подвизавшийся в монастыре — подворье русских афонских монастырей на горе Бештау, будучи

сам благодатным старцем и имея дары плача, прозрения, исцеления, по свидетельствам его духовных чад, особенно чтит святителя Игнатия:

«Молодым монахам, будущим священникам, пастырям о. Стефан рекомендовал как можно больше читать святоотеческих творений в молодости, когда ум еще не замутнен лишней информацией и впечатлениями. Особенно дороги ему были сочинения прп. Исаака Сирина и святителя Игнатия (Брянчанинова). Он полагал, что книги и наставления великих Отцов древности сделались почти невозможными для практического делания нынешнего нищего, немощного поколения. Идеальным духовным руководством батюшка считал книги епископа Игнатия, который сумел сочетать глубокий опыт высокого внутреннего подвига древних Отцов с пониманием меры современного обнищавшего, обессиленного человека».*

«На вопросы об Иисусовой молитве иеросхимонах Стефан не отвечал, но советовал внимательно изучать творения свт. Игнатия (Брянчанинова), которыми сам руководствовался» (С. 91).

«Для чтения о. Стефан рекомендовал жития святых, творения Святых Отцов Церкви, подчеркивая особенную важность для современного монашества трудов епископа Игнатия» (С. 95).

По благословию о. Стефана составил свой ценнейший труд — диссертацию по творениям святителя Игнатия — **игумен Марк** (Лозинский): «Испросив благословение почитаемого им старца

* Здесь и далее цитируется по изданию: Жизнеописание старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко). М., 1996. С. 90.

Стефана, который руководствовался в своей духовной жизни творениями свт. Игнатия, игумен Марк проделал огромную работу по сбору, систематизации и комментированию материала. Отцу Марку (Лозинскому) мы обязаны полным собранием писем еп. Игнатия. Семинаристы помогали ему расшифровывать трудный почерк Владыки. Игумен Марк не только сам чрезвычайно увлекся наследием святителя Игнатия, но привил любовь к нему своим студентам, предлагая им темы для курсовых работ, связанные так или иначе с личностью святителя Игнатия» (С. 37).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов, 1932–1991), ученик Глинских старцев, выдающийся подвижник XX века, магистр богословия, в своих лекциях среди примеров отечественного пастырства приводит пример пастырства святителя Игнатия первым. Отец Иоанн пишет*:

«Всю свою жизнь еп. Игнатий непрерывно изучал творения Святых Отцов, никто из современников не мог сравниться с ним в знании отеческих писаний.

...Владыка, с присущей ему духовной мудростью, умел применять к своей жизни наставления древних подвижников, сообразовываясь с современными ему условиями; во многих своих сочинениях, проповедях и письмах он отразил учение Св. Отцов, примененное к требованию современности. На свои произведения святитель смотрел не как на свою собственность, но считал их даром Божиим. “Я,— писал

* Лекции по пастырскому богословию. М., 2001. С. 241–255.

он в своих сочинениях,— был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении душевного христианского подвига”» (С. 241—243).

«В деле старческого руководства еп. Игнатий особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу... Иноки, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях.

...Епископ Игнатий высоко смотрел на обязанность и ответственность духовника.

...Архипастырь видел, что истинных наставников, даже в его время, было очень немного. Зная большую ответственность тех, кому христиане в руководство вверяют свою жизнь, он предупреждал всякого принимающего на себя подвиг старца-духовника не по призванию: “Страшное дело — принять по самомнению и самовольно на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святаго Духа и действием Духа, между тем, как общение с сатаною еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для тебя и для ближнего, преступно пред Богом и богоухульно”.

Гибельность неправильного руководства состоит в том, что неискусный пастырь не может не направлять духовную жизнь пасомых по пути, на котором сам стоит...

По причине оскудения наставников святитель считал, что лучшим руководителем в духов-

ной жизни христиан является следование святоотеческим писаниям» (С. 253–255).

Не удивительно ли такое единодушие стольких почитаемых и авторитетных духовных лиц? Почему же никто из них не отметил столь серьезное «искажение» святителем учения о послушании? «Не полемизировали потому, что и так было понятно, что святитель не прав»? Или, может быть, впали в соблазн «богословия непослушания» (брошюра о. Д. С. 52)? Или просто не смогли разобраться без уважаемого о. Доримедонта?..

Мы видим, что подлинные благодатные старцы последних времен, исполненные духовного рассуждения, тем не менее, давали в руководство своим духовным чадам труды святителя Игнатия, не оговариваясь, что относительно делания послушания отец современного иночества ошибался! А Новомученики и исповедники пронесли любовь к святителю Игнатию через всю свою жизнь: через пытки, тюрьмы и лагеря — до своей Голгофы. И кто дерзнет с ними спорить?

Глава 8

СПАСИТЕЛЬНА ЛИ ВЕРА В ЛОЖЬ?

— *Говоря, что свт. Игнатий «возможность духовного преуспеяния послушника ставил в прямую зависимость от степени духовного преуспеяния его старца», о. Доримедонт утверждает, что «всегда степень духовного преуспеяния послушника напрямую зависела от степени его веры Христу, которая проявлялась в его послушании живому образу Христа — старцу. Именно эта самоотверженная вера, а не святость наставника, была предпосылкой великого чуда послушания, которое совершал Дух Святой. Искусность старца и общий духовный уровень эпохи всегда имели лишь вспомогательное значение» (С. 27).*

— Яркий пример демагогии, не имеющей никакого подтверждения в отеческих писаниях! Святитель Игнатий заранее ответил на это в своих творениях: «Возразят: вера послушника может заменить недостаточность старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола:

*Любви истины не приняли для своего спасения,— говорит он о произвольно погибающих.— И за это пошлет (попустит) им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду (2 Фес. 2, 10–12)».**

Процитировав это место из святителя Игнатия, игумен Никон (Воробьев) пишет своему адресату: «Исключения в счет не идут. Ослицы не часто наставляют на истину, как было с Вааламом».**

В полемике с о. Д. уже приводились евангельские слова: *Не может быть ученик больше учителя своего*. Отсюда следует: чем больше учитель, тем большего достигнет ученик. Известны в истории монашества случаи, когда духовник передавал своего ученика другому, более искусному наставнику. Действительно, степень духовного преуспеяния послушника святитель Игнатий ставил в прямую зависимость от степени духовного преуспеяния старца. Думаю, что причина этого для читателя ясна: каждый предпочтет найти для себя такого духовного руководителя, которому доверяет, а не такого, который говорит одно, а делает совсем другое.

Если искусность старца не важна, для чего же тогда тщательно искать и испытывать его? Почему бы тогда не принять волевое решение слушаться любого священника или вообще любого православного человека, потому что, «если будем верить», Господь через кого угодно откро-

* Т. В. М., 1998. С. 73.

** Нам оставлено покаяние. Письма. М., 1997, 2002.

ет истину? И почему тогда должен быть один старец? Любой священник имеет в себе благодать, любой монах и просто добродетельный мирянин имеют свой опыт духовной жизни, значит, можно спрашивать у всех подряд и всех слушаться, лишь бы была вера! Но это прямо запрещено Святыми Отцами: прп. Пимен говорил: «Кому не извещается сердце, тому не открывай его»; прп. авва Дорофей — «Спасение *во многом совете*, но не в совете многих»; прп. Антоний Великий — «Не каждому исповедуй свои помыслы, но лишь тому, к кому ты имеешь веру» («Добротолюбие». Т. I).

Если личность старца не важна, то что вообще значит: «иметь веру к наставнику» и в чем она, собственно, будет заключаться? Из святоотеческого учения следует, что личность наставника, его духовный настрой и преуспеяние не просто важны, а имеют решающее значение для послушника. От них напрямую зависят степень доверия ученика и его послушание; в конечном итоге — его духовное преуспеяние. Слышали мы, что на Афоне послушник только в одном может принять решение сам — в выборе духовного руководителя. В заботе о спасении его души, это право дано потому, что доверять насильно невозможно. Невозможно верить первому встречному. Даже если перед нами подвижник, который имеет славу старца или известного духовника, — этого самого по себе еще недостаточно, чтобы у нас появилась вера к нему. Вера — это таинство. Благодатью Божией она рождается тогда, когда нам открываются добродетели человека, его духовные стороны, высокие качества души: «Причина

откровенности о предметах духовных — доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *Господи! К кому идем,* — говорит св. Петр Спасителю, — *глаголы живота вечнаго имаши, и мы веровахом и познахом, яко ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Ин. 6; 68–69)»*. Вера может быть только добровольной, ее нельзя насадить насильственно. Когда кому-то в административном порядке назначают духовника, невозможно возыметь к нему веру только за послушание. Для того, чтобы слушаться по-настоящему, необходимо доверие.

— *Афонский инок приводит следующую цитату из творений святителя Игнатия:* «С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости. Вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтобы предмет ее был истинный и духовный, тогда она приводит к Богу» (С. 23). *Из этой цитаты о. Д. почему-то делает вывод, что «предметом или объектом послушания святитель Игнатий считал духовного наставника, сущностью послушания — веру ему».*

— Приведем полностью цитату свт. Игнатия, из которой, видимо, не без умысла, в расчете на незнание его творений читателями, о. Доримедонтом была приведена лишь часть:

«Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому — отвержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания —

* Собрание писем свт. Игнатия еп. Кавказского. М.—СП–б., 1995. Письмо № 25. С. 86.

смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера. Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный — тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к изступленному фанатизму. Руководство писаниями Святых Отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений; книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги человека.

Чудная книга — ум и сердце, исписанные Святым Духом. Так и пышет из нее жизнь! Так и сообщается эта жизнь слушающим с верою. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим».*

Отец Доримедонт уже не первый раз приписывает словам святителя прямо противоположный смысл, ведь святитель как раз и предостерегает здесь от веры в человека как такового, а не как проводника воли Божией. Когда «предмет веры» — старец — «истинный и духовный», он истинно, без искажений передает волю Божию, и таким образом совершается послушание Богу, а

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 228. С. 439–440.

не человеку. Когда же старец не соответствует своему званию, он не совершенно передает волю Божию, в чем-то диктует свою. Поэтому святитель Игнатий предостерегает от слишком поспешного следования совету, указывая, что в наши времена требуется осторожность, чтобы как-нибудь не исполнить падшую волю человеков.

По этой же причине осторожность крайне необходима и для наставников: «Будем страшиться преподавания новонаначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божиим и на духовном разумении слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковерного новона начального из раба Божия в раба человеческого (1 Кор. 7; 23), привлеки его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией (здесь говорится не о наружном послушании монастырском... но о послушании нравственном, сокровенном, совершаемом в душе)»*. Старец, даже духоносный, представляет ценность для ученика не как предмет поклонения сам по себе, а как достойный подражания образец добродетели и учитель, устами которого сообщается воля Божия. Он достоин почитания настолько, насколько сам угодил Богу, стяжал добродетели и духовный разум. Достойны подражания его вера и духовный труд, понесенный для этого. Более же всего достоин почитания Господь, воздвигший Своего угодника: *Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев* (Пс. 67; 36).

* Творения свт. Игнатия. Т.V. М., 1998. С. 80.

В другом месте человеку, который просился к нему в духовные чада, святитель пишет: «Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому это послушание более знакомо ...Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу,— не достоин он быть руководителем ближнего! — Он не слуга Божий! Слуга диавола, его орудие, его сеть! *Не будьте рабами людей* (1 Кор. 7; 23),— завещает апостол». «Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку — страшно ...Всегда трогали меня до глубины сердца слова св. Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и себя, сохраненные нам в Евангелии Иоанна: *Имеющий невесту*,— говорит святой Предтеча,— *есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяться* (Ин. 3; 29—30). Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благодати Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспеяния».*

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 159. С. 303; Письмо № 231. С. 448.

Эти высказывания святителя Игнатия лучше всего доказывают, что он понимал послушание как послушание Богу, а не человеку, в чем, собственно, и заключается суть этого христианского подвига. Таким образом, вывод, что «святитель Игнатий считал предметом или объектом послушания духовного наставника, сущностью послушания — веру ему», — извращение мыслей святителя до полной противоположности.

«Как упомянуто выше, послушание есть поиск воли Божией. Именно в направлении воли Божией от послушника к старцу строили свое богословие послушания все Святые Отцы. Святитель Игнатий единственный из всех строил его в противоположном направлении — от старца к послушнику», — пишет афонский инок (С. 24). Что означает: «в направлении воли Божией от послушника к старцу» и «в противоположном направлении — от старца к послушнику», — я не берусь объяснить, тем более что у Св. Отцов аналогичной терминологии нет; у них все просто и ясно. Далее: «Но не воли старца ищет послушник, нет. Подчинением себя воле духовного отца, он ищет воли Христовой, открываемой ему за то, что он в своей любви к Нему, жертвует волею своей» (Там же).

Все правильно, но в том-то и дело, что не все сказанное послушнику духовником будет соответствовать воле Божией; духовный отец может и ошибиться, не открыть волю Божию, а заповедать волю свою, по причине того, что сам постиг волю Божию и подчинился ей еще не совершенно. В чем тогда будет истина — послушаться его как человека или не послушаться?

Учение святителя Игнатия показывает, что истинное послушание — подвиг добровольный, то есть свобода воли, изначально дарованная Богом человеку как самый драгоценнейший дар после самой жизни, сохраняется и при этом делании. Свобода воли, от которой добровольно отказывается послушник ради исполнения воли Божией, как бы принося ее в жертву Богу, является сущностью подвига послушания. Если современная афонская традиция позволяет послушнику только добровольный выбор старца, при условии дальнейшего неременного послушания ему во всем, учение свт. Игнатия Кавказского предоставляет гораздо бóльшую свободу послушнику, при этом, однако, налагая на него несравненно бóльшую нравственную ответственность. Поэтому оно более жизненно, гибко, более соответствует современным реалиям, а значит, более истинно по сравнению с практикой современного Афона.

Основное отличие одного учения от другого, сохраняя единство в главном, заключается в том, что, согласно учению свт. Игнатия, современный послушник имеет право не всегда следовать предлагаемым ему советам. Ему предоставлено самому определять, насколько благословение духовника соответствует Священному Писанию и учению Святых Отцов. Критерием истины, таким образом, является не личность наставника, его взгляды и учение, которые, как бы ни был он опытен сам, могут оказаться в чем-то ошибочными, а Священное Писание и Предание Церкви.

Когда послушник имеет право слушаться не во всем, это как раз и оставляет ему внутреннюю свободу выбора: подчинить свою волю воле стар-

ца или нет? Воля старца не навязывается насильственным образом, что делает подчинение более свободным, естественным, а значит, менее болезненным для падшей человеческой природы. Если же послушник попадает к не очень искусному духовнику — а это сейчас чаще всего и случается, как в России, так, к сожалению, и на Афоне, — а условия отношений изначально таковы, что он обязан всегда и во всем жестко слушаться, здесь уже заложено порочное начало, в дальнейшем — неизбежный конфликт.

Докажем. При таком подходе получается, что изначально все ошибки старца «освящаются», а послушник обязан исполнять все его «причуды». (В миру это иногда называется самодурством). Добровольное послушание при таких отношениях невозможно: человек слушается только потому, что во всем «должен» и вокруг «обязан», то есть слушается, постоянно насилуя собственную совесть. По афонскому учению (или по учению о. Д.?), он «обязан» признавать в старце Христа, а все, что от него исходит: поступки, слова — признавать святыми. Но современный старец — не Христос, и не все его слова святы, опыт его не совершенен. Пусть он во многом прав, но не во всем. В древности, когда старец-руководитель был действительно святым человеком, такие отношения доставляли быстрое преуспеяние послушнику. Ему не нужно было насильственно заставлять себя верить в святость старца: она была очевидна. Но свят ли современный старец? Имеет ли право властно требовать, чтоб в нем видели Самого Христа? Не получается ли, как пишет свт. Игнатий, что он лишь принимает на себя роль в сомнительном спектакле?

В наших условиях учение святителя Игнатия воспитывает более доверительные отношения между духовником и его чадом, нежели практика Афона. Когда наставник необоснованно требует послушания во всем, как правило, следствием бывает то, что чадо уходит. Когда же пастырь оставляет послушнику возможность выбора, постоянно напоминая о том, что его учение нуждается в сравнении со святоотеческим, это вызывает уважение пасомого к нему и доверие к его учению. Дальнейший опыт показывает, где пастырь бывает прав, а где, может быть, нет. Неизбежные его ошибки при таком подходе воспринимаются пасомым как нечто естественное. Послушник готов к ним, прежде всего потому, что пастырь сам предупредил его, а порой предусмотрел другие варианты действий послушника в случае своей возможной ошибки. В таком случае ошибки покрываются любовью, легко прощаются, не вызывают взаимных обид.

Подумайте, что чувствует послушник в случае ошибки духовного руководителя, если ему внушали, что старец всегда прав и непогрешим! Как это отражается на его вере старцу и, следовательно, на качестве дальнейшего послушания? А как поступать в таком случае старцу? Ведь если исходить из такого настроения, то просить прощения у послушника бесполезно последнему. В целях сохранения имиджа своей непогрешимости единственно возможно внушать послушнику, что ошибки не было, что ему только так показалось, что у послушника всего лишь брань на духовника и что, наконец, ошибки старца всегда бывают только на пользу ученикам.

— *Но о. Доримедонт действительно приводит изречение одного из афонских старцев о том, что*

старец, несомненно, может ошибиться, но любая такая ошибка будет послушнику на пользу.

— Может быть, для утешения какому-нибудь послушнику, смущавшемуся помыслами против своего наставника, старец и сказал это. Но дело в том, что если старец часто будет ошибаться, встанет вопрос: что это за старец такой? Любой вполне духовный старец может и пасть, и впасть в заблуждение, в прелесть или даже ересь: что же, продолжать его слушаться во всем и вместе с ним погибнуть? И такие примеры, к сожалению, есть!

Мы приходим учиться слушаться не человека, а Бога, но человек нам в этом помогает. Насколько мы видим в наставнике проявление добродетелей и духовного опыта, настолько преуспеваем в вере к его учению. Если духовник постоянно делает ошибки, в результате которых страдает послушник, вера последнего неизбежно умалается. Положение можно исправить, если духовник свои ошибки перед послушником признает и кается перед ним — послушник прощает старца. В таком случае отношения могут быть продолжены. Но ошибки духовника не могут быть бесконечны, есть какой-то предел и им. Ученик не обязан постоянно терпеть то, что, по сути, вредно его душе. Ведь рано или поздно у него возникнут вопросы: полезны ли дальнейшие отношения с этим духовником? Есть ли воля Божия продолжать их и далее? Может быть, имеет смысл поискать другого духовника, общение с которым доставит большее духовное преуспеяние? Послушник имеет право задуматься об этом, ведь речь идет о самом дорогом для него — спасении души, которую он вверил наставнику. А если при явных своих ошибках старец еще заявля-

ет, что всегда и во всем прав, я бы рано или поздно потерял всякое доверие к нему. Вера всегда была основой отношений послушания.

Что же касается «протестантизма», в котором о. Д. обвиняет последователей свт. Игнатия, то это как раз о. Д. слово «верить» понимает по-протестантски. Это протестанты постоянно говорят: «Верь — и спасешься; надо только иметь веру, и все». Для них ничего не значат слова Священного Писания: *Вера без дел мертва* (Иак. 2; 20). Что значит «вера» в их представлении? Никак не пойму! Как у протестантов, у о. Д. получается, что вера сваливается с неба, без всякого подвига со стороны самого человека. Даже если духовный руководитель достоин веры, доверие приходит к послушнику со временем, в результате их общения. А тут она должна возникнуть ни с того ни с сего, в протестантском стиле. Человек лег спать без веры — проснулся с верой. Но в православном понимании вера воспитывается делами веры, подвигами благочестия. Человек может иметь веру, только когда Господь, видя его желание верить, подкрепляемое делами благочестия, по благодати подаст ему ее.

Настоящая вера всегда бывает выстрадана, она всегда чем-то подтверждена, основана на каких-то выводах и переживаниях. Я безраздельно верил отцу Серафиму, видя его святость, зная, что он провел в заключении двадцать с лишним лет, зная, что он совершал чудеса. Я видел его духовных чад, которые мне о нем рассказывали потрясающие вещи. И когда я увидел его самого — это было что-то необыкновенное, сомневаться в его духовности было невозможно. Хотя при мне при-

езжали люди и, ничего не увидев, не почувствовав в нем, уезжали, но я сразу поверил каждому его слову. Вся его жизнь, образ поведения, добродетели, удивительное богослужение, длившееся до четырех часов вечера, и все, что происходило в Ракитном, — все подтверждало его святость.

Вера к духовному отцу возникает не сразу и не сама собой; здесь тоже есть свои закономерности. Все должно происходить естественно, без насилия над душой. Прежде всего, на духовное общение обязательно должна быть Божья воля, а затем требуется труд. Послушание — это труд, суть которого в том, что человек ищет правильные понятия об истине. Начало правильной духовной жизни — правильные духовные понятия. Где мы можем их почерпнуть? В Священном Писании, в учении Церкви, которое излагают Святые Отцы. Затем человек осознает нужду в духовном руководителе, начинает искать его, просить у Бога. Ищет людей, которые живут согласно со словом Божиим, праведников нашего времени; духовников, которым можно довериться. Пожелав встретиться с каким-либо из этих пастырей, ищущий руководства встречается с ним, беседует, исповедуется, смотрит, как подвижник живет, задает вопросы. Полученные советы пытается исполнить. Если человек видит, что советы действуют: врачуются страсти, разрешаются недомыслия, душа обретает мир, — у него появляется вера к пастырю, потому что он увидел плоды сделанного за послушание. Он начинает жить в соответствии с полученными понятиями о духовной жизни, в дальнейшем углубляя свои духовные понятия.

Случается, что человек приезжает с вопросами к известному духовнику, а сердце при встрече к нему не располагается. Что бы ни говорил этот духовник, каким бы опытным и достойным человеком ни был, сердце может к нему не расположиться. Вины человека в этом нет, потому что в таком случае, видимо, нет Божиего благословения на общение. Однажды мой знакомый посетил известного старца. Несмотря на то, что он всегда относился к этому пастырю с большим уважением, когда они беседовали, услышанное никак не ложилось на сердце. Беседа длилась минут тридцать, но мой знакомый так и не вынес из нее ничего полезного. Может быть, по своим грехам он был недостоин что-то услышать, но, я думаю, по непостижимым судьбам Божиим, почему-либо не было Божьей воли на эту встречу.

Вера не может появиться на пустом месте, только потому, что нам сказали, что такой-то — чудотворец и прозорливец. Мы должны вступить в общение с человеком и увидеть плоды этого общения. Тогда, как говорит прп. Симеон Новый Богослов, то, что в его учении согласно со Святыми Отцами, будем принимать, а то, что не согласно, будем отвергать. И тогда действительно постепенно начнем меняться.

«В любые времена греховно и противно христианскому устроению недоверие, тем более недоверие к пастырю» (С. 54–55). То есть нужно верить вообще всем и всегда? Но что тогда значат слова Господа об овцах, которые *за чужим не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса* (Ин. 10; 5)?

Если даже мой восприемник от пострига будет учить, например, что магометане спасутся, я

не буду ему верить, хоть меня убейте, хоть соберите собор и потребуйте верить ему во всем! Апостол Павел говорит, что «даже если ангел с неба, даже если он сам, или кто бы то ни был другой будет говорить не то, что он благовествовал прежде», — анафема да будет (См. Гал. 1; 8). Если духовник проповедует ересь, верить ему никак нельзя. Преподобный Варсонофий Великий говорит, что от духовного руководителя прежде всего требуется православная вера.

«...Всегда степень духовного преуспеяния послушника напрямую зависела от степени его веры Христу, которая проявлялась в его послушании живому образу Христа — старцу. Именно эта самоотверженная вера, а не святость наставника, была предпосылкой всякого чуда послушания, которое совершал Дух Святой. Искусность старца и общий духовный уровень эпохи всегда имели лишь вспомогательное значение» (С. 26–27), — пишет о. Д.

Действительно, спасение и преуспеяние человека прежде всего зависят от его произволения, но это вовсе не значит, что послушник может с одинаковой ревностью исполнять то, что сказал бы ему святой наставник, и то, что советует пастырь, не имеющий видимых благодатных дарований. Подлинный послушник будет со всею ревностью исполнять волю Божию, но, в зависимости от обстоятельств, она может открываться ему разными путями. Почему подвижники последних времен: прп. Паисий Величковский, святитель Игнатий, прп. Силуан Афонский, схииг. Иоанн Валаамский, старец Паисий Святогорец — которым не удавалось найти тако-

го наставника, какого хотелось бы,— горько сетуют об этом?

Тот аргумент, что вера все восполняет, что надо только верить старцу и все — этого якобы достаточно,— убеждает мало. Можно ли верить безблагодатному человеку так же, как облагодатствованному? Хорошо бы, конечно, но почему-то не получается! Видится существенная разница. Пусть в целом я пастырю доверяю, но вижу при этом, что он недопонимает некоторые вещи, в чем-то просто не имеет опыта. Есть авторитетные, почитаемые подвижники, которых я очень уважаю, но по опыту собственного общения с ними знаю и некоторые их ошибки. Задавая им вопросы, ответы выслушиваю с большой осторожностью; смотрю, что из них взять, насколько они соответствуют Святым Отцам и преданию Церкви.

— *Отец Д. приводит такой пример из книги архим. Софрония (Сахарова) о преподобном Силуане Афонском: «Преподобный Силуан Афонский, не имевший святого старца, окормлявшийся у обычных духовников (хотя «обычные монастырские духовники» Афона начала века значительно отличаются от сегодняшних обычных монастырских духовников — ред.), желая узнать волю Божию, молился, чтобы Господь открыл ему ее через своего служителя-духовника. После этого преподобный ловил первое слово духовника, его первый намек, и свои вопросы и объяснения на этом прекращал» (С. 30).*

— Но разве можно быть уверенными, что мы всегда верно поняли «намек»? Конечно, это свидетельство подтверждает мнение о Доримедонта, если, конечно, о. Софроний точно передает слова преподобного Силуана. Но нужно заметить, что

прямых аналогов такого делания у Святых Отцов нет. Здесь отразилось изложенное архимандритом Софронием (Сахаровым) учение Афона о том, что нужно во всем беспрекословно слушаться современного духовника; так, по его мнению, считал и прп. Силуан. Однако игумен Никон (Воробьев), составивший комментарии к той части книги, которая написана архим. Софронием, сделал к данному месту следующую пометку: «Вся статья “О послушании” написана от “ума”, а не из опыта и знания современного состояния Церкви. Жизнь самого старца Силуана показывает, что у него не было опытных руководителей, и вследствие этого он шел неверным путем и мог бы погибнуть в прелесть, если бы не особая милость Божия».*

В свое время я спрашивал духовника Троице-Сергиевой Лавры архим. Кирилла (Павлова): «Когда я задаю вопрос духовнику, действительно ли нужно слушать только первое слово, как говорил прп. Силуан Афонский? Ведь, как правило, духовник предлагает несколько вариантов ответа, и, может быть, нужно выбрать самый разумный вариант, к которому сердце наиболее располагает?» Отец Кирилл ответил: «Вот, вот, именно то, что ты сказал: нужно выбрать то, что звучит наиболее сильно в словах духовника, наиболее разумно — это и будет правильно». Когда же я пытался следовать словам о. Софония — ловить первое слово отвечающего и больше ни о чем не спрашивать — нередко результат был самый плачевный.

В новоначалии, конечно, проще, чтобы за тебя все решали. Действительно: новоначальный,

* Преподобный Силуан Афонский. М., 1998. С. 238.

не имеющий рассуждения, должен поискать наставника, имеющего его хотя бы в какой-то степени, и во всем следовать его советам. При этом у современного духовника неизбежно будут ошибки, вследствие чего неизбежны скорби современного послушника. Но именно в результате этих скорбей послушник и начинает приобретать рассуждение, постепенно начиная понимать, когда духовник действительно не прав и слушаться его в этом не надо. Можно сказать, что рассуждение послушника начинает приобретаться тогда, когда он постепенно уразумевает, что то или иное благословение духовника может иногда не соответствовать воле Божией. Ведь цель подвига послушания — научиться послушанию Богу, а не человеку, который может ошибиться, даже если он свят. Его опыт всегда ограничен. Только католики считают непогрешимыми суждения Римского папы, а Православная Церковь отвергла мнение, что кто-либо, хотя бы и первоиерарх, может быть непогрешим.

Откровение — это Слово Божие, Священное Писание, заповеди Божии, которые разъяснены нам Святыми Отцами, — вот в чем открыта нам воля Божия. Духовник лишь помогает нам правильно понять Предание Церкви. Нельзя им подменить всю полноту Церкви. Священное Писание и Предание Церкви — вот непогрешимая Истина. Тем не менее духовника необходимо иметь, почитать и любить его, и без него, особенно в новоначалии, невозможно правильно понять учение Церкви.

Понимание духовной жизни приходит со временем. Послушание с рассуждением — это более высокая ступень, чем послушание без рассужде-

ния. Цель подвига послушания заключается в том, чтобы стяжать понимание Божией воли из тех многообразных источников, через которые она нам открывается. Советы духовника — это только один из источников познания воли Божией, хотя и самый первый, сильный и необходимый, особенно в новоначалии. Однако воля Божия открывается также и из других обстоятельств и событий.

Приведем классический пример. Духовник послал нас в другой город, заповедал поступить определенным образом; но к тому времени, как мы туда приехали, ситуация коренным образом изменилась. Подобный пример приводит преподобный Варсонофий Великий. Он говорит, что такие вещи случаются по нашим грехам; в этом случае необходимо укорять себя и просить вразумления Божия молитвами старца, но слепо следовать благословию, данному при других обстоятельствах, — нельзя. Конечно, в идеале нужно связаться с духовником и переспросить, но это не всегда возможно. Тогда приходится действовать так, как того требует ситуация, хотя это и бывает иногда прямо противоположно благословию духовника. А слушаться первого благословения, которое в действительности уже отменили обстоятельства, было бы безумием и гордостью, игрой в совершенного послушника совершенного старца.

Вначале, наверное, все мы искали старцев духоносных, пытались слушаться во всем и постоянно набивали на этом шишки. Лишь со временем нам стали открываться святые слова святителя Игнатия об отсутствии духоносных старцев, равных древним, и невозможности послушания в прежнем виде.

«Старец может преподавать послушнику высокие духовные учения не сразу или даже не преподавать их вовсе — исходя из его духовного состояния ... Таким образом, послушник не несет никакой ответственности за то, какой вид духовного учения будет ему преподаваться, — полагает о. Доримедонт. — Ища послушанием таинственной Божией Премудрости, он в лице своего старца видит Христа и, по Его неложному обетованию, находит в своем поиске благодать Духа Святаго» (С. 20).

Замечательно сказано! Как складно! Только где это в жизни? Не думаю, что мои духовные чада видят во мне Христа. И правильно делают, потому что я не Христос, я отец Сергей, со своими немощами и недостатками. Всем, в том числе и мне самому, будет больше пользы, если, сознавая свои немощи, я буду отвечать на их вопросы с осторожностью и страхом Божиим, основывая ответы на цитатах из Святых Отцов, чем если объявлю себя наместником Христа на земле и потребую оказывать послушание каждому моему слову!

«Не несет никакой ответственности», — как тонко сказано! Действительно, послушник не несет ответственности за преподаваемое учение, но в прелесть-то в результате впадет послушник! Ответственности он не несет, но на ком прежде всего скажутся последствия ложного учения здесь, на земле, и кого будут судить потом на Страшном Суде? Если бы все было так, как пишет о. Д., — судили бы духовников, а послушники были бы невиновны. Но рассчитывать на это, к сожалению, не приходится. В житиях святых часто вообще не упоминается, кто был духовным наставником святого. А если было бы справедливо уче-

ние о. Д., обязательно следовало бы писать: житие преподобного такого-то, который был духовным чадом такого-то.

Думаю, что послушник, имеющий правильный настрой, всегда будет искать для себя правильного, глубокого руководства. Кто из нас так тщательно, как повелевает Лествичник, испытывал духовника, которому пожелал себя вверить? А ведь эту заповедь никто не отменял! Рассудительный послушник, зная, что в наши времена путь умного делания среди монашествующих находится в великом пренебрежении, вправе рано или поздно поинтересоваться тем деланием, о котором прп. Серафим Саровский сказал: «Монах без молитвы — горелая головешка», — и задать вопросы на данную тему. Если же ответы будут неудовлетворительны или их не будет вовсе, послушник вправе задать их другим отцам и братьям; если же ответов не будет опять — обратиться к святоотеческим творениям об умном делании.

Между прочим, именно так и поступали все яркие представители исихастской традиции последнего времени, например, прп. Паисий Нямецкий: не найдя ответов на вопросы у современных ему старцев, они, однако, не удовлетворились рассуждением, что «не будут нести ответственности» за невежество своих наставников, а продолжили поиск Истины. Они предприняли далекие и опасные путешествия в поисках святоотеческих книг, дойдя до Святого Афона и там с большим трудом отыскав ответы в писаниях преподобных, стали возобновителями исихастской и старческой традиций на Руси. Если бы все рассуждали так, как о. Д., у нас вообще не было бы

святости, потому что традиции, в силу разных исторических и духовных причин, периодически теряются, а возрождают их восставляемые Богом ревностные подвижники, с большим трудом находя их истоки.

— *О. Доримедонт приводит высказывание старца Паисия Святогорца: «Послушание есть подвиг жертвы и любви. В духовной жизни всегда должны присутствовать любовь и жертва. Именно за любовь и жертву и подает людям свою благодать Господь, ибо Он есть Любовь и Жертва» (С. 21).*

— Это вполне правильно, но опять-таки слова о том, что послушание есть подвиг жертвы и любви, указывают на добровольное подчинение. Далее (С. 59–60) приводится еще одно изречение о. Паисия о том, что послушание — это свобода, то есть, послушник должен быть внутренне свободен. Когда ты не согласен с тем, чему тебя учит духовник, однако исполняешь — это насильственное подчинение. Если дело касается внешних вещей — это можно, иногда нужно потерпеть, но когда советы вызывают душевное расстройство, когда общение наносит явный душевный вред, — какая же тут любовь и жертва?! Чего ради? Вполне естественно, что в такой ситуации человек начинает роптать. Любовь бывает только добровольной; она возникает, когда видишь в человеке добродетели, видишь соответствие его учения учению святоотеческому, убеждаешься, что его советы действуют, приносят пользу. Только тогда духовное чадо и может действительно любить наставника, идти за ним, добровольно отказываться от своих мнений и желаний, жертвовать чем-то

ради общения по Богу с этим пастырем, ради духовных плодов, которое это общение доставляет.

Когда я имею право послушаться или не послушаться своего духовника,— право, которое предоставляет мне учение святителя Игнатия,— я свободно выбираю из его советов то, что считаю правильным. А то, что считаю несогласным с учением Отцов, не спешу исполнить, выжидаю до тех пор, пока не приходит убеждение, что батюшка прав и необходимо исполнить сказанное или что батюшка не прав и лучше этого не исполнять. Такой образ руководства более плодотворен, потому что я добровольно слушаюсь наставника и у меня постепенно умножается к нему вера. Если по немощи не послушаюсь там, где надо было,— обличит совесть, ведь я же хочу спастись. Когда же я должен волей-неволей слушаться человека, которому не очень доверяю, и должен считать все исходящее от него святой истиной — получается как в армии, и духовной пользы от этого мало.

Архимандрит Рафаил (Карелин) сказал в беседе: «Были случаи, когда мои духовные чада уходили к другим пастырям. Но я всегда разрешал им это делать. Я говорил, что здесь не может быть никакого насилия. Только просил, чтобы они слушались нового духовника, не переходили от него к третьему и так далее».*

— *Отец Д. приводит такое изречение из греческого патерика: «Говорили старцы, что если кто-то, имея доверие духовному отцу, вручает себя ему в послушание, то ему уже нет нужды заботиться о (частных) заповедях Божиих, но лишь о том, что-*

* Архимандрит Рафаил (Карелин). О духовном делании. М., 2004. С. 24.

бы его воля была согласна с волей его отца. (Такой послушник) не подлежит осуждению от Бога, ибо Бог ничего столь не требует от новоначальных, как великого труда послушания» (С. 34–35).

— Опять же, понятно, если это касается старцев духоносных. А если человек предал себя в послушание мне, ему необходимо постоянно верить мое учение евангельскими заповедями и отеческими писаниями, потому что я могу ошибиться, я немощный человек. Сколько духовников уклонялось в ереси, впадало в грехи, делало серьезные ошибки! Где гарантия, что этого не случится завтра со мной? Так, чтобы за мной не последовали мои духовные чада, не лучше ли им постоянно верить меня Святыми Отцами, и подсказать мне, если мои слова расходятся с отеческим учением?

«Бог не может оставить в душевном сиротстве человека, смиренно взыскующего совлечения своей греховной воли ради познания воли Божией» (С. 54).

Действительно, всякий желающий, если будет трудиться, обязательно найдет благого советника, но это не значит, что советник откроет ему волю Божию во всей полноте, и не значит, что первый встречный может быть таким советником!

«Всякое повиновение имей к своему игумену, от коего пострижен, без раздумья выполняй то, что он велит, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто *послушлив был даже до смерти, смерти же крестной*», — цитируется прп. Симеон Новый Богослов. Это действительно так, но здесь явно описана мера послушания святого че-

ловека, для которого возможно невозможное. Это может быть исполнимо опять же, если игумен духоносный.

«Преподобный Симеон Благоговейный заключает: “Если будешь соблюдать все сие, то без волнения переплывешь море жизни и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым”» (С. 34). Несомненно, что под словами «каков бы он ни был» подразумеваются некие незначительные немощи наставника, не смотря на которые, послушник должен почитать и уважать пастыря, если тот послан ему Богом. Это изречение необходимо помнить и современному послушнику, потому что, если он будет осуждать своего духовника, допускать брань на него, духовное общение сделается невозможным. Такие же наставления есть и у свт. Игнатия, который, опять-таки, вовсе не учит по-фарисейски осуждать духовных руководителей и питать в себе брань на них: «Святые Отцы заповедают инокам помнить добродетели своих настоятелей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучки, в сравнении с которыми наши немощи — бревна».*

Если же наставник объективно впал в прелесть или ересь, общение необходимо прервать:

Вопрос: Если окажется, что чей-либо авва заражен ересью, то должен ли брат оставить его?

Ответ: Когда действительно окажется, что он заражен ересью, то должно оставить его. Если же его только подозревают в том,— не должно ос-

* Собрание писем свт. Игнатия, еп. Кавказского. М.—СПб., 1995. Письмо № 130. С. 234.

тавлять его и даже узнавать о нем. Ибо тайное известно Богу, а людям — явное».*

— Отец Д. приводит из «Лествицы» слова аввы Иоанна Савваита о том, что послушник не должен оставлять старца, даже если увидит его творящим блуд (Сл. 4, гл. 112). Но ко всем ли случаям это относится, и нужно ли это понимать буквально?

— Если прочитать указанную главу полностью, выясняются обстоятельства при которых была дана эта заповедь. К прп. Иоанну Савваиту пришли три юных инока, и всем им он указал разные виды жительствова. Первому посоветовал подвизаться в безмолвном месте в повиновении у духовного отца, второму — поступить в общежитие, а третьему — избрать себе наставника, «из всех людей суровейшего и строжайшего, и, укрепившись терпением, ежедневно пить от него поругание и уничтожение, как мед и молоко». Именно этому брату на вопрос «если он (этот наставник) пребывает в нерадении, что мне делать?» — старец ответил: «Если бы ты даже увидел, что он блуд творит, не оставляй его». Из контекста видно, что наставление было дано конкретному лицу, нуждавшемуся в крайне суровом наставнике. Мы уже приводили заповедь прп. Пимена Великого немедленно отлучаться от старца, нарушающего нравственное предание Церкви — конечно, если это объективный факт, а не брань смущающих помыслов или бесовских мечтаний. Не думаю, что сам о. Д., или кто-либо из читателей смог бы с пользой проводить жительство в послушании у старца, подверженного

* Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. М., 1998. Вопрос 533. С. 342.

смертным грехам. Поэтому замечание о. Д., что «в отношении к нравственным прегрешениям и несовершенствам наставника Святые Отцы всегда призывают послушника к применению принципа икономии» (С. 33), в данном случае совершенно неуместно. Говоря о том, что оставление старца возможно лишь при «нравственных прегрешениях исключительного порядка» (С. 32), неужели о. Д. не признает таковым исключительным прегрешением впадение в блуд и серьезно призывает в данном случае применять принцип икономии?

«Старец есть образ (икона) Христа. Эту истину единогласно признавали все писавшие о послушании Святые Отцы. “Наставник не иное что есть, как человек, который носит на себе лице Спасителя, став посредником между Богом и людьми, и священнодействует пред Богом спасение покорных ему” (свт. Василий Великий). “Пребывай весь в его (старца) повелениях и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение, равно как и всякое свое мудрование и самоохотное хотение, шаг за шагом последуй за учителем своим, как зеркало какое, как свою совесть, имея это нерассуждающее полное ему послушание” (Добротолюбие, том 5). “Истинному послушнику все необходимо соблюдать чистую нелестную веру настоятелю (руководителю своему) в такой мере, чтоб смотрел на него, как на Самого Христа, и, как Христу, повиновался ему” (св. Каллист и Игнатий Ксанфопулы). “Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа

и, бывая с ним, последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать” (Преподобный Симеон Новый Богослов)» (С. 24–25).

Святые Отцы говорят здесь, что послушник должен взирать на старца, как на Самого Христа, иметь пред ним глубокое благоговение. Однако такой мысли, что старец есть некое «воплощение» Христа, у них не звучит, а о. Доримедонт, кажется, приближается к такому умозаключению:

«Жаль, но необходимо прервать эту чудную хвалебную песнь истинному во Христе послушанию. Увенчаем ее простой и священной формулой нового богослова XX века, недавно почившего афонского старца Ефрема Катунаского: “Старец — это видимый Бог”» (Там же).

Отец Ефрем, по мнению о. Доримедонта, является новым богословом. Но задумаемся: безусловно ли его высказывание о «видимом Боге»?

В отце Серафиме (Тяпочкине) я мог видеть образ Христов, но все-таки от Христа моего наставника я отличал. А если кто-то из моих духовных чад будет считать «видимым богом» меня, — вряд ли будут возможны наши дальнейшие духовные отношения! Хотя ко мне, как к священнику, приходят люди со своими вопросами, и за послушание я отвечаю им, как могу, исходя из своего опыта и из прочитанного у Отцов; но отвечаю им потому, что это мой долг. Порой я делаю ошибки, в которых приходится приносить покаяние, — и эти ошибки заметны моим духовным чадам. И я не хотел бы, чтобы меня воспринимали как «видимого бога» для моих пасомых, я вовсе не хочу им быть!

Зачем играть в старцев, в непогрешимых духовников, которые «святые», как Римский папа?

Любой пастырь может ошибиться, и тем более — современный, не имеющий той силы духа и благодати, как древние. Пусть и сейчас есть подвижники, и будут всегда, но, по пророчеству Святых Отцов, они покроют себя смирением и не совершат тех знамений и чудес, как древние, однако, может быть, превзойдут их по духовной высоте.

Православие неизменяемо в сути своего учения, в заповедях, в догматах, но формы жизни меняться могут, в том числе и формы жизни аскетической. Настоящее, подлинное послушание бывает именно тогда, когда слушаются с рассуждением, понимая некоторые немощи своего наставника, давая ему право на ошибку. Иначе получается то, о чем с болью пишет святитель Игнатий: «Старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании — суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новонаначальному, если этот новонаначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям

старца с учеником, к душевному расстройству того и другого».*

«Старец есть для послушника икона Христа, и эта икона тоже может быть “написана” более или менее талантливо. Если она “написана” более талантливо, то есть если старец более искусен, то это, вне всяких сомнений, способствует послушнику увидеть через него Первообраз — Христа. Но если эта икона “написана” менее талантливо, то есть если старец менее искусен, имеет человеческие немощи и несовершенства, то это совсем не исключает для послушника возможности увидеть через старца Христа. Если бы первостепенное значение имело духовное преуспеяние старца, то все ученики святых тоже становились бы святыми» (С. 26).

Это просто безответственная демагогия! Может быть, это применимо к святому человеку, но к современному духовнику подобное при всем желании я не смогу отнести. В духоносном старце действительно легче увидеть икону Христову, добродетели и действие Духа, чем в человеке немощном и грешном, но вследствие этого и вера ему будет больше, общение будет более глубоким уже потому, что он объективно более духовен. В немощном пастыре очень трудно увидеть икону Христову. Мы уже говорили, что доверие возникает, если видишь человека, достойного веры. Если же наставник имеет свои немощи, то кем бы он себя ни называл, кем бы его ни назначили или ни выбрали, послушник не доверяет ему и боится, не веря, что это духоносный старец и живой бог. Степень произволе-

* Творения свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 72–73.

ния послушника не безгранична: дальше известного предела он не может заставить себя верить и слушаться. Святые Отцы говорят, что насколько человек доверяет старцу, настолько он доверяет и Христу. То есть он настолько преуспевает в вере, насколько преуспевает в послушании. А послушание имеет в своей основе веру тому, кого ты слушаешься. Эта вера послушника, в свою очередь, основана на добродетелях наставника, а его немощи и недостатки разоряют эту веру.

Утверждение о. Д., что между почитанием иконы и послушанием старцу «самая прямая аналогия» (С. 26), совершенно неправомерно, ведь поклоняясь иконе, чудотворной или нет, мы воздаем честь Первообразу, но не получаем таким образом руководства к своим поступкам и действиям! В лице старца мы тоже можем благоговейно почитать Первообраз, относясь к нему с почтением и уважением. Но если мы руководствуемся в своей жизни его советами,— здесь имеет первостепенное значение, может ли старец возвестить нам волю Божию и в какой мере он «отражает Первообраз».

«Послушание — это догматика монашеского подвига, и по отношению к нему, так же как и к догматике веры, неприемлемы компромиссы» (С. 27). Очень много красивых слов, но что в действительности стоит за ними? Как эта «догматика» применима к евангельским словам: *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?* (Деян 4; 19). Если в совершенстве волю Божию творят только небожители, а на земле даже святые сетуют о своих уклонениях от нее,

что такое «компромиссы по отношению к послушанию»? Сам о. Доримедонт в своей работе приводит примеры того, когда слушаться нельзя; следовательно, из правила послушания бывают исключения, а значит, оно уже не абсолютно!

«Святые Отцы до святителя Игнатия могли внушать новоначальным осторожность в выборе духовного наставника. Эта благословенная осторожность могла усугубляться в эпохи духовных кризисов и ослабляться во времена духовных подъемов (*времена при Иоанна Лествичника, по мнению о. Д. — это упадок или подъем?*), но никто и никогда не говорил, что послушание невозможно, потому что не стало старцев» (С. 27).

И снова приходится изобличить афонского инока в подтасовке: ведь и святитель Игнатий не говорит этого. Напротив, пишет, что послушание в его эпоху — тот же подвиг, но в несколько иных формах, с учетом отсутствия духоносных наставников. Даже в миру, работая над научным трудом, человек, во-первых, выберет научного руководителя, хорошо разбирающегося в предмете, а во-вторых, зная некоторые его заблуждения и ошибки, постарается их избежать.

«Для восстановления послушничества (а значит, и старчества) не нужно многого. Не нужны рискованные эксперименты по поиску святых (*то есть заповеданные всеми Святыми Отцами тщательные поиски достойного руководителя? — о. С.*), не нужны положительные изменения окружающего мира. Нужно лишь одно: чтобы кто-то решился на смерть — смерть ради Христа, смерть, подающую умирающему о Господе веч-

ную жизнь и блаженство» (С. 28). Сказано хорошо, красиво. Однако хочется спросить: решился ли на смерть сам автор? Возможно, он считает, что решился, но твердость такого решения может быть проверена лишь делом. Если мы уже решились на смерть ради Христа, то зачем откладывать: почему бы не поехать в Чечню или Стамбул, публично похулить там Магомета и быстро сподобиться мученического венца? Но сколько есть в житиях святых примеров того, когда человека, стремящегося к мученичеству, удерживали его наставники, как неготового, и сколько известно случаев, когда христиане не выдерживали мучений! По мнению же о. Доримедонта, можно взять и «решиться» на этот чрезвычайный подвиг, возможный только по великой благодати Божией.

Вспоминаются строки из писем поносимого афонским иноком Святого Отца: «Ныне некоторые разгоряченные верхогляды, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно — великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих, и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в орудия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. Надо покоряться самым попущениям Божиим»; «Не предвижу, по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтоб могло быть восстановление Церкви в древней красоте ее, так

же, как и монашества. И то должно будет счесть великою милостию Божией, если не последует вскоре какого-либо тяжкого удара на монастыри», — так пророчествовал в XIX в. свт. Игнатий.*

«Таким образом, мы подошли к святоотеческому определению меры послушания. По всеобщему признанию Святых Отцов, этой мерой является смерть. Именно в эту неизмеримую меру был послушлив воле Отчей Господь — Пробраз истинного послушания» (С. 28), говорит о. Д.

Это действительно так, но это уже мера святого послушания. Всякий ли достигает ее? Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время: не будем искать в зиме того, что свойственно лету; ни во время сеяния — того, что принадлежит жатве. Ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченные дарования благодати. В противном случае, мы и в свое время не получим того, что оному времени прилично и свойственно» (Сл. 26, гл. 87). Что же касается новоначальных послушников, особенно тех, кто недавно вступил в Церковь — слава Богу, когда они начинают хоть что-то спрашивать — это уже хорошо — начинают не доверять своему разуму, ставить под сомнение свои понятия и решения! Что же будет, если потребовать с них сразу послушания до смерти? Ведь так можно сломаться, а, скорее, начать мнить, что имеешь то, чего у тебя нет и пока быть не может.

* Собрание писем свт. Игнатия. М.— СПб., 1995. С. 16; С. 769–770.

Глава 9

БЕЗУПРЕЧНА ЛИ ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО АФОНА?

— *Отец Сергей, как в целом на Афоне относятся к творениям святителя Игнатия? Там, несомненно, есть русские насельники, почитающие святителя. Но много ли их? В каком духе пишет о послушании, например, старец Паисий Святогорец, книги о котором в последнее время так популярны в России?*

— На самом деле, на святителя Игнатия бывает немало нападок, и этот разговор давно назрел. В Греции святитель Игнатий до сих пор переведен лишь частично, хотя есть люди, знающие и почитающие его. Я думаю, что современный Афон очень неоднозначен. Предполагаю, что мнение, выражаемое о Доримедонтом, в той или иной мере свойственно многим представителям современной афонской традиции, но мы уже го-

ворили, что это мнение не безупречно. Некоторые аспекты афонской традиции давно вызывают у меня вопросы, потому что они расходятся с учением святителя Игнатия. Когда читаешь воспоминания об Афоне, беседы с нынешними афонскими подвижниками, из Святых Отцов они упоминают лишь Отцов древности. Но ведь и древние Отцы порой указывают на происходящие перемены, а как изменилась жизнь за многие века!

Возникает впечатление, что большинство современных афонских отцов считает необходимым беспрекословное, без всякого рассуждения послушание нынешним старцам, результат чего, по их мнению, будет тот же, что и в древности. Но только ведь не будет! У меня всегда были сомнения в этом. Сейчас издано много книг современных афонских подвижников, в которых видны натяжки и несоответствия вышеуказанного понимания послушания. Сами насельники Святой Горы и посещающие ее духовные лица признают, что времена очень изменились. Мы уже приводили цитату из книги авторитетного афонского старца схимонаха Паисия (Эзнепидиса) о том, что святость и благодатные дары на Афоне несравненно оскудели буквально у него на глазах (см. стр. 84 настоящего издания).

Афонская святость оскудевает; постепенно уходит Божия благодать, и мы знаем, что, в конце концов, она совсем оттуда уйдет, признаком чего будет удаление Иверской иконы Божией Матери из Иверского монастыря. Прискорбно слышать, что, когда европейский парламент рассматривал вопрос о возможности посещения женщинами Афонской горы, как памятника культуры и исто-

рии, Иверский монастырь выступил за то, чтобы это разрешение было дано. Не понимаю, зачем это нужно. Не признак ли это духовного оскудения? Как можно отменять завет, данный еще Пречистой Богородицей, запрещающий женщинам ступать на св. Афонскую землю?

Я не был на Афоне и не знаю, есть ли там старцы, подобные древним, каковыми о. Доримедонт призывает считать вообще всех духовников подряд. Такие подвижники, как Иосиф Исихаст, Паисий Афонский — это замечательные явления, это, несомненно, высоко духовные люди, какими всегда славилась Афонская гора. Но в целом на Афоне, на мой взгляд, преобладает погоня за телесным подвигом, что, несомненно, отражается и во взглядах на послушание, которые порой доходят до крайностей, с легкой руки отцов, подобных иером. Доримедонту, доходят до некоей пагубной игры «в старцев и послушников», к сожалению распространенной в современной России.

У тех, кто понимает послушание как о. Доримедонт, оно переходит во внешнее, телесное действие, с соответствующими ему плодами. Да, такие послушники сделают столько поклонов, сколько скажет старец; съедят столько-то смокв и выпьют столько-то капель воды. Но подлинных внутренних, духовных отношений при этом не будет, потому что там все вынужденно, насильственно, не добровольно, не основано на глубокой внутренней связи и взаимодоверии между наставником и послушником. При таком послушании нарушается заповедь: *Милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6; 6). Плодов оно не приносит. Подлинное послушание бывает тогда, когда че-

ловец стремится понять и воспринять во всей полноте то, что духовник хочет ему передать, чему научить и чего от него добиться.

По афонскому учению, получается — верь кому угодно: первому встречному, которого кто-то назвал старцем или который сам принял на себя эту роль. Порой такими «старцами» оказываются просто психически больные люди. Святитель же Игнатий говорит: разберись, подумай и выбери себе наставника добровольно. Его учение в большей степени основано на Святых Отцах, и только оно одно реалистично в наши времена. Послушник, следующий наставлениям свт. Игнатия, найдя достойного пастыря, обязательно со временем преуспеет и духовно раскроется. Для духовных плодов мало ревностного произволения послушника — необходимы опыт и знания руководителя. Если они есть, послушник это почувствует и вверит себя пастырю соразмерно опыту последнего. Такое руководство обязательно принесет плоды — пускай гораздо медленнее, чем это было в древности. Если же наставник, действительно опытный и способный руководить, сочтет, что ничем не отличается от древних пастырей, начнет «играть в старцы» и требовать абсолютного послушания, он только повредит и себе, и своему послушнику.

По сути, афонское учение о том, что старец есть некий «живой бог», противоречит Евангелию, где сказано: *Один у вас Учитель и один у вас Отец, а все вы — братья* (Мф. 23; 8–9), то есть равные между собой. «Когда развивают идеи о слепом, беспрекословном послушании, вплоть до нарушения заповедей Божиих, то это вопиюще неверное богословие о послушании ... Такое

послушание превращается в идолопоклонство. Послушание становится превыше не только поста и молитвы, но и превыше заповеди Божией. Мнение старца выше мудрости Божией. Заповедь Божия подменяется преданием человеческим (Мк. 7; 8) — старец поставляется на место Бога. Такое понимание послушания идет вразрез со святоотеческим учением», — пишет диакон Владимир в уже упомянутой нами статье.

Отец Доримедонт и его единомышленники — если ему действительно кто-то благословил написать его труд — проповедуют такое учение о послушании, которое невозможно, нереально, которое в действительности существовать не может. Это игра и сказка, из чего следует, что они-то как раз и не знакомы с деятельным послушанием. Поэтому возникает вопрос: есть ли вообще сейчас на Афоне делатели настоящего послушания? Подлинный подвиг послушания бывает только с рассуждением и приводит к рассуждению, к единственно верному, единственно возможному ныне руководству святоотеческими писаниям. Если, по Лествичнику, из послушания рождается смирение, из смирения — рассуждение, то из попугайства ничего не рождается кроме попугайства, как мы это прекрасно видим в некоторых современных монастырях, когда слепой ведет слепого и они падают оба.

А святитель Игнатий предлагает подлинное учение о духовной жизни. Оно постепенно вводит человека в подвиг самоотвержения — тяжелый, но единственно плодоносный. Вводит в настоящие, духовные отношения с наставником — «каков бы он ни был», как пишет прп. Симеон Новый Богослов, — то есть даже если он не столь

духовен, как хотелось бы. Если Бог благословил эти отношения, если пастырь руководит по Богу, то будут по Богу и плоды. Указанный святителем Игнатием единственно правильный путь требует огромного самоотвержения и ответственности, как пасомого, так и пастыря, взявшего на себя нелегкий крест духовного руководства в соответствии учению свт. Игнатия. Учение о послушании свт. Игнатия, предоставляя некоторую бóльшую по сравнению с древними отцами свободу, как руководителю, так и послушнику, возлагает при этом несравненно бóльшую ответственность пред Богом на них обоих. А это тяжело. Противников его учения это не устраивает, потому они и пытаются подменить настоящее, подлинное послушание игрой в послушание, как еретики подменили само христианство гибельной игрой. Поскольку слушаться так, как учат противники святителя Игнатия — «до смерти» — вообще невозможно, в конечном итоге они не слушаются вообще, живут совершенно самочинно, прикрываясь массой уловок, как, опять-таки, пишет святитель Игнатий, «под видом послушания творя свою волю». Их «духовность» — это плод самочиния, их молитва — сплошная прелесть.

Беря в руки новую аскетическую книгу, я всегда начинаю с глав о молитве. И сколько я ни читал последних афонских писаний о молитве — не нашел чего-либо интересного или чего-то, чего я раньше еще не читал! Конечно, может быть, это совпадение, но очень странное... Прочитав «Три слова о молитве» игумена Ефрема (издание подворья Троице-Сергиевой Лавры), я не нашел ни одного живого деятельного совета. Некий акафист

молитве! К нам в издательство попал перевод книги еще одного греческого подвижника, но для издания там было более или менее интересно лишь описание одного благодатного посещения.

Я уже говорил: опыт Афона не безупречен. Широко известен, например, афонский подвижник Георгий, о котором говорят, как о святом человеке. Но как явствует из его жизнеописания, он свел в могилу постами и бдениями несколько десятков послушников! Наставник довел послушников до смерти тем, что они, будучи больны, постились и несли непосильные труды! Возможно, в каких-то исключительных случаях для отдельных людей и есть воля Божия умереть в подвижничестве, но это никак не может быть массовым явлением, тем более среди новоначальных! Ни в каких житиях преподобных отцов нет ничего подобного. Думаю, что у святителя Игнатия такое было просто невозможно, а у него были послушники, имевшие подлинное самоотвержение*. И святость этого старца Георгия для меня очень сомнительна!

Ученики старца Иосифа Исихаста могли достигнуть духовной высоты своего учителя. Но те их писания или устные беседы, которые в настоящее время изданы, производят неоднозначное впечатление.

Вернемся теперь к уже приводившемуся здесь изречению старца Ефрема Катунакского: «Старец — это видимый бог». Отец Ефрем умер недавно, и его жизнеописание сейчас издано. Отец Доримедонт считает его слова высшим образцом бого-

* См. Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 207.

словия, однако посмотрим, какие плоды они явили в жизни самого старца Ефрема.

Старцем каливы прп. Ефрема Сирина в Катунках, где подвизался о. Ефрем, был иеромонах Никифор. В книге об о. Ефреме неоднократно говорится, что о. Никифор был старцем простым и имел нелегкий характер. Будучи рукоположен в священный сан, о. Ефрем время от времени совершал Литургию и для братства о. Иосифа Исихаста. Когда о. Иосиф спросил у о. Никифора, оказывает ли послушание о. Ефрем, последний был очень тронут, потому что, по его словам: «Тогда всех интересовало другое: обратителен ли молодой монах, работающ ли, понимает ли что в рукоделии».*

Отец Ефрем обратился к о. Иосифу за разрешением своих духовных вопросов, и у них сложились самые глубокие духовные отношения. О. Ефрем стал называть о. Иосифа своим старцем и оказывать ему великое послушание; он регулярно ходил в скит старца совершать Литургию и общаться с ним, против чего не возражал и о. Никифор. Из жизнеописания явствует, что отец Ефрем, как и все отцы его каливы, и старец Иосиф Исихаст принадлежали к умеренному крылу зилотов. Затем отцы примкнули было к более крайней группировке, но вслед за этим неоднократно получали благодатные извещения о том, что нужно подчиниться Патриарху.

«Позже, указанием Божиим, они соединились с Церковью, и только тогда их души обрели покой. Отец Никифор немного упорствовал, од-

* Здесь и далее цитируется по изданию: Старец Ефрем Катунский. М., 2002. С. 33.

нако о. Ефрем, не желая разлучаться со старцем Иосифом, убедил о. Никифора присоединиться к Церкви. Таким образом, вся калива св. Ефрема вернулась в каноническое единство со всеми афонскими монастырями. Пасху 1952 г. они пошли встречать к соседям в пустынь пророка Даниила ...Однако о. Никифор, проведший всю жизнь с соседями зилотами, закапризничал и стал сильно расстраиваться. Он настаивал на возвращении к зилотам. Отец Ефрем оказался в трудном положении. Перед ним возникла дилемма: остаться в послушании у отца Никифора или бросить его и соединиться с Церковью? Он много молился, попробовал убедить старца, нажать на него. Безрезультатно. Молиться стало очень трудно ... Он посоветовался со старцем Гавриилом, игуменом монастыря Дионисиат, и с отцом Герасимом Песнописцем. Оба сказали ему: “Отец, позаботься о спокойствии твоего старца”. Безусловно, это был переломный момент в жизни о. Ефрема. Его желанием было жить в канонической полноте с Церковью, но это означало бы уход от своего старца!»*

Неясно, почему о. Ефрем не смущался удалиться от о. Иосифа Исихаста, с которым, собственно, он и состоял в духовном общении и называл его старцем, а уйти от о. Никифора считал недопустимым? Отношения о. Ефрема с о. Никифором, по жизнеописанию, были вообще сложными, однако о. Ефрем называет его старцем и нередко говорит о мистической силе хранения послушания ему. Возможно, жизнеописание не

* Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 52–53.

достаточно ясно освещает эту неоднозначную ситуацию, однако несомненным фактом было то, что о. Ефрем, понимая, что истина в канонической Церкви Православной, решился следовать за о. Никифором, возвратиться к зилотам и таким образом отойти от общения с Церковью:

«Отец Ефрем молитвой познал, что нет большего падения для монаха, чем пренебрежение своим старцем, этому учит и глубокая святогорская традиция. Ведь и Божественный Устроитель Церкви стал послушлив *даже до смерти, смерти же крестной* (Флп. 2; 8). И тогда о. Ефрем делает свой выбор: он остается в послушании у старца. Он выстрадал это решение, и потому Господь и показал его впоследствии великим учителем послушания. Он не раз говорил: “Старец стоит выше церковноначалия, и если твой старец не разрешил тебя от своего слова, то вся Церковь уже не сможет этого сделать”».*

Трудно присоединиться к восторгу жизнеописателей старца Ефрема! Они не замечают, что, согласно последнему изречению, старец оказывается выше Церкви! Что это, если не сектантство? По этой логике, если старец впадет в ересь, надо следовать за ним. Не таким ли путем наполнилась еретиками-монофизитами великая Нитрийская пустыня, где некогда подвизались столпы православия и монашества? Еще прп. Иоанн Кассиан Римлянин приводит случай, когда высоко духовный подвижник впал в ересь; хотя к нему обращались за советом и он имел учеников, тем не менее, он учил лжи, и слушаться его было погибельно.

* Старец Ефрем Катунский. М., 2002. С. 53–54.

Отца Ефрема «не покидали муки совести и душевная боль. Он, получивший извещение воссоединиться со Вселенским Патриархатом, опытно познавший, что Церковь — прежде всего любовь ...он, считающий старца Иосифа и его братство самыми близкими людьми, перед которыми он преклонялся, — теперь он должен был все это оставить. К счастью, недолго мучили его эти сомнения. Он решил так: “Сердцем я буду всегда с Церковью, телом же, ненадолго, с зилотами, до тех пор пока не закроются глаза моего старца”. Этим и утешился. Отцу Ефрему пришлось ждать до 1975 года, то есть целых 23 года» (! — *ред.*)(С. 54).

В чем же смысл хранения единства со старцем при разрыве единства с Телом Христовым — Церковью? Приближает ли такое единство к Богу? Отец Ефрем уклонился от Истины ради послушания старцу, а по учению Святых Отцов, это совершенно недопустимо! Эти двадцать три года были полностью потеряны для его духовной жизни, и какова была бы его вечная участь, если бы он умер тогда? Вот и получилось, что «бог видимый» заменил собой Бога Невидимого. Каким бы авторитетом ни пользовался этот подвижник, приведенный выше случай нельзя расценить иначе, как его серьезнейшую ошибку.

— А если лжестарец наложил непомерную епитимью на послушника, действительно его никто другой не может разрешить от нее?

— По афонскому учению, выраженному в приведенной выше цитате, никто не может, хотя это, в общем-то, абсурдно. Я, как священник, постоянно сталкиваюсь с тем, что какой-либо пас-

тырь, порой не совсем здоровый духовно или даже психически, за незначительный грех, например, за курение, отлучает человека от Причастия на много лет и отказывается снять эту епитимью. В таком случае епископ имеет полное право ее отменить.

В одном из патериков действительно приводится случай, когда старец наложил епитимью и умер, не разрешив от нее послушника. И епископ не счел возможным разрешить ее, но не потому, что объективно, канонически не имел такой власти, а по своему смирению. И даже Собор епископов, почитая почившего старца, не стал этого делать. Такая в данном конкретном случае была воля Божия. Если бы это был не высоко духовный старец или если бы епитимья была непосильна, вряд ли бы они поступили таким образом. Православное учение таково, что полнотой благодати в Церкви обладает епископ, вернее, Собор епископов, а иерей имеет часть ее и без благословения епископа не имеет права совершать никакие священнодействия.

Священномученик Киприан Карфагенский говорит: «Без епископа нет Церкви». Святитель Игнатий (Брянчанинов) на основании Священного Писания, постановлений церковных и Святых Отцов заключает: «Епископ составляет собою начало церковной иерархии. Он преемник апостолов, представитель на земле Господа ...Он есть начало и источник всех христианских Таинств и самого богослужения. Церковь Христианская существовать без него не может. Апостолы, проповедуя Евангелие во вселенной, по всем городам и областям поставляли епископов, а епископы рукополагали пресвитеров для полного удовлетво-

рения потребности христиан. В церковном смысле священники суть орудия епископа: эти орудия действуют дотоле, доколе ими действует епископ. Когда он престаёт действовать ими, тогда они лишаются всей своей силы, ибо силы их и действительность не свои, а заимствованные»*. Поэтому то прещение, которое налагает иерей, правящий епископ данной епархии вполне может разрешить. Таково каноническое православное учение.

А вот еще одно приводимое отцом Д. изречение о. Ефрема: «Часто и мы, как старцы, можем совершить ошибку, но тебя, живущего в послушании, эта ошибка ведет к добру, а не ко злу. Послушание никогда не приводит ко злу, потому что оно есть подражание Христу» (С. 61.). Красиво сказано, но ошибка духовного руководителя — то есть его отступление от воли Божией — есть ошибка, и приводит она лишь к скорбям, а никак не к добру. Отрицательный опыт — это, конечно, тоже опыт, но ведь его можно избежать и приобрести более ценный — положительный! Слова старца Ефрема оправдывают любую ошибку духовного руководителя, и если этим будет руководствоваться лжестарец, он получает право на любое беззаконие. Таковы ли афонские взгляды на послушание!?

Христос был *послушен до смерти* Богу, а не человекам. Он оказывал «непослушание» даже Своей Пречистой Матери, не говоря уже о не-

* Полное жизнеописание свт. Игнатия Кавказского. М., 2002. Вопрос начальника Кавказской линии и ответ епископа Игнатия о Кавказской кафедре по отношению ее к Кавказскому линейному казачьему войску, значение епископа и протоиерея в православной церковной иерархии. С. 238–239.

мощных людях, которые требовали от Него чего-либо вопреки воле Божией. Поэтому никак нельзя сказать, что подражанием Христу будет послушание до смерти кому угодно! Подлинное послушание, оказываемое в соответствии с волей Божией, действительно не может привести ко злу, но не послушание как форма или некий механизм. А иначе духовного совершенства обязательно достигали бы в армии.

Поэтому мнение, что нужно беспрекословно и слепо слушаться любого духовника, если тебя ему вручили, в каком бы он ни был духовном состоянии,— противоречит не только учению святителя Игнатия, но и учению Святых Отцов Православной Церкви в целом, потому что святитель Игнатий не написал ничего от себя, ни на чем не основываясь. К сожалению, приходится признать, что в некоторых вопросах авторитет Афона не так безупречен. Для меня, например, более важен авторитет святителя Игнатия и русская духовная традиция, русская святость (конечно, как часть святости вселенской). То, что святитель Игнатий пишет, например, о молитвенном делании, для меня гораздо более назидательно, чем то, что имеется в современных переводах с греческого.

Однако и у самого о. Ефрема, которого о. Доримедонт цитирует в подтверждение своих взглядов, имеется прямое указание на послушание с рассуждением:

«Спустя годы приходит “различительное” послушание. Но в том возрасте, в каком вы сейчас, вы все должны иметь слепое послушание. Помните, что говорит св. Иоанн Лествичник?

Пошел старец сперва к новонаначальному монаху, потом — к другому, который монашествовал уже лет 10—15. Говорит новонаначальному:

— Пой песни.

— Благословите,— и поет.

— Пой,— говорит он другому.

— Простите,— отвечает тот.

И тот и другой правильно поступили. Не будет считаться непослушанием ответ второго монаха старцу. А для первого это было бы непослушание, потому что он еще проходит искус. Новоначальный должен пройти через колесование на пути неразличительного, т.е. слепого, послушания. Никаких рассуждений,— только “благословите”. Когда пройдет 10—15 лет, наступает пора “различительного” послушания, которое есть результат послушания слепого, безоговорочного».*

— *Справедливо ли утверждение о. Доримедонта, что свт. Игнатий на Афоне не переведен потому, что имеет там гораздо меньшее значение, чем в России, «в основном по той причине, что здесь, на Святой Горе, живое монашеское предание никогда не приходило в такой упадок, как у нас на Родине» (С.3)?*

— Афонское монашество неоднократно приходило в глубокий упадок: например, во времена свт. Григория Синаита. Когда же преподобный Паисий Величковский в XVII веке посетил Афон, он не нашел там духоносных руководителей вообще, с огромным трудом нашел в одном из отдаленных скитов святоотеческие книги, которых в то время в столице монашества почти никто не

* Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 168—169.

знал и не читал. Там процветал телесный подвиг. И это было не самое худшее для Афона время. Свидетельства о современном оскудении Афона мы уже приводили. В России духовный упадок был связан с десятилетиями тяжелейших гонений, когда десятки тысяч монашествующих были расстреляны или замучены в лагерях, а на Афоне монашество пришло в упадок по другим причинам: вследствие оставления его насельниками главного монашеского делания — молитвы.

— *Говоря о беспрекословном послушании, о. Д. всегда подразумевает ситуацию, когда духовным наставником является настоятель: «Святитель Василий Великий предписывает монахам беспрекословное послушание настоятелю — духовному отцу...» (С. 14). Но если на Афоне настоятель монастыря одновременно является и старцем для каждого из братий, то в России это далеко не всегда так. Может быть, это неправильно?*

— В маленьком монастыре, где братии десять — двенадцать человек, совмещение настоятельства и старчества возможно и, наверное, правильно, если настоятель достаточно духовен для этого. Но в большом монастыре это просто нереально, особенно если монастырь строящийся. Настоятель большой обители не имеет никакой возможности заниматься духовным окормлением братии. И хороший настоятель это понимает. Не понимают некоторые настоятельницы, по неизвестной причине претендующие на обязательное духовное руководство сестрами.

В жизнеописании прп. Льва Оптинского, составленном в 1875 г. в Оптинском скиту учениками старца, приводится такой случай. Когда

прп. Леонид и его наставник схим. Феодор поселились на Валааме, к ним стали обращаться за духовным окормлением и откровением помыслов многие братья, в том числе о. Евдоким, причесный ученик Валаамского игумена о. Иннокентия. Это был ревностный подвижник, который, однако, до встречи со старцами был незнаком с духовным деланием.

«Когда же он (о. Евдоким), а за ним и другие братья обратились к старцам, то о. игумен с огорчением увидел себя как бы оставленным от преданнейшего ему человека и счел себя как бы презиаемым от братий, полагая, вероятно, что настоятель должен быть единственным духовным руководителем в обители. В древнее простое время большей частью так и было. Но в наше время самому настоятелю, без помощи опытных духовников и старцев, неудобно руководить братией. Это сознавал еще и в древнее время один из величайших наставников монашества преподобный и духоносный Феодор Студийский, который, относительно выбора и назначения настоятеля, в предсмертном своем завещании братьям написал: “Во-первых, оставляю вам (как наставника) господина и отца моего и отца вашего, преподобнейшего затворника, и отца, и светило, и учителя. Ибо он о Господе выше и меня и вас, и он наша глава, хотя и подчинил себя, живя безмолвно в хриstopодражательном смирении; его наставлениями и молитвами, верую, спасетесь, если только окажете ему должную благопокорливость и послушание. А потом, кого общим избранием боголепно поставите в настоятели, по предварительному отеческому совету, и кого будет желать

все братство, на избрание того и я соизволяю” (Огласительные поучения. М., 1872. С. 334).

Не с такими чувствами и мыслями смотрел о. Иннокентий на о. Феодора и о. Леонида. Их отеческая ко всем любовь, общительность и свобода обращения представлялись ему непокорностью настоятелю и вмешательством в его управление; их учение казалось каким-то странным нововведением».*

Как известно, в Оптину преподобного Леонида прп. Моисей пригласил именно для духовного окормления братий, хотя и сам был духовным старцем, но мудро не пожелал совмещать настоятельство и старчество.

Нынешний архиепископ Владимирский Евлогий, будучи наместником Оптиной пустыни (1988–1991), всеми силами старался найти для братии хорошего духовника, считая совершенно неправильным брать на себя и эту функцию.

Далеко не всякий духовник может быть настоятелем-администратором, для чего нужны немалые организаторские и практические способности. И далеко не всякий настоятель может быть хорошим духовником. Это разные Божии дары, и они редко в равной мере присутствуют в одном человеке. Поэтому, хотя афонская традиция совмещения настоятельства и духовничества идет из глубины веков, в наши времена следовать ей затруднительно. Российская традиция разделения этих должностей более разумна и реальна, она выработалась из жизни.

* Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Троице-Сергиева Лавра, 1991.

Глава 10

НЕ ХУЛИТЕ ДУХА СВЯТАГО

Старец сказал: «Если видишь новоначального, лезущего на небо, стяни его оттуда за ноги».

Древний патерик

— Отец Доримедонт утверждает, что никак не хочет принижать значение святителя Игнатия и поставить под сомнение его святость. Но разве читатель, который примет точку зрения о. Доримедонта и признает учение святителя о послушании ложным, не усомнится в верности его аскетического учения вообще?

— Несомненно, работа о. Доримедонта внесет в душу ознакомившегося с нею читателя страшную путаницу, потому что вызовет недоверие к учению святителя Игнатия в целом. Ведь если святитель учит ошибочно о такой основополагающей вещи, как послушание, то где гарантия, что все остальное у него правильно? Тогда и его учение о православной вере, может быть, сомнительно? Если не прав святитель Игнатий, то, может быть, для спасения не обязательно принадлежать к Православной Церкви? Ведь многие так и счита-

ют. Посеянное таким образом сомнение в истинности богодохновенных творений святителя может оказаться весьма душевредным вообще.

Отец Д. приписывает святителю Игнатию, ни много ни мало, идеализированные, то есть ложные представления о том, каким должно быть духовное руководство: «При тонком душевном складе и всесторонней внешней образованности святителя, эта исключительная начитанность в Святых Отцах послужила причиной того, что у него сложился идеализированный образ старца и духовного руководства» (С. 51)! Таким образом, оказывается, «исключительная начитанность в Святых Отцах» приводит к мечтательным представлениям о духовной жизни! Надо ли вообще в таком случае читать Святых Отцов?

«Не исключено, что святитель пошел своим особым путем, потому что старцы, которых ему довелось встретить, не соответствовали тому заимствованному из книг идеалу духовного наставника, которого он искал. Но суды Господни — бездна многа, поэтому лучше оставить в стороне причины, сформировавшие отношение святителя Игнатия к вопросу о послушании. Вместе с Церковью мы просто и несомненно веруем в святость святителя Игнатия (Брянчанинова)» (Там же).

Какое лицемерие! О. Д. «просто, несомненно верует в святость свт. Игнатия», но при этом пишет, что там он не прав, здесь не прав и тут не прав! Отец Д. обвиняет святителя Игнатия в неспособности отличить послушание от культа личности (С. 24), употребляет по отношению к его писаниям такие выражения, как «коренное искажение богословской сущности монашеского послушания» (Там же). Нужно заметить, что иеромонах Доримедонт

является первым духовным лицом, дерзнувшем хулить учение святителя после его прославления в лике святых, сколько бы этот иеромонах ни называл себя при этом грешным и немощным.

«Итак, все написанное выше направлено не против святителя Игнатия, а за него, за то, чтобы очищенная, просеянная сквозь Святоотеческое Предание, пшеница его учения давала добрые, лишенные плевел, всходы» (С. 52). Непонятно только, кто уполномочил о. Д. «просеивать» учение свт. Игнатия для пользы человечества, которое в течение полутора столетий не могло, оказывается, в нем разобраться? Не боится ли иеромонах Доримедонт «сито» Святоотеческого Предания подменить ситом собственного плотского мудрования и лжеименного разума?

— *В заключение иером. Доримедонт обвиняет современных духовных авторов в «гиперболизации» взглядов свт. Игнатия: «Многими современными духовными писателями путь духовной жизни без послушания старцу признается единственно верным. Действительно, гиперболизируя мнимый опыт святителя Игнатия и отвергая все противоречащие мнения, опыт Святых Отцов, современные противники послушания создали доселе невиданное богословие непослушания — протестантское по своей духовной сути».*

— Мне приходилось порой встречать в статьях современных авторов высказывания, что раз старцев нет, то слушаться вообще никого не надо, надо жить своим умом. Но, как писал преподобноисповедник Никон Оптинский, святитель Игнатий не дает повода к такому извращенному пониманию своих творений. Он везде и всегда подчеркивает невыблемость подвига послушания. Надеюсь, что не

даст повода к такому толкованию и настоящая работа. Если же о. Д. имеет в виду статьи, где подчеркивается важность учения свт. Игнатия о послушании, то он очень сильно искажает их смысл.

«Последние несколько лет мы являемся свидетелями беспрецедентной пропагандистской кампании, равно далекой и от богословия, и от истины, и от любви. И правдами, и неправдами нас пытаются убедить в том, что вся истинная полнота святоотеческого учения о послушании сосредоточилась во мнении святителя Игнатия (Брянчанинова). “Цель оправдывает средства”. И вот привнесенные в богословие приемы газетной риторики сбивают с толку, отвлекают внимание от главного, анонимные предисловия к святоотеческим текстам “отфильтровывают” их содержание, клевета на блаженных старцев сеет уныние и неверие в сердцах и умах людей» (С. 52–53).

Уважаемый читатель может ознакомиться с не столь уж «анонимными», изданными под полным именем автора некоторыми предисловиями (Иеромонах Сергей (Рыбко). Се ныне время благоприятное. М., 2003) и увидеть своими глазами, аргументированы ли они, основаны ли на святоотеческом учении и отвергается ли в них великое монашеское делание послушания.

«Во мнении свт. Игнатия апологеты непослушания находят удобное оправдание своему собственному падению. Тот, кто оправдывает свой грех, хочет видеть вместе с собой как можно больше падших. Буквально на наших глазах апологеты непослушания становятся уже апологетами Адамова и своего собственного падения. По духовному закону, следующим витком их эволюции должно стать оправдание дьявола» (Там же).

Ну, последний пассаж трудно прокомментировать...

«Сейчас мы видим, как вместо того, чтобы вернуться к святоотеческому опыту, некоторыми делаются попытки богословски обосновать свое нежелание этого спасительного возвращения» (С. 6). Хорошо бы, конечно, к нему вернуться, но как? Для этого нужны живые носители этого предания, святые люди. Где они? Нужно реально оценивать события.

«Что же говорить, если послушник, еще не найдя старца, уже повредил свой помысл по отношению к нему (*то есть понимает, что вряд ли найдет старца, равного древним?* — о. С.), еще не вступив в подвиг послушания, уже сложил оружие и признал себя побежденным! С такими предпосылками юный вступает в монашество и начинается “жизнь по совету единокоренных братьев” — таких же начитанных, зеленых, недоверчивых, сомневающих и терзающихся внутренними противоречиями, как и он сам!» (С. 53) — с большим пафосом пишет о. Д., которому, как мы слышали, нет еще тридцати пяти лет и который уже давно занимается «духовным окормлением» новоначальных...

— *Получается, что игумен Никон (Воробьев) тоже подходит под категорию «богословов непослушания», поскольку он постоянно адресует своих духовных чад к творениям свт. Игнатия и, в частности — к его учению о послушании. О себе же говорит, что не откажется преподать духовный совет, но вместе с тем вздыхает: «В наши времена таких наставников, в которых и вы, и я одинаково нуждаемся, вы не найдете».*

— Не знаю, авторитетно ли для афонских иноков мнение русского подвижника благочес-

тия, четыре года проведенного в сталинских лагерях, игумена Никона (Воробьева), однако в России его письма*, дышащие учением Отцов, были оценены так высоко, как никакие другие современные аскетические произведения. Вот что пишет отец Никон:

«Люди должны только облегчить послушание Евангелию, а не требовать послушания себе. К послушанию “во всем” теперь никто не способен. Покаяние все заменит» (Письмо № 63. С. 113).

«Ваше послушание (да и всех нынешних “подвижников”) заключено в послушании Господу, чрез послушание Его святым заповедям в каждый момент жизни. Ведь и послушание Отцам в этом же заключается, чрез Отцов мы слушаем Господа. Отцы только понятнее к каждому состоянию должны разъяснять заповеди, но нынешние руководители (разумею себя) не умеют этого делать, а лишь заменяют книгу» (Письмо № 60. С. 107).

«Вы говорите, что слушались бы каждого слова о. С.**, а я Вам говорю, что это Ваша мечта, а не действительность. Человек, который не слушает Бога в заповедях Его (вернее, не может во всем слушаться, пока не смирится) никак не может во всем слушаться и исполнять волю человека. Господь везде. Попробуйте в самом малом слушаться Господа, делать пред лицом Его то, что Вы делаете ежедневно ...Если Вы могли бы во всем слушать человека, то почему бы Вам хоть в течение часа ежедневно не слушаться Господа? Не мечтаете ли Вы слишком много и о большом,

* Нам оставлено покаяние. Письма. М., 1997, 2002.

** Вероятно, имеется в виду схииг. Савва (Остапенко).

упуская малое, реальное, доступное Вам? Враг нашего спасения так часто делает: внушает желание большего, чтобы не дать исполнить и малого» (Письмо №157. С. 221–222).

«Относительно опытных в духовном делании людей можно сказать мнение Игнатия (Брянчанинова) и многих других, что их в настоящее время едва ли можно найти. Хорошо, если найдутся единомысленные. Нужно искать поддержки в книгах главным образом. Если же найдутся единомысленные и более опытные, хотя бы в силу возраста, то их советом нужно воспользоваться, и то с рассуждением и проверкой. Путь спасения простой: веруй во Христа, исполняй заповеди (сюда относится и постоянная молитва) и кайся в каждом самом малейшем нарушении любой заповеди. Особенно же не следует осуждать или огорчать ближних» (Письмо №151. С. 211).

«После твоего письма и разговора по телефону захотелось мне привести тебе на память слова еп. Игнатия: “Себя спасай! Блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле спасения: это — великий и редкий в наше время дар Божий”» (Письмо № 210. С. 286).

«Если поскользнешься, то не оправдывай себя, а кайся тут же пред Господом, укоряй себя и смирайся. По мнению еп. Игнатия и по предсказанию Св. Отцов, нашему времени дан особый путь спасения, соответственно состоянию всего человечества, именно: спасутся те, кто 1) сохранит веру, 2) без ропота будет терпеть все скорби и искушения и 3), сознавая свои немощи, смирится. Нашему времени нельзя дать подвигов вследствие гордости, проникшей в каждого человека. А видя постоянно свои недостатки, желающий может

смириться. Самые скорби он тогда будет принимать, как благоразумный разбойник: “Достойное по делам нашим приемлем”. Тогда они легче будут и переноситься» (Письмо № 229. С. 305).

«Я все больше убеждаюсь, что христианство не только “исчезает”, как говорил свт. Тихон Задонский, а уже исчезло. Полностью исполняется предсказание Игнатия (Брянчанинова) о падении монашества, а затем и Православия. Ни на одного человека нельзя положиться. Ужасно» (Письмо № 237. С. 315).

«Отец Никон почти сразу заметил, что бесполезно жить рядом с человеком, который знает, как надо жить, но не живет так. Он говорил это по великому смирению, но с большой простотой. “Вот поделиться с Вами, просто в силу своего возраста и жизненного опыта,— это было бы можно. Но того духовного руководства, в котором и я, и Вы одинаково нуждаемся, сейчас нет,— это он очень часто повторял, особенно вначале.— Не ищите этого, в наше время этого нет”» (Беседа о. Никона с О. М. Чавчавадзе. С. 427).

«Если когда-нибудь кто-нибудь из священников Вам скажет: “Идите за мной, я вас буду вести по духовному пути”,— бегите от него, этот человек в прелести» (Там же. С. 441).

Игумен Никон (Воробьев) говорил, что ни разу в своей жизни не видел человека, который в наши дни мог бы руководить действительно полноценно, так, как учили Отцы, и быть руководимым в той мере, как требовалось во времена Отцов древности, и самого себя не считал ничьим духовным руководителем. Считал, что его дело — предложить обращающимся к нему людям места

из Святых Отцов и вместе с ними поискать ответы на вопросы. Глубоко почитая святителя Игнатия (Брянчанинова), говоря, что в наше время нужно именно по его трудам учиться молитве и вообще христианству, игумен Никон замечает, что даже его советы по нашей немощи стали для нас почти не исполнимыми! Вот так писали подлинные старцы последнего времени, которые, по мнению о. Д., вероятно, находятся в прелести и не понимают подвига послушания.

Вот что пишет о современном ему духовном руководстве один из последних Валаамских старцев схиигумен Иоанн (Алексеев):

«У меня своих опытов духовных нет, а если кому отвечаю, то не свое, а заимствованное от Святых Отцов, и сам краснею: других учу, а сам как живу? В данное время мы лишены этого блага — жить под руководством опытного старца в духовной жизни. Руководитель должен указывать дорогу, по которой шел сам, а если будет руководить только по книгам, — выходит совсем не то. Говорящий и слушающий думают, что оба назидаются, но когда вкусят, *как благ Господь* (Пс. 33; 9), тогда только познают свои ошибки. Святой Петр Дамаскин говорит о себе, что много получал вреда от неопытных советников. Руководитель должен быть бесстрастным и иметь дар рассуждения, а именно: знать время, начинание, намерение, устройство человека, крепость, знание, усердие, возраст, силу, немощь, произволение, сокрушение, навык, незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность, нрав, место, воспитание, расположение, намерение, поведение, понимание, природный ум, старание, бо-

дрость, медлительность, намерение Божие, смысл каждого изречения Божественного Писания и многое другое (См. Творения прп. Петра Дамаскина. М., 1993. О рассуждении — *ред.*). Вот каков должен быть руководитель в духовной жизни и какое должен иметь рассуждение».

«Иные много говорят, но говорят, как сами понимают, и преимуществует буква, убивающая дух. Да, оскудел преподобный (см. Пс. 11; 2), и в данное время мы лишены этого блага — жить под руководством опытного старца: их нет. Преподобные Отцы своими прозорливыми очами видели наше оскудение в живых руководителях и оставили нам свое учение. Впрочем нелегко понять их учение правильно, ибо они писали из своего опыта — тут требуется хоть слабый, но некоторый свой опыт. Еще лучше, если найдется единомысленный советник, тогда легче изучать святоотеческое учение».*

А вот как отзывался этот подвижник об Афоне и Валааме: «Вы мечтали поехать на Афон или к нам. Но ведь и на Афоне иноки с неба звезд не хватают, там встретите много всего. Преподобный Григорий Синаит посетил Афонскую Гору, обошел все монастыри, встретил только троих, немного занимавшихся внутренним деланием, а у всех остальных было только наружное подвижничество. Это было в XIV веке. Так и у нас в данное время увидите много всего, очень может быть, что и бесполезного. Святые Отцы даже советуют погружаться вниманием в Священное Писание, а не бояться».**

* Загляни в свое сердце. Санкт-Петербург, 2002. С. 67–68; С. 293.

** Там же. С. 300.

— Известны также слова архим. Кирилла (Павлова) о том, что старички есть, а старцев он не знает, сказанные им в беседе со студентами Московской Духовной Академии и семинарии в 1996 г.

— В России утвердилась такая традиция, что лучшие духовники не требуют беспрекословного послушания, сознавая свою духовную немощь. Видимо, с точки зрения о. Доримедонта, одним из представителей «богословия непослушания» является и архимандрит Иоанн (Крестьянкин). В публикации «О духовничестве» в газете «Православный Санкт-Петербург» (№ 10 за 2001 год) о. Иоанн пишет: «В руководстве всегда хотят видеть твердый жезл, на который во всякое время можно опереться. Но настало уже такое время, которое отменяет все надежды на человеческое, указывает миру едину опору, едину надежду на Бога. Древние Отцы великими своими подвигами дошли до этой истины, они сознательно брали на себя тяжести и горечи подвигов, болезней и самоотречений. В наше время эта истина дается от Бога без нашего вмешательства, дается очевидно и зримо. Духовникам и чадам Божиим остается только понять, что сила их не в подвигах, не в учености, но в немощи, которую надо принять как свою спасительницу, примириться с ней, полюбить ее и сознательно принести свою немощь к стопам Божиим, чтобы в ней начала действовать благодать и сила Божия и вообразился в нас Христос».

Отец Иоанн (Крестьянкин) свидетельствует, что ныне не те духовники и не те послушники, что мы немощные люди, но ведь сила Божия совершается и в немощи. Ныне можно достигнуть спасения, и даже духовного совершенства, но пути к ним будут несколько иными.

Отвечая на вопрос, может ли современная монашеская жизнь проходить вне усвоения учения свт. Игнатия, архимандрит Рафаил (Карелин) сказал: «Святой Игнатий (Брянчанинов) переложил для нас учение древних Отцов в форме, более доступной для современного человека. Между его книгами и отеческим учением принципиальной разницы не существует, за исключением того, что свт. Игнатий указывает возрастающие немощи современного ему поколения. Раньше монахи со старого Афона даже приезжали к его могиле, чтобы взять у него благословение на делание молитвы Иисусовой. Значение творений святителя Игнатия было для меня особенно ошутимо в первые годы монашеской жизни. Тогда его творения было очень трудно достать. Помню, мне дала почитать первый и второй его тома одна игуменья. Когда я читал их, было чувство, как будто передо мной открываются новые глубины духовной жизни. Святитель Феофан Затворник на меня не производил такого впечатления, как свт. Игнатий (Брянчанинов). Мне кажется, потому, что у святителя Феофана больше систем, а у свт. Игнатия больше непосредственного внутреннего переживания духовной жизни... Один из старцев, схимонах Елисей говорил: “Творения святителя Игнатия (Брянчанинова) — это предисловие для современного человека к «Добротолочию»»*. «О том, как творить Иисусову молитву, написано достаточно книг. Я считаю, что для нашего времени особенно полезны книги свт. Игнатия (Брянчанинова)».**

* Архимандрит Рафаил (Карелин). О духовном делании. М., 2004. С. 41–42.

** Там же. С. 23.

Нынешнее российское иночество воспитано на творениях святителя Игнатия; он особенно высоко почитаем среди монашества российского. И если кто-то не хочет признать его влияния на судьбы всего русского монашества и христианства, от этого его влияние не уменьшится. В Греции святитель известен меньше, и, может быть, исключительно этим объясняется то, что на Афоне сложились несколько иные духовные традиции. Да, на Афоне, конечно, не было нашествия большевиков, там не рушили повсеместно монастыри, как в России. Турки их грабили, но все-таки не разрушали. Число Афонских преподобномучеников несравнимо с сонмом преподобномучеников Российских, пострадавших в годы гонений. И для нас творения святителя Игнатия — это спасительная вервица, это свет в ночи, по которому мы идем.

Афонцы сохранили традицию первых веков, но нужно же понимать, что сейчас другие времена. Афон, конечно же, отличается самым образом жизни, но есть объективные законы, согласно которым человечество все больше отступает от Бога и не имеет той силы благодати, которая была в золотые века монашества. Думаю, лучшие духовники Афона понимают, что нельзя требовать с современных послушников того, что могли требовать древние духоносные старцы от своих святых учеников.

— *Однако и греческие подвижники, и, в частности, схим. Паисий Святогорец упоминают о таких ситуациях, когда совершенное послушание не совсем возможно и правильно: “Если случайно кто-нибудь из нас, старцев, духовно немного косой, то да не требуем от монахов слепого послушания, чтобы не упасть всем нам в пропасть, по написан-*

ному: «Если слепец слепого ведет, то оба упадут в яму» (Мф. 15; 14)».*

— Приводимая же отцом Д. цитата из о. Паисия нисколько не противоречит учению свт. Игнатия, наоборот, вполне ему близка: «Если в продолжение твоего послушнического испытания тебе станет трудно, то смирись перед старцем и расскажи ему о своей трудности. Если тебе опять трудно, то опять смирись, потому что он или забыл о твоей трудности, или же хочет померить тебе пульс, чтобы знать, какой у тебя запас прочности» (С. 60). Старец говорит, что, если что-то не получается, не должно молчать, нужно пойти и обсудить это с духовником. А по логике о. Д., это не что иное, как возмутительное прекословие...

Вот еще интересные изречения старца Паисия из книги свящ. Дионисия Тациса «Архондарик под открытым небом»**:

«Старец сказал: “Чтобы подчиняться кому-либо, нужно или благоговеть перед ним, или бояться его. Подчинение от благоговения является духовным, от страха же — военной дисциплиной”.

Старец сказал: “Послушание — это ключ от дверей рая. Но только послушание, а не солдафонство, то есть вынужденное подчинение и молитва из-под палки. Никто не исцелился сам, и никто не спасется без послушания. Послушание и природная простота ведут к святости кратким путем”.

Старец писал также: “Часто мы видим, что даже послушники великих старцев не могут изложить того, что имел в виду их духовник, несмо-

* Схимонах Паисий Святогорец. Возвращение к Богу от земли на Небо. М., 2000. С. 27.

** М., 2000. С. 21.

тря на то, что они прожили подле него много лет и писания их старца написаны разборчиво и на современном им языке”».

Очень интересная мысль высказана в последнем изречении! Не от того ли случается, что ученики сосредотачивают все внимание на внешнем, формальном послушании, считая себя совершенными послушниками и не заботясь о том, чтобы понять своего наставника более глубоко, усвоить себе его духовные взгляды, научиться его добродетелям!

Как уже упоминалось, отец Д. приводит и такое интересное свидетельство: «Изъясняя ...21 Правило VII Вселенского Собора, прп. Никодим Святогорец указывает на причины, являющиеся основательными для оставления монахом обители своего пострига или для оставления послушником старца. Первой основательной причиной для этого признается еретичество игумена (старца). Второй причиной, основываясь на 32-м ответе святителя Василия Великого в его “Пространных правилах”, преподобный Никодим признает вообще душевный вред, который монах получает в обители» (С. 31). Отсюда видно, что из монастыря, в котором он пострижен, имеет право уйти в случае получения серьезного духовного вреда. Это подтверждает, что принцип послушания, в данном случае настоятелю обители, не только может, но и должен быть преступлен, если это послушание становится душевредным, связано с нарушением заповедей Божиих. Поэтому выходящие из некоторых современных монастырей не в мир (да не будет!), а для того, чтобы вступить в другую обитель, вполне имеют на то право и действуют в соответствии со Святыми Отцами и канонами Православной Церкви.

— В числе цитат, якобы подтверждающих его мнение, о. Д. приводит слова замечательного русского подвижника, прославленного в лике Московских святых, прп. Зосимы Верховского (‰ 1833): «Преподобный старец Зосима Верховский, вся жизнь и учение которого являются победоносным гимном послушанию, свидетельствует следующее: “Послушание совершенное не речет: «Тако и тако подобает», но слушает токмо и повеленная исполняет, повинуюся во всем, не истязуя: «Почто тако, почто сице»...*” (С. 29).

— Это несомненно так, но как уважаемый автор прокомментирует следующий эпизод взаимоотношений прп. Зосимы с его преподобным наставником Василиском: поступил ли о. Зосима вопреки тому, чему сам учил, или в действительности здесь нет противоречия?

«...Старцу Василиску пришло желание на непомерное воздержание, и он вознамерился положить себе неизменяемым правилом всю остальную жизнь свою никогда не вкушать ни молочного, ни рыбного, даже и в светлое Воскресение Христово. Отец Зосима не только сам не соглашался на сие, но старался удержать от сего предприятия и старца, который, вопреки своему естественному и благодатному смирению, пришел в негодование и огорчение даже до того, что хотел было навсегда расстаться с отцом Зосимою и удалиться в другую пустыню. А непременно свое намерение и желание такового постничества оправдывал примером великих пустынников, проводивших такую воз-

* В русском переводе: «Совершенное послушание не говорит: “Так и так нужно”, — но только слушает и исполняет повеленное, повинуюсь во всем, не спрашивая: “Почему так, почему эдак”».

держную жизнь. Отец же Зосима противопоставлял ему правила церковные и более трехсот пунктов написал в доказательство старцу своему, и все оные пункты основал на церковных преданиях, ибо разрешения сии учредила Церковь Святая не просто, но в духовном разуме: то во славу великих празднеств, то в опровержение еретических постов, и что малым вкушением рыбы и молочного не может разориться воздержная жизнь, но докажется только не разнственное мудрование с Православною Церковью и смиренная покорность ее постановлениям. Сими и подобными доказательствами отец Зосима убедил старца своего оставить свое намерение: и тот со смирением, сознаваясь в своем недоумении, обратился опять со всею любовью к единомудушному житию с духовным другом своим».*

Таким образом, мы видим, что в этом, на первый взгляд, благовидном и подвижническом деле отец Зосима не только не оказывает послушания своему старцу, ныне прославленному в лике святых прп. Василиску Сибирскому, но убеждает и его самого отказаться от задуманного. Следуя логике о. Доримедонта, он не только не должен был делать этого, но не должен был даже задумываться о том, прав ли старец и соответствует ли предпринимаемый им подвиг учению Отцов. Ведь «за все отвечает старец» и его ошибка «приведет только к добру».

В своем «Отечнике» святитель Игнатий приводит следующее место: «Некоторый брат спросил авву Антония: что делать мне, чтобы обрести милосердие у Бога? Святой старец отвечал ему: что скажу тебе, то сохраняй тщательно: где бы ты ни был, имей Бога пред очами твоими, делай только

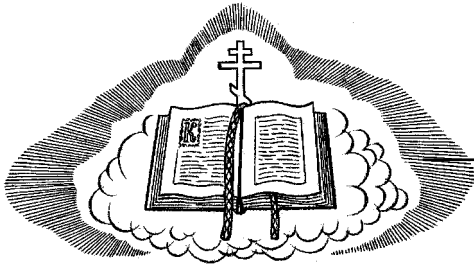
* Старец Зосима Верховский. М., 1994. С. 100–101.

то, на что имеешь свидетельства Писания, и остерегись скоро оставлять место, в котором ты живешь, каково бы это место ни было». Поясняя это наставление, свт. Игнатий пишет: «Из ответа преподобного Антония видно, что Священное Писание издревле признавалось основным руководством для монашества. Только те советы и те наставления старцев принимались за правило жизни, которые были согласны со Священным Писанием».

* * *

Понять святоотеческое учение о послушании в целом и написанное святителем Игнатием о прохождении этого подвига в наше время в частности может лишь тот, кто приложит все усилия к ежедневному и ежечасному пребыванию в послушании, насколько возможно человеку исполняя все заповедуемое, тщательно следуя словам Святых Отцов и моля Бога о научении творить Его всесвятую волю. Для того же, кто не принуждает себя постоянно хранить послушание своему духовному наставнику, разговор об этом подвиге останется теоретическим умствованием, которое при желании можно истолковать вполне превратно.

Написанное о. Доримедонтом об учении свт. Игнатия можно объяснить если не злонамеренностью, то, по крайней мере, очень поверхностным знанием святоотеческой литературы, из которой учение святителя непосредственно вытекает, и опытным незнанием всесвятого делания, о котором автор брошюры пытается писать. Человек, реально потрудившийся и проливший многие поты в подвиге послушания, не может судить о нем так легко, как это делает афонский инок, призывая «решиться на смерть» и смело идти на небо, не сняв прежде «сапог» своего новоначалия.

Глава 11

“ЗВУКИ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ГАРМОНИИ”*

*Письмо
преосвященного ИСИДОРА,
митрополита Новгородского
и С.-Петербургского,
епископу ИГНАТИЮ*

*от 7 апреля 1867 г.***

Получив сегодня третий и четвертый томы сочинений Вашего Преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о

* Данная глава приводится по машинописному сборнику: «Материалы к жизнеописанию еп. Игнатия (Брянчанинова)» (Библиотека МДА); вместе с соответствующими примечаниями составителя сборника.

** Л. Соколов. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Часть II. Киев. 1915. С. 22.

глубоком изучении Вами душеспасительного учения богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни. Не могу не выразить при сем душевного сожаления, что слабеющие силы Ваши отказываются служить крепкому духу Вашему в продолжение подвигов на том духовно-ученом поприще, на котором мы давно не видали столь усердных тружеников. Благодать Божия, в немощах человеческих совершающая силу свою, да приложит Вам дни на дни и лета на лета на пользу Св. Церкви. Радуйтесь о Господе и помяните в молитвах Ваших уважающего Вас и искренне преданного покорнейшего слугу Исидора, митрополита Новгородского и С.-Петербургского.*

* Подобный смысл имеют письма к преосвященному Игнатию:

1) Высокопреосвященного Евсевия, Экзарха Грузии, от 7 июня 1865 года; 2) Преосвященного Леонида, епископа Дмитровского, от 26 мая 1865 г., который называет Владыку Игнатия своим духовным руководителем; 3) Преосвященного Иоанна, епископа Выборгского, ректора С.-Петербургской Духовной Академии, от 30 мая 1865 г., который молит Бога: «чтобы Он благословил благочестивые труды Ваши и оправдал их как спасением Вашей собственной души, так и преуспеванием на пути спасения тех, которые с чистою мыслию о пользе души и духовном самоусовершеннии будут углубляться в Ваши труды»; 4) Преосвященного Саввы, епископа Можайского, викария Московского, от 25 мая 1865 г.; 5) Преосвященного Агафангела, епископа Вятского, от 18 мая 1865 г.; 6) Преосвященного Христофора, епископа Вологодского, от 25 мая 1865 г., в котором, кроме отзыва об «Аскетических опытах», дается отзыв о монастырях Вологодской епархии; 7) Преосвященного Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, на имя

Письмо
преосвященного ПЛАТОНА,
епископа Костромского,
епископу ИГНАТИЮ

*от 12 мая 1865 года**

Редко я по множеству дел моих могу снабжать мою душу святоотеческими писаниями. Вчера, улучив несколько минут свободных, взял в руки «Добротолюбие» и среди чтения прп. Дамаскина Петра подали мне Ваши аскетические писания. Тотчас беру в руки их и слышу в них звуки святоотеческой гармонии, наслаждаюсь духом древних Отцов. Некоторые из Ваших писаний мне были известны прежде. Раскрыл прежде всего «Плач мой». Так и чувствуется св. Ефрем. Примите, Владыко святой, живейшую благодарность за доставление мне трудов Ваших. Да послужат они во благо Церкви, как труды святителя Тихона, и да сподобит Вас Господь части святителя Тихона и преподобных и богоносных Отцов. В Церкви Вы оставили памятник своего духовного делания.

П. А. Брянчанинова, от 12 августа 1888 года.

В бумагах племянника преосвященного Игнатия, сенатора Н. С. Брянчанинова сохранилось не менее пятидесяти отдельных писем разных лиц — светских и духовных, касающихся содержания «Аскетических опытов» и других книг епископа Игнатия.

* Л. Соколов. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Часть II. Киев. 1915. С. 22, 23.

Ныне же я рекомандую всей епархии писания Ваши. Да возродится во всем духовенстве жажда к приобретению и усердие к чтению Ваших подвижнических писаний.

*Письмо цензора,
архимандрита ФОЛТЯ,
епископу ИГНАТИЮ*

*от 3 марта 1864 года**

«Счастливым почитаю себя, что получил милостивое рукописание Вашего Преосвященства; сугубо счастлив, что выпал мне — и, верно, выпал от руки Божией — благой жребий — прочесть произведения Ваши. Это было для меня — не труд, а приятнейшее занятие и наслаждение. Грехом считаю льстить, особенно — пред святительскою особою Вашего Преосвященства; не смею и вполне хвалить Ваших произведений, по своему убеждению, но не могу искренно не высказать моего впечатления, которое произвело во мне чтение их. Я поглощал их — так они отрадны и питательны, почему и держал их у себя более, нежели сколько должно было, о чем может сообщить Вашему Преосвященству и Его Превосходительство — Петр Александрович. Я учился от сих назидательных рукописей. Смею доложить Вашему Преосвященству: двадцать пять лет платил я дань шко-

* Л. Соколов. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Часть II. Киев. 1915. С. 23.

ле, бывши в это время и наставником тринадцать лет в двух Академиях — Киевской и Казанской, — но в этих предметах есмь сущий невежда: такое уже у нас учение. Область аскетических предметов у нас — земля неведомая. Произведения Вашего Преосвященства — первые в этой области, особенно в новейшее время. Великий и важный труд подъяли Вы, и многополезные спасительные плоды предлагаете тем, кои ищут спасения».

3-го ноября того же года цензор архимандрит Фотий, ознакомившись со следующими томами сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова), пишет автору:

«Напился от произведений Ваших духовною отрадою. Истинно поведаю Вашему Преосвященству — да не будет ми льстити святительской особе — по прочтении “Аскетической проповеди” и “Приношения монашеству”, не имелось охотности к чтению, кроме официальных, каких-либо других произведений, даже доброй литературы духовной: так произведения эти казались мелковаты и маловкусны по вкушению от духовно-сладких плодов».*

* Целый ряд монашествующих лиц дает отзывы о сочинениях епископа Игнатия в смысле признания их необыкновенной душевной пользы и свидетельствует о сильном впечатлении по прочтении их. Таковы, напр., письма архимандрита Игнатия (Мальшева) от 20 апреля 1865 г.; архимандрита Димитрия от 13 июня 1866 года и от 10 апреля 1867 года; архимандрита Иустина — ректора Ярославской семинарии — от 29 сентября 1865 года; архимандрита Илариона — от 30 января 1866 г.;

*Письмо архимандрита
ИГНАТИЯ (Малышева)
к епископу
ИГНАТИЮ (Брянганинову) **

Ваше Преосвященство!

Лежу я в том самом углу, в котором Вы лежали, и почитываю книжки, которые Вы мне прислали... При чтении оных пришло мне на память библейское событие: был голод во Израиле при Илии пророке, было заключено небо три года и шесть месяцев.

Тогда томилось человечество, томится и теперь, не голодом пищи, но голодом слышания слова Божия.

Вы отверзли небо — потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях, и от избытка чувств и душевной благодарности ничего более сказать не могу. Тот лучше знает, что дает бедной душе, кто благородно созерцая, уделяет от этой трапезы неимущему. Ваша книга — книга жизни! И учение воды живой,

Коневского игумена Израиля от 10 июля и от 12 ноября 1865 года; иеромонаха Ефрема; Валаамского игумена Дамаскина — от 17 февраля 1866 года; игуменнии Серафимы; монахини Марии и др. монашествующих лиц.

* Жизнеописание архимандрита Игнатия (Малышева), бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. С.-Петербург. 1899. С. 54.

наполняющей души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во время пророка. Хотя есть и другие источники, похожие на настоящие, но, к сожалению — не источники жизни, не утоляющие жажды, а сколько предлагается мутных, ядовитых для бедного человечества! Напившись из таких источников, хотя не поражаются смертью телесною, но смерть души приобретают.

Как бы мне хотелось, Владыко, вырваться к Вам, хотя бы на короткое время, но не предвижу возможности...»

Письма
известного проповедника,
прот. ВАСИЛИЯ НОРДОВА,
*епископу ИГНАТИЮ**

от 22 июня 1862 г.

Отзыв о сочинениях еп. Игнатия

«Приимите любоблагоутробно еще малое и убогое произведение старческого пера. Произносит это именующийся магистром доктору богословия не именем, а вещью, и просит Вашего архипастырского благословения и молитв».

В письме *от 26 июня 1865 года* протоиерей Василий Нордов делает более подробную оценку писаний епископа Игнатия и его личности:

* Л. Соколов. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Часть II. Киев. 1915. С. 24–25.

«Сочинения Ваши — бесценное сокровище. Такие дорогие и огромные две духовно-назидательные лепты вложили Вы в сокровищницу Православной Церкви Христовой. Вы представляете в наше время одного из древних пастырей-учителей, которые и сами изучили практически, и другим сообщили высокую науку жизни христианской. Сочинения Ваши живо напоминают нам творения великих мужей, на поприще пустынном и на престолах святительских учением и разумом просиявших. *Таков и должен быть* (Евр. 7, 26) каждый архиерей. Без слова, без жизни (как нередко, к прискорбию, видим), с одним бумажным, свойственным подъяческому люду, делом,— что за святитель! Страшно подумать,— а с нашим школьным просвещением Церковь Божия не только низошла, но и высшими духовными лицами забыта. И ежели и прежде было, кольми паче ныне естественно и нужно “удаляться бегая и водворяясь в пустыни” (см. Пс. 54, 8). Ваше Преосвященство лучше и скорее всех поняли эту справедливую и спасительную потребность».

В письме *от 30 августа 1869 года*, на имя Петра Александровича Брянчанинова, тот же протоиерей Василий, сам в ожидании смертного часа, еще раз входит в оценку писаний святителя Игнатия: «Получил Ваш драгоценный подарок (вероятно, пятый том и “Отечник”), к неоцененному моему утешению; облобызав, принял, прочитал и буду хранить, как заветный памятник Вашего расположения и как дело великого опытного ума блаженного писателя, с благоговением.

Дивный муж, великий, неподражаемый пастырь был брат Ваш. Какую высокую духовную премудрость стяжал он природным умом и долговременным опытом духовного делания. Творения его — именно святоотеческие, сокровище истинных христиан, слава нашей отечественной Церкви. Не могу не назвать блаженною утробу, которая носила и родила такого дивного христианского пастыря, такого великого святителя и учителя. Да упокоит обоих их и прославит в царстве небесном Господь и Владыка всех, к Которому они отошли от сего привременного бедственного живота! Да сподобит Господь молитвами нашего великого святителя и учителя и нас христиански окончить наше плавание в житейском море и пристать к тихому пристанищу будущего века без крушения!»*

*Отзыв Киево-Печерской Лавры
больничного доктора,
иеромонаха ФИЛАРЕТА,
о творениях епископа ИГНАТИЯ ***

Много потерпел я, много сокрушался, но вот Господь послал мне в утешение великую

* Таким же характером глубокой почтительности к преосвященному Игнатию и удовлетворенности его трудами исполнены также письма протоиерея Некрасова (Арзамас), прот. Троицкого Ставропольского собора Александровского, свящ. Илии Троицкого и др. духовных лиц.

** Л. Соколов. Епископ Игнатий (Брянчанинов). Часть II. Киев. 1915. С. 23.

книгу — сочинения епископа Игнатия — которая разрешает мои сомнения, поучает в недоразумениях, утешает в скорбях. Благословен человек, написавший ее. Много понес он скорби, много он выстрадал для того, чтобы, все испытав, принести пользу человечеству и в особенности монашеству. Я верил прежде, что это человек светский, аристократ, честолюбец. Читая его книги, я понял, сколько клеветы и злобы он понес! Нет, так не напишешь, если сам на себе не проверишь всего, если сам не прошел по пути скорби, гонений. Эта книга — “Аскетические опыты” епископа Игнатия (Брянчанинова) — вот она, всегда у меня под рукой. Не могу читать без слез “Плач мой”, — слезы льются, душа плачет...»

Отзыв
архиепископа Тверского
СЕРАФИМА
*о творениях епископа ИГНАТИЯ **

В 1915 году архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов, впоследствии митрополит Ленинградский; †1939 г.), заботясь о возрождении приходской жизни своей епархии, рекомендовал пастырям чтение тво-

* Обращение высокопреосвященного Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского, к духовенству епархии. Тверь. 1915. Ныне священномученик митрополит Серафим прославлен в лике святых Новомучеников и Исповедников Российских.

рений епископа Игнатия. Он писал: «Нельзя не читать сочинений Игнатия (Брянчанинова)... и других подвижников. Не рекомендую вам “Добротолюбие”, с этого начать нельзя, но ручаюсь, что прочитавший Игнатия (Брянчанинова) поразится своему неведению и получит высшее наслаждение».

*Из речи доцента
Московской Духовной Академии
игумена МАРКА (Лозинского),
перед защитой
магистерской диссертации*

Епископ Игнатий в своих сочинениях мудро отобразил дух учения Святых Отцов применительно к запросам своих современников. Учение епископа Игнатия о духовной жизни христианина-мирянина и монаха органически вытекает из творений Святых Отцов Православной Церкви. Он явился зеркалом святоотеческого учения.

Всю свою жизнь епископ Игнатий непрерывно изучал творения Святых Отцов. «Никто из современников не мог равняться с ним в знании отеческих писаний. Это была живая библиотека»,— писал о нем игумен Антоний (Бочков)*. Святые Отцы были его учителями на трудном иноческом пути.

* ГБЛ, ф. 425. Картон I.

Естественно, что, руководствуясь в своей жизни учением Святых Отцов, епископ Игнатий и в своих произведениях следует духу свято-отеческого учения.

С присущей ему духовной мудростью святитель Игнатий умел применять к своей жизни наставления древних подвижников, сообразовываясь с современными ему условиями. Это же самое изложил он и во многих своих сочинениях — учение Святых Отцов, примененное к требованиям современности. В этом самая важная особенность и достоинство сочинений епископа Игнатия. Об этой особенности своих сочинений Владыка говорит следующее: «Здесь (в его творениях) указаны изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние, здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий, не понявший и не приметивший необходимости применения».*

Глубоко изучив состояние христиан своего времени, архипастырь-подвижник пришел к заключению, что его современники неспособны к великим телесным подвигам и должны стремиться проходить духовный подвиг. Епископа Игнатия в полном смысле можно назвать учителем духовного делания и его неутомимым глашатаем.

* Сочинения. Т. 5. С. 3–5.

Учение Владыки о духовном подвиге глубоко и многогранно; но и здесь можно указать его особенности.

Епископ-подвижник неоднократно подчеркивает в своих произведениях, что основой духовного подвига является покаяние. Оно рассматривается им как всеобъемлющее настроение христианской души, как дар Божий, данный человеку, как первая новозаветная заповедь, как основа всех христианских добродетелей. Покаяние необходимо для приобретения живой веры во Христа и пребывания в ней. Труден путь истинного покаяния, но без него, по учению епископа Игнатия, христианин не может преуспеть ни в одной добродетели. Многочисленные и самые возвышенные подвиги, не растворенные чувством покаяния, становятся бесплодными и даже душевредными. Покаяние есть единственный истинный путь, следуя которому можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Покаяние для земного странника не имеет предела, оно сопровождает его до гроба и отверзает ему врата рая.

Учение о покаянии неотъемлемо от всего учения Владыки Игнатия. Оно содержится в его статьях, проповедях и письмах. Читая письма епископа Игнатия в хронологическом порядке, невольно замечаешь, что жажда покаяния в его душе была на протяжении всей жизни и с годами все более и более усиливалась. Свое стремление не только самому быть обладателем дара покаяния, но и сообщать его другим, епископ Игнатий прекрасно выразил словами: «...Милосердый Господь, дарующий рабам Своим все в

известное Ему время, да дарует мне, странствующему, приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! И поделюсь я сокровищами, доставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния — залог вечного блаженства. Убеленный покаянием да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Купец, желающий купить это село, должен продать все имение свое, чтобы купить село покаяния. Пусть буду этим купцом! Пусть буду обладателем этого духовного дара во спасение мое и ближних».*

«Аскетические опыты» святителя Игнатия имеют и еще одну характерную особенность. Это не отвлеченные воззрения на христианский подвиг кабинетного ученого, а творения, основанные на целожизненном подвижничестве по разуму Святых Отцов. Епископ Игнатий никогда не советовал другим того, чего сам прежде практически не испытал в своей духовной жизни. Поэтому и все его творения имеют особое практическое направление.

* Приложение. Т. 3. С. 92. № 302.